

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ОШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра методики преподавания русского языка и литературы

На правах рукописи
УДК 81: 82-7 (575.2) (043.3)

Сабиралиева Замира Маметовна

КОНЦЕПТ «ЮМОР» В МЕНТАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКА

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Зулпукаров К.З.

Бишкек – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРИНЦИПЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	9
1.1. Концепт как категория антропоцентрической лингвистики.....	10
1.2. Концепт «Юмор» в гносеологии, общей филологии и языкознании.....	19
1.3. Юмор как когнитивно-дискурсивное образование.....	24
1.4. К вопросу о типологии юмора и картины мира.....	32
1.5. Из истории изучения юмора в гуманитарных науках.....	36
1.6. Интерпретации юмора в научно-лингвистической литературе.....	47
Выводы по 1 главе.....	56
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮМОРА С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ТЕКСТА И ФРЕЙМОВО-СЦЕНАРНОЙ СТРУКТУРЫ	
2.1. Юмористические тексты как фактическая база исследования.....	60
2.2. Методы исследования.....	63
2.3. Юмор и менталитет этноса.....	66
2.4. Когнитивно-языковые приемы и способы создания юмора.....	75
Выводы по 2 главе.....	90
ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ И ТИПОВ ЮМОРА В КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ	
3.1. Разновидности юмористических текстов по объему.....	92
3.2. Юмористические тексты фреймово-сценарного строения, различаемые по стилю изложения.....	117
3.3. Типы юмора по языку изложения.....	134
3.4. Анекдот как особый ментально-языковой тип текста.....	148
3.5. Юмор в ткани произведений литературы и искусства.....	151

3.6. О трансформации юмористического текста как когнитивно-речевого произведения.....	153
3.7. Функции комического в общении.....	156
3.8. Юмор и национально-культурные стереотипы в когнитивно-языковой картине мира.....	159
3.9. Об основных свойствах и разновидностях концепта “Юмор”.....	175
3.10. Результаты собственных исследований.....	179
Выводы по 3 главе.....	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	183
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	187

ВВЕДЕНИЕ

Юмор есть многогранное и полиаспектное когнитивно-речевое произведение. Он встречается во всех сферах коммуникации и жизнедеятельности людей, играя важную роль в процессах общения. Он многообразен по тематике, целеустановкам, композиции, прагматике, способам оформления, стилистике и другим параметрам, может быть вербальным и невербальным, общим и конкретным (ситуативно-обусловленным), языковым и речевым, кратким и развернутым, общечеловеческим и национально-ориентированным и т.д. Соответственно юмор может быть предметом комплексного исследования, базирующегося на методологии языкознания, теории литературы, культурологии, когнитологии, этнологии, прагматики, логики и других смежных наук. Эта сторона кыргызской юморологии все еще остается открытой и неизученной.

В нашей республике в настоящее время интенсивно развиваются такие направления антропоцентрической лингвистики, как лингвоконцептология, лингвокогнитология, лингвокультурология и лингвопрагматика, достижения которых малоизвестны лингвистической общественности и нуждаются в развитии и широком применении в современных юморологических разысканиях.

Юмор широко представлен в произведениях Т. Молдо, Ш. Термечикова, Р. Шукурбекова, М. Алыбаева и др. и миниатюрах современных юмористов (К. Абылов, А. Иманкулов, Р. Разыков, Б. Кудайбергенов, Т. Анарбаев, Т. Курбаналиев и др.). Кыргызский юмор рассматривается только в контексте исследований сатирических произведений поэтов и писателей, а также фольклора (Х. Бапаев, К. Мамбеталиев, К. Исаков и др.) и заслуживает того, чтобы быть предметом специального изучения.

Термин *юмор* заимствован из английского языка через посредство русского и хорошо усвоен нашим языком, который имеет немало собственных номинантов юмора и юмористических ситуаций: *тамаша* «шутка,

удовольствие», *азил* «шутка, забава, шарж», *келеке* «насмешка, издевка», *куйкум/куйкумдуу сөз* «язвительное/ехидное слово, острое замечание», *какшык* «насмешка, издевка, ехидство; попрек, упрек», *шакаба* «издевка, насмешка, вышучивание», *такмаза* «издевка, ехидное вышучивание», *мыскыл* «насмешка, унижение, оскорбление», *аския* (в говорах) «острота, острая шутка-экспромт», *апыртма* «непомерное преувеличение, которая иногда выступает в качестве номинанта юмора и юмористической ситуации» и т.д. Некоторые из них находятся на периферии концепта «Юмор» и переходят в сферу сатиры. Эти экспоненты юмора тоже должны быть внедрены в ткань юморологии.

Изложенное предопределило **актуальность темы исследования**. Выбор темы диссертационной работы, следовательно, обуславливается целым рядом факторов:

1) неопределенностью понятийного и фреймово-сценарного содержания концепта «Юмор» в когнитивном языкознании; неизученностью репрезентативов данного концепта в кыргызской лингвокультурологии и лингвоконцептологии как в монолингвальном, так и диалингвальном плане;

2) важностью переноса идей и результатов исследования данного концепта и его репрезентативов на материале других языков на факты кыргызского языка, отражающие специфику общения, быта, развлечений, обычаев и других стереотипов его носителей;

3) неисследованностью национально-культурных и когнитивно-языковых особенностей кыргызского юмора в сопоставлении с аналогичными или близкими прецедентами других народов;

4) отсутствием в языкознании наиболее полного определения юмора как особого текста или как обособленного фрагмента текста, необходимостью выявления и описания основных признаков, функций, типов и концептуального строения юмора с точки зрения кыргызского лингвоэтнокультуроведения и общей лингвокультурологии;

5) неосвещенностью в кыргызском языкознании, литературоведении и фольклористике истории формирования и развития понятия «Юмор»,

принципов и критериев характеристики и классификации юмора; вторичностью, заимствованностью данного термина для кыргызской ментальности;

б) необходимостью изучения строения, функционирования и типологии кыргызского юмора с точки зрения лингвокогнитологии, лингвокультурологии, теории дискурса, теории речевосприятия и речепорождения, а также лингвопрагматики;

7) неизученностью в языкознании, теории дискурса, стилистике и лингвокультуроведении способов и путей варьирования юмористического текста, его трансформирования в зависимости от контекста и ситуаций общения, от психико-физиологических, социокультурных, национально-языковых и других особенностей участников общения в ролях как производителя, так и реципиента речевой информации.

Все это говорит о том, что выбранная нами тема диссертации является важной и необходимой для теории и практики антропоцентрической лингвистики, для лингвоэтнокультурологического описания концептосферы языка.

Связь темы с государственными программами и проектами научно-исследовательских учреждений. Работа выполнена в рамках проекта «Лингвокультурные объекты Кыргызстана в контексте современных парадигм языкознания», который финансировался Управлением науки и новых технологий Министерства образования и науки республики в 2009-2011 гг.

Цель работы – комплексно-сопоставительное описание межъязыковых, межкультурных, национально-специфических и дискурсивно-текстовых свойств репрезентативов концепта «Юмор» на основе положений полипарадигмального подхода к изучению связи языка с сознанием, культурой и фольклором.

Достижение цели предполагало решение следующих **конкретных задач**:

1) изучить литературу по теории лингвистического антропоцентризма, лингвоконцептологии, лингвоэтнокультурологии, лингвопаремиологии и

других смежных лингвистических дисциплин под углом зрения теории юмора; определить общие закономерности создания юмора и юмористических ситуаций; предложить наиболее общее и универсальное определение юмора в контексте теории дискурса; раскрыть понятийное, фреймово-сценарное и дискурсивно-текстовое содержание концепта «Юмор»;

2) составить картотеку высказываний выдающихся деятелей культуры и науки о юморе, соответствующих положений о комическом в филологии, культурологии и эстетике, юмористических мини-произведений в аспекте лингвопаремиологии, произвести их классификацию и интерпретацию с учетом современных достижений прагмалингвистики, теории межкультурной коммуникации и текста, когнитивного языкознания;

3) продемонстрировать зависимость понимания, запоминания, использования, оценки и распространения юмора от целого ряда экстралингвистических факторов (возраста, пола, образования, профессии, национальной принадлежности, веры, времени, места проживания и т.д. участников общения);

4) выявить варианты, вариации и трансформы юмора и определить основные способы варьирования юмористического мини-текста в дискурсе; установить смысловую эквивалентность и художественно-эстетическую тождественность варьируемых трансформ анекдота или другого жанра юмора; продемонстрировать виды потери и лишения остроты при преобразовании и переводе анекдота с одного языка на другой;

5) изучить опыт юмористов и сатириков по переводу и трансформированию анекдотов, остроумных миниатюр и т.д. с одного языка на другой.

Научная новизна полученных в работе результатов состоит в том, что в ней

- определены понятийные и фреймово-сценарные свойства концепта «Юмор», суммарно отражающие его когнитивно-дискурсивную сущность; продемонстрирована специфика объективизации концепта «Юмор» в тексте;

- показана зависимость понимания, использования и оценки юмора не только от лингвистических, но и многочисленных экстралингвистических (социальных, национальных, культурных, религиозных и др.) факторов; выявлены особенности его прагматики;

- осуществлена наиболее обоснованная классификация юмора, включающая в себя все его жанры и поджанры, типы и подтипы;

- обосновано положение о варьируемости и трансформируемости юмористических текстов в зависимости от ситуаций, индивидуально-личностного своеобразия говорящего и/или слушающего, от переводчика и специфики языка, на который они переводятся; впервые в юморологии привлечен и проанализирован фактический материал на кыргызском языке;

- установлены основные способы преобразования юмора (перевод, замена одного элемента другим, перестановка элементов, опущение, вставка и т.д.); доказана невозможность перевода языковых анекдотов с одного языка на другой с сохранением остроумия.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможном их использовании в курсах «Теория языка», «История и теория сатиры», «Устное народное творчество», на практических занятиях по обучению языку, в спецкурсе «Основы лингвопаремиологии».

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Юмор есть обобщенное, абстрактное ментально-языковое образование со своим специфическим концептуальным содержанием и сценарно-дискурсивным строением.

2. Концепт «Юмор» обладает сложной прагматикой и предполагает адресата, адресанта, определенную ситуацию, особую «композицию», логику и приемы построения.

3. Общее определение юмора охватывает и координирует в своих пределах его частные определения, жанры и поджанры, типы и подтипы, служит основанием для разработки более рациональной классификации юмора.

4. Юмор динамичен, постоянно переходит из уст в уста и варьируется. Варьирование юмора зависит как от лингвистических, так и от экстралингвистических факторов.

5. Перевод с одного языка на другой является одним из наиболее распространенных способов трансформации юмора наряду с такими приемами преобразования, как пропуск, вставка, замена и перестановка элементов в тексте. Невозможно перевести языковые анекдоты, сохранив остроумие.

Личный вклад соискателя. Идея принадлежит научному руководителю. Изучение литературы, сбор, систематизация, анализ фактов, обобщение, формулировка результатов осуществлена соискателем лично.

Апробация результатов исследования. Основные положения, идеи и фактический материал использовались автором на практических занятиях русского языка и занятиях пропедевтического курса русской литературы на I и II курсах факультета русской филологии Ошского государственного университета. Примеры из картотеки соискателя (2903 единицы) применяются студентами на торжественных представлениях, проводимых на факультете в связи с различными праздниками, и культурно-информационных мероприятиях.

Текст работы по частям обсуждался на кафедрах русского и сопоставительного языкознания и методики преподавания русского языка и литературы ОшГУ, в полном объеме – на объединенном заседании языковых кафедр университета. По теме исследования опубликовано 35 статей, в том числе 14 – в журналах, индексируемых в России и зарубежом, и прочитано 16 докладов на университетских и республиканских научно-практических конференциях.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Объем – 186 страниц стандартного компьютерного текста. Список литературы насчитывает 273 наименования.

ГЛАВА 1. ПРИНЦИПЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Юмор как текст многогранен и полиаспектен. Он носит дискурсивный характер, имеет сценарное строение и отражает фрагменты жизни человека, жизненные ситуации и события во всей сложности и многообразии, выполняет в обществе разнообразные социально-значимые и индивидуально-ценностные функции. В сознании каждого человека, этноса и всего человечества есть представление о юморе. Чувство юмора является неотъемлемым признаком остроумия и высокого интеллекта человека. А умение создавать и понимать юмор дано не каждому. Умение производить, собирать и презентовать его является уделом отдельных особо одаренных личностей – юмористов.

Юмор как концепт существует в сознании, в уме человека. Он материализуется с помощью комплекса языковых знаков и непосредственно связан с национально-культурными стереотипами.

Задачами данной главы являются: 1) рассмотрение истории изучения юмора в гуманитарных науках – в философии, общей филологии, фольклористике, психологии, литературоведении, языкознании и т.д.; 2) предварительное определение понятия «Юмор» с точки зрения гносеологии, социологии, теории речевых актов и других смежных наук; 3) изложение принципов исследования, разработанных в лингвокультурологии, этнолингвистике, когнитивном языкознании, лингвистическом концептуализме и прочих отраслях антропоцентрического языкознания и учитываемых нами при рассмотрении концепта «Юмор» и его основных номинантов; 4) характеристика юмора как разновидности художественного текста и его основных текстовых функций; 5) определение места юмора в ментально-языковой картине мира и этноса.

Глава носит обзорный характер. В ней излагаются основные идеи и положения лингвоэтнокультуроведения как новой научной дисциплины,

которыми мы руководствуемся при типологии и описании юмористических речевых произведений.

1.1. Концепт как категория антропоцентрической лингвистики

Характерной особенностью современной лингвистики является исследование языка в тесной связи с человеком, его сознанием, познанием окружающей действительности и его практической деятельностью. Поэтому в ней на первый план выдвигается изучение языка с учетом языковой личности. Человек не просто воспринимает и познает мир, он живет в нем, в результате чего в его языке находит выражение не только объективная реальность, но и сам человек как познающий и преобразующий жизнь субъект. В этой связи выявляется особая значимость проблемы соотношения языка и мышления, решаемая в современной лингвистике в статусе когнитивного концептологического направления, которое предполагает выявление основных закономерностей образования абстрактных концептов, имеющих репрезентацию в семантических пространствах различных языков.

Известно, что знания людей об объективной действительности организованы в виде концептов, абстрактных ментальных структур, отражающих различные сферы деятельности человека. Человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе мышления. Поэтому концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания [173].

В настоящее время изучение концептов в языке является одним из самых распространенных и перспективных направлений в лингвистике. Введение термина «концепт» в категориальный аппарат лингвистической науки было обусловлено сменой научной парадигмы гуманитарного знания на антропоцентрическую, возвратившую человеку статус «меры всех вещей» и вернувшую его в центр мироздания [45, с. 6; 207, с. 224-226].

Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека из непосредственного чувственного опыта (органы чувств); из

непосредственных операций человека с предметами (предметная деятельность); из взаимодействия при помощи мыслительной деятельности с другими уже сформированными концептами из языкового общения [172, с. 4].

Термин «концепт» не имеет однозначного толкования в науке о языке на современном этапе ее развития: разработано большое количество определений концепта и методов концептуального анализа. Как правило, исследователи кладут в основу дефиниции концепта его определенные стороны, те, которые представляются наиболее значительными в рамках науки, в области которой проводятся исследования. Так, представители когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф (1985), А.П. Бабушкин (1996), Н.Н. Болдырев (2000), Е.С. Кубрякова (1994), З.Д. Попова (2007), И.А. Стернин (2015), М.Дж. Тагаев (2004), У.Дж. Камбаралиева (2019) и др.) делают акцент, прежде всего, на ментальной сущности концепта, на его принадлежности сфере сознания индивида. Они рассматривают семантику языка как средство доступа к содержанию концепта и изучают концепты, исходя из семантики лексико-грамматических форм языка. При лингвокультурном подходе основным при определении концепта является факт этнокультурной обусловленности (С.Х. Ляпин (1997), Т.В. Токарев (2000), С.Г. Воркачев (2001), В.И. Карасик (2004), З.Х. Бижева (2004), Г.Г. Слышкин (2004), Ю.С. Степанов (2007), З.К. Дербишева (2012) и пр.).

При ментально-логическом подходе на первый план выдвигается ответ на вопрос о том, как материализуются в языке понятия и суждения, как оформляются логические пропозиции мысли (Р.И. Павиленис (1983), Н.Д. Арутюнова (1998), А.Н. Сыдыков (2013), С.М. Амиралиев (2011) и др.). Представители философско-семиотического подхода основное внимание обращают на когнитивные основы знаковости и знаковых систем в языке (А.А. Ветров (1968), Ч. Моррис (1983), А.В. Кравченко (2009) и др.). В языкознании выделяется и еще один подход – психолингвистическое понимание концепта (Л.О. Чернейко (1997), А.А. Залевская (2001), В.В. Красных (2002) и т.д.). Отметим, что к данной модели концепта

примыкают исследования, выполненные по эмотивной лингвистике (В.И. Шаховский (1988), Н.А. Красавский (2001), О.Н. Кондратьева (2004), М.И. Лазариди (2011), Г.Ж. Болотахунова (2012), Р.К. Ормокеева (2016) и др.). Можно выделить и еще один подход – лингвоконцептологический. Он свойствен трудам тех лингвистов, которые на передний план выдвигают способность языковых знаков концептуализировать мир и его части в аспектах устройства и истории пространства и времени, целого и части, абстрактного и конкретного и т.д. (М.Дж. Тагаев (2004), О.Н. Кондратьева (2004), М.В. Пименова (2006), М.А. Петров (2016), У.Дж. Камбаралиева (2019) и др.). Мы можем говорить о наличии еще одного подхода – лингводидактического и дидактического, который представлен в труде А.А. Абдулатова «Некоторые вопросы описания паремий в когнитивно-педагогических целях» (2006).

Список подходов можно продолжить. Но сказанного достаточно, чтобы иметь общие представления о возможности рассмотрения категории концепта с разных точек зрения, с разных позиций [91, с.21-22].

Данные подходы к пониманию концепта (лингвокогнитивный, лингвокультурный, психолингвистический, ментально-логический и др.) являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими, так как они представляют одно явление, но с разных сторон. Односторонний подход к трактовке концепта не дает полного представления о его природе.

Новейшие исследования соотношения языка и мышления позволяют рассматривать концепты не только в философском, но и в лингвистическом, культурологическом и других аспектах, предлагается большое количество их интерпретаций, классификаций и методов исследования.

Современные исследователи понятия «концепт» дают ему разные определения.

Е.С. Кубрякова и ее коллеги по сборнику «Краткий словарь когнитивных терминов» считают, что концепты – это единицы сознания и информационной структуры, отражающей человеческий опыт. Она называет концептом также «оперативную единицу памяти, всей картины мира, квант знания» [118, с. 90].

По А.П. Бабушкину, концепт «является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются» [22, с. 16]. Предметом изучения языковеда Н.Ф. Алефиренко тоже был концепт. Он считает концепт когнитивной (мыслительной) категорией, квантом знания, сложным, жестко не структурированным смысловым образованием описательно-образного и ценностно-ориентированного характера [10, с. 17].

Большое внимание исследованию концепта уделяет Н.Н. Болдырев. Он считает, что в результате познавательной деятельности у человека формируются понятия, которые затем объединяются в систему знаний о мире. Эта система состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции. Разнообразие форм познания определяет разные способы формирования концептов в сознании человека. Ученый выделяет следующие способы образования концепта: на основе чувственного опыта, предметно-практической деятельности человека; на основе мыслительной деятельности, вербального и невербального общения [34, с. 23].

Г.В. Токарев рассматривает концепт как глобальную, многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны следующие признаки: исторический детерминизм; широкая экстенциональность; структурированность интенционалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок; неоднородность содержания; разнообразие типов знаковых репрезентаций [217, с. 13].

По мнению В.В. Колесова, концепт является основной единицей ментальности. Он подчеркивает, что концепт есть чистый смысл, первосмысл, первообраз, константа, архетип, что концепт воплощается в слове через его содержательные формы: образ, понятие, символ [108, с. 52-59].

Другие исследователи полагают, что концепт – это единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. Именно вербализованность и этнокультурная маркированность отличают ее от понятия, представления и значения [44, с. 64]. Однако есть ученые, признающие понятия, представления и значения единицами концепта.

Подобная трактовка с некоторыми дополнениями представлена в трудах некоторых других авторов, например, по мнению В.И. Карасика, «Единицы лингвокультурологии – культурные концепты» [98, с. 40]; «Концепты – основные ячейки культуры в ментальном мире человека, существующие в виде понятий, знаний, ассоциаций, переживаний в сознании человека» [198, с. 41]; «Концепты связаны с конкретными ситуациями в памяти людей, и эти ситуации подводятся под сценарий, именуемый соответствующим концептом, например, «милосердие» – предоставление возможности избежать неприятности, пожертвование, помощь и т.д.» [73, с. 60].

Концепт вербализуется и становится частью семантического пространства языка, получая для своего выражения систему языковых знаков. Язык может репрезентировать всю информацию, полученную человеком, и накопленный опыт социума. В этом заключается одна из функций языка. Л. Ельмслев писал о языке: «Язык – инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент, посредством которого человек влияет на других людей... Язык... глубоко связан с человеческим разумом. Это богатство памяти, унаследованное личностью и племенем, бодрствующее сознание, которого напоминает и предостерегает...» [72, с. 131].

Причиной такого разностороннего взгляда на данный феномен является, на наш взгляд, то обстоятельство, что информация, заключенная в концепте, чрезвычайно многогранна и многоаспектна: она дает сведения об обозначаемом объекте со всех сторон, во всем многообразии его проявлений и связей с другими объектами. Несомненно, что наиболее полное раскрытие содержания концепта может обеспечить лишь сочетание различных подходов, результаты которых дополняли бы друг друга и позволили бы сформулировать наиболее полное и непротиворечивое определение.

Все это показывает, что практическое приложение теории концепта находит все большее развитие, которое должно быть и нами учтено при анализе юмористического текста.

Концепты, сформированные носителями языка и хранящиеся в памяти людей, образуют концептосферу языка. Понятие концептосферы впервые было сформулировано Д.С. Лихачевым, который обозначал этим термином совокупность концептов языка [131, с. 8-9]. Определяя ключевое понятие «концепт», Д.С. Лихачев отмечает, что он исходит из трактовки С.А. Аскольдова-Алексеева, который толкует «концепт или общее понятие как мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [21, с. 267-269]. В отличие от С.А. Аскольдова Д.С. Лихачев полагает, что «концепт существует и для самого слова, а, во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно и, во-вторых, предлагаю считать концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения («алгебраическим обозначением»), которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда, по-своему, интерпретирует его» [131, с. 4].

Концепты составляют очень разнообразные сферы, в совокупности создающие концептосферу национального языка. При этом он утверждал, что изучать сферу концептов (или, иначе, концептосферу) национального языка необходимо в теснейшей связи с культурой народа. Д.С. Лихачев писал: «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (оно также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации» [130, с. 284].

Идея Д.С. Лихачева развивается в целом ряде трудов других лингвистов, что свидетельствует о ее важности для языкознания, прежде всего – для когнитивной лингвистики. Например, согласно С.А. Кошарной, концептосфера – это различные типы объединения концептов (от бинарных оппозиций до концептуальных рядов и множеств), формирующие концептуальные поля.

Объединение полей и составляет концептосферу [113, с. 54]. Другие ученые указывают и на источники формирования и развития концептосферы языка.

З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что источником формирования концептов является познавательная деятельность людей. «Концептосфера – область мыслительных образов, единиц универсального предметного кода, представляющих собой структурированное знание людей». Кроме того, концептосфера носит достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами [173, с. 18].

Понимание концепта как единицы концептосферы предполагает признать, что концепт является не только когнитивным образованием, единицей мыслительных и психических ресурсов отдельной личности, но и фактом культуры и истории нации. Отрицать связь концепта с культурой так же неправомерно, как отрицать связь человека, его мышления, сознания с культурой. Концепт богат по содержанию и связан со знанием, которое отражает существующие признаки и свойства объекта. Во всех концептах складываются идеи, которые возникали в разное время и в разные эпохи. Поэтому считается, что концепт представляет собой сгусток истории и культуры. Следовательно, определение концептосферы требует синкретического анализа, совмещающего доводы разных подходов – синхронического и диахронического, когнитивного и культурно-логического, философского и логического, гносеологического и обыденно-бытового, языкового и психологического и т.д.

На основе данных лингвистических источников можно определить основные свойства концепта. **К общим свойствам концепта как ментально-языкового образования**, на наш взгляд, относятся: 1) мыслительно-психологический характер образования и существования, способность быть единицей сознания; 2) тесная связь с этносом, с его историей и культурой, этнокультурная обусловленность бытования; 3) динамичность

функционирования; концепт находится в постоянном движении и развитии, изменении и преобразовании, сужении и расширении, исчезновении и воскрешении и т.д.; 4) обособленность, относительная автономность и выделимость из массы других концептов; 5) способность к номинированию и материализации через языковые знаки, прежде всего, – через слова; б) структурированность, проявляющаяся в возможности разграничения частей, компонентов и их связей; 7) способность к дифференциации внутри себя типичных и атипичных, продуктивных и непродуктивных, центральных и периферийных, частотных и менее частотных и других полей и сфер; 8) многослойность и многоаспектность строения, выразившаяся в возможности различения первичных и производных, денотативных и коннотативных, понятийных и оценочных, нейтральных и экспрессивно-эмоциональных, синхронических и диахронических (этимологических), сосуществующих и деривационных (однородных и выводимых), понятийных и образных, фреймовых и сценарных и т.п. признаков; 9) способность к замещению в процессе и структуре мышления неопределенного множества однородных и однопорядковых предметов; 10) непосредственная связь с вербальными средствами; материализованность в языковых знаках; 11) соотносимость с совокупностью разнородных (лексических, синтаксических, фразеологических, афористических, текстовых и др.) средств языка, образующих когнитивно-языковую парадигму; 12) способность передаваться и невербальными средствами (символами, сигналами, кодами, цифрами, жестикуляцией, мимикой и т.д.); 13) симметричность ассоциативных парадигм в уме говорящего и слушающего, обеспечивающего их взаимопонимания (концептуальная асимметрия приводит к разного ряда межъязыковым и межкультурным лакунам); 14) свойство категоризировать и концептуализировать действительность через обозначение, выражение и описание.

Принадлежность к области идеального, к сознанию, этнокультурная обусловленность и вербальные средства выражения – важнейшие

категориальные характеристики концепта. Поэтому считается, что через значение лексической единицы (имени концепта или других его репрезентантов), через организацию ее семного состава или лексико-семантических вариантов можно выйти на содержание концепта (А.П. Бабушкин (1996), А. Вежбицкая (2001), Г.Г. Слышкин (2004) и др.).

Концепт, будучи когнитивной категорией и семантической сущностью, отправляющей к плану содержания определенной знаковой единицы, соотносим с категориями понятия и значения языкового знака. При этом концепт нельзя отождествлять ни с понятием, ни со значением слова, которое его репрезентирует. Концепт гораздо шире их обоих, свободно вбирает их в себя, и включает в себя и другие более сложные ментально-языковые образования, такие, как представление, образ, фрейм, сценарий, пропозиция и др.

Языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта – некоторую часть наших знаний о мире, поскольку из-за его объемности целиком концепт выразить невозможно. Языковая единица, выступающая в роли имени концепта, выражает этот феномен в общей форме и упрощенно.

Содержание концепта включает понятие, являющееся одной из его составляющих. В отличие от понятия в состав концепта входят, помимо понятийного, ценностный и образный, этимологический и деривационный, предметный и коннотативный и другие компоненты, так как он подчиняется закономерностям когнитивно-психической и коммуникативно-речевой жизни человека.

Важной проблемой для лингвистов является **выбор оснований для классификации концептов**. Являясь сложными сущностями, концепты не поддаются одномерной классификации, поскольку сам мир, отображаемый концептосферой языка, многомерен. Однако учеными предпринимались неоднократные попытки классификации концептов на основе того или иного признака.

Среди классификаций концептов, представляемых в различных работах, наиболее распространены: 1) когнитивная (конкретно-чувственный образ, представление, схема, понятие, прототип, пропозиция, сценарий (скрипт), гештальт); 2) культурологическая (конкретные и абстрактные концепты, концепты-автохтоны и протоконцепты и т.д.); 3) социолингвистическая (этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные); 4) понятийная (классификация, различающая базовые концепты (космические, социальные, психические) и концепты-дескрипторы (дименсиональные, качественные, количественные)), концепты [203, с. 43-46].

Отличительными особенностями художественного концепта, в нашем случае – концепта «Юмор», является то, что он имеет ассоциативную природу, обладает и эстетической сущностью, и образными средствами выражения и сценарно-дискурсивное строение, обусловленными авторским замыслом, особенностями реципиента и ситуации. Семантический объем художественного концепта включает в себя общекультурный и индивидуально-авторский компоненты. Художественные концепты тяготеют, прежде всего, к потенциальным образам и направлены на них. Возможности художественных концептов шире и неопределеннее, поскольку они обладают большим потенциалом к экстраполяции и широкому распространению.

Степень соответствия универсальных и индивидуально-авторских знаний в художественной картине мира текста может быть различна: от полного совпадения, тождества – до полного расхождения или непонимания. Следовательно, концепты художественного текста не могут быть четко и безоговорочно определены и описаны. Они могут быть изучены только в определенном аспекте и с определенной точки зрения.

1.2. Концепт «Юмор» в гносеологии, общей филологии и языкознании

Понятие юмора имеет познавательное, когнитивно-языковое, художественно-эстетическое, этноментальное, фольклорно-литературоведческое, релаксационно-психологическое, коммуникативно-

информационное, сценарное и другое содержание, что говорит о его социальной значимости, многофункциональности и распространенности.

Мы ниже кратко остановимся на некоторых аспектах теории и практики юмора и на его роли в жизни человека.

Юмор соотносится с одной из самых сложных категорий эстетики – с категорией комического, которая охватывает большую группу разнородных явлений, разнообразных по форме и по содержанию.

Юмор вызывает столь большой интерес к себе благодаря своей включенности в контекст культуры. Удовольствие от юмора, под которым в наивном словоупотреблении имеется в виду «беззлобно-насмешливое отношение к чему-либо и изображение чего-нибудь в смешном, комическом виде» [46, с. 19], имеет психологическую природу и при этом ускользает от психологических объяснений.

О юморе часто писали как о средстве избавиться от целого ряда существенных, но порой обременительных человеческих проявлений; его понимали как средство вырваться из-под гнета разума, видели в нем альтернативу состраданию, средство победить пиетет и страх, видели в нем антитезу стыда. По З. Фрейду, остроумие помогает преодолеть преграды, сооруженные логикой и моралью [227, с. 119-129]. К числу вещей, от которых освобождает смех, относили конформизм, комплекс неполноценности, наивность, социальную запрограммированность, самомнение, серьезность, условности, преклонение перед авторитетами и благоговение перед смертью. Число «антитез» юмора, считает А.Г. Козинцев, можно было бы увеличить в десятки раз, но даже приведенный список опровергает расхожее мнение о юморе как средстве «автокоррекции» культуры, ибо большинство отвергаемых смехом явлений (прежде всего – разум и мораль) как раз и составляют каркас культуры [105, с. 31].

Юмор вносит в стандартное, общепринятое и привычное общение элемент новизны, проблеск остроумия и неожиданности.

Т.А. Гридина пишет о лингвокреативном мышлении, которое, помимо стандартного, стереотипного способа общения, обеспечивает и индивидуальный, творческий подход, при котором происходит выдвигание на первый план акта выражения [54, с. 16].

Ключевое понятие лингвистической теории вербального юмора В. Раскина – это семантический скрипт, являющийся когнитивной структурой, ассоциативно окружающей слова, репрезентирующей знания носителя языка о фрагменте мира. Текст может превратиться в анекдот, если он частично или полностью согласован с двумя противоположными скриптами [254].

Как отмечает А.Г. Козинцев, юмор и смех на первый взгляд образуют неразрывное единство: стимул – реакция [105, с. 16]. Однако эта связь далеко не так проста, ибо высказывания, отвечающие всем «научным» критериям юмора, сплошь и рядом не вызывают смеха. Если бы смех был действительно надежным мерилom переживаний, связанных с юмором, многие загадки юмора давно были бы разгаданы. Так что смех может трактоваться как нечто вторичное, «внешний и непостоянный отблеск» внутреннего переживания, а разгадку комического следует искать в нем самом, а не в его смеховом отражении, столь зыбком и ненадежном. В то же время, полагает А.Г. Козинцев, как бы ни относиться к смеху, ведь именно ради него все и затевается. Просто юмор, как явление искусства, представляется исследователям «более благородным и достойным внимания», чем «тривиальная физиологическая реакция – смех». Юмор присущ эстетически развитому уму, способному быстро, эмоционально-критически оценивать сущность явления, склонному к богатым и неожиданным сопоставлениям и ассоциациям [37, с. 85-86].

И в филогенезе, и в онтогенезе смех появляется раньше юмора. Юмор возник и существует не только для смеха. Для юмора необходим смех, но и необходимо нечто другое, т.е. остроумие. Первичная функция комического искусства именно в том и состоит, чтобы смешить остроумно. Щекотка тоже смешит людей. Но это не искусство, это не эстетика. В ней нет остроумия.

«Юмор выступает как общественно-санкционированный смехопорождающий механизм, реализующийся через знаковые системы» [24, с. 176]. В этом понимании подчеркивается три свойства юмора 1) общепринятый характер; 2) способность вызывать смех; 3) знаковость выражения.

В европейской культуре сложились два противоположных типа отношений к юмору, к смешному – отрицательное и положительное.

Специфика концепта «Юмор» в русской лингвокультуре обусловлена исторически. Известно, что русское православие, в отличие от западного христианства, считает смех грехом. Русские святые не могли шутить и смеяться (если только не были юродивыми, как Василий Блаженный). Смеются, по представлению православной церкви, дьявол и нечистая сила. С.С. Аверинцев утверждает, что в Европе смех был укрощен, введен в систему, и там смеяться было можно и даже нужно (поскольку смеялись даже святые), а вот у нас смех был стихией и безоговорочно опасен [6, с. 341-345]. Русские по натуре склонны тянуться к дьяволу – преступать, кощунствовать и смеяться, и православная церковь действует тут благотворно и охранительно.

Впрочем, некую часть зла усматривают в смехе и первые его теоретики – Платон и Аристотель. В религиозной средневековой традиции «смехотворство» почти единодушно причисляется к разряду грехов. В Новое время против «бездумного» смеха предостерегали многие мыслители – Т. Гоббс, Ш. Монтескье и другие.

Традиция Демокрита и Лукиана, Рабле и Вольтера, напротив, предлагает трактовку смеха как явления, открыто противостоящего злу. Два тезиса – «Смех противостоит злу» и «Смех содержит элемент зла» – составляют этический парадокс смеха.

Как отмечают А.В. Дмитриев и А.А. Сычев: «Функция смеха – символизировать радость и бороться со злом, в смехе нет никакого зла... В конце концов, даже то, что зло в ряде случаев может выразиться в смехе, менее опасно, чем ситуация, когда зло проявляется в конкретных деструктивных действиях» [65, с. 482]. В этом утверждении подчеркивается двойственный

характер отношений людей к юмору. Дуалистическое отношение свойственно также кыргызскому менталитету. Кыргызы неодинаково относятся к юмористическим произведениям: одни из них одобряют, положительно, с пониманием реагируют на него, другие же воспринимают юмор как насмешку, издевательство и неуважение к адресату.

Многие исследователи юмора (В.И. Карасик (1997), В.М. Иванов (1999), Е.Я. Шмелева (2002) и др.) отмечают, что чаще всего **юмористический текст** (как в устной, так и в письменной форме) **строится по принципу двучастности: в нем есть интродукция (зачин) и развязка (финал, конец)**, но (в типичном анекдоте) нет средней части – фабулы – в силу краткости анекдота. Если зачин и оказывается достаточно длинным, то это делается специально, чтобы усилить эффект последующей развязки. В данном случае выделяется и обосновывается типовой сценарий юмора.

Концепт «Юмор» реализуется в различных фольклорных и литературных текстах, в особых речевых жанрах, среди которых особое значение имеет именно анекдот – единственный продуктивный фольклорный жанр рубежа XX-XXI столетий.

В так называемых конфликтных ситуациях роль юмора неоценима. Вовремя сказанное шутовое слово разряжает атмосферу, позволяет сторонам успокоиться и найти компромисс, не испытывая ущемленности. Тем более в человеческом общении нередко происходит накопление отрицательных переживаний. А.Н. Лук считает, что один из способов разрядки – трансформация отрицательных чувств, например горя и гнева, в нечто прямо противоположное, в источник смеха. Роль чувства юмора в этом случае сводится к психологической защите человеческого «я», позволяет сохранить самообладание, достоинство и самоконтроль в экстремальных условиях [133, с. 41].

В современных концепциях смеха подчеркивается, что объект смешного содержит определенную меру зла, которая не является критической и, следовательно, может быть преодолена. Зло содержится не в субъекте смеха, а

в его объекте, и собственно сам смех указывает на возможность преодоления этого зла. «Смех отражает зло в своем зеркале и потому сам невольно делается чем-то на него похожим... Заключить же их этого, что смех перестает быть собой и превращается в зло, значит просто не понять истинного смысла ни того, ни другого» [97, с. 39].

М.М. Бахтин, к сожалению, не успел достроить свою металингвистику, но заложил прочный и «привлекательный» фундамент для последующих поколений филологов. Бахтинский способ обращения с текстом – это трепетное отношение матери со своим ребенком – внимательное, вдумчивое, выверенное, глубокое. Текст есть ближайшее и первичное подручное филолога. «Текст (письменный и устный) как первичная данность всех этих дисциплин и вообще всего гуманитарно-филологического мышления» [31, с. 299].

1.3. Юмор как когнитивно-дискурсивное образование

Термин дискурс – французского происхождения и имеет значение «речь, текст» (*discours*). В современном энциклопедическом словаре по языкознанию дано наиболее полное определение этого понятия: «дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [36, с.136-137].

В данном определении выделены наиболее существенные свойства дискурса:

1) речевой характер; как речевое произведение он обладает признаками динамичности, процессуальности, конкретности, индивидуальности, субъективности, линейной устроенности, целенаправленности,

пространственной ориентированности, ситуативности и т.д., которые составляют свыше 30 атрибутов, в отличие от своего антипода-языка [126, с.468-481].

2) паралингвистическая ориентированность (дискурс сопровождается мимикой, жестами, улыбкой, хохотом, злобой, ритмомелодикой, эмоционально-оценочными действиями и т.д.);

3) фреймово-сценарная устроенность: жизненный контекст дискурса моделируется в форме «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитие ситуаций); «разработка фреймов и сценариев – основная часть теории дискурса, используемая также в разных направлениях прикладной лингвистики»;

4) обращенность к ментальным процессам участников коммуникации [36, с. 137].

5) прагматическая направленность (учет специфики ситуаций, условий и мотивов общения, социальных, психологических, национально-культурных и других особенностей участников общения – адресанта и адресата, говорящего и слушающего, пишущего и читающего или переводчика и т.д.).

6) связь и единство с текстом, допускающие возможность рассмотрения его в текстологическом аспекте;

7) зависимость дискурса об этнографических, социологических, культурологических, психологических и других факторов, допускающего полипарадигмальное исследование.

Материалом исследования являются **юмористические тексты различного объема, содержания и структуры**. Соответственно данная работа будет выполнена в рамках теории дискурса и лингвистики текста. Понятие «дискурс» шире понятия «текст».

Лингвистику текста называют по-разному – теорией текста, текстоведением или же текстологией (В.Г. Адмони (1989), В.И. Кодухов (2013), С.Дж. Мусаев (2010) и др.). В этом аспекте анализируются все проблемы языка,

связанные с текстом: общая теория текста, ее методологические основы, методы и приемы, принципы и категории.

Текстоведение – отдельная отрасль лингвистики, объектом которого является текст. Всякий текст – это цельное и единое речевое произведение, которое определяется как по структуре, так и по направлению «от частей – к целому». Его общие признаки выявляются на основании объективных свойств предмета изучения. Содержание, строение и характер текста определяются его бытованием в устной или письменной, в научной или разговорной форме, в макро- или в микрообъеме, в форме диалога или монолога. Макротекст состоит из иерархически построенных внутренних разделов, служит как объединение микротекстов в одно целое.

Текст – коммуникативная единица. Он состоит не только из грамматических и лексических средств, но и из мыслительных, семантических (смысловых) и ментально-когнитивных элементов. Текст охватывает не только языковые уровни, но и логико-семантические, композиционные, когнитивные, коммуникативные, этнокультурные, социальные и другие начала. Поэтому теорию текста можно назвать интегральной или интегрирующей отраслью науки [7; 140].

Теория текста, следовательно, – интегрирующая наука, в состав которой входят типология и грамматика текста, стилистика и прагматика текста и т.д., которые равноправны и соотносятся друг с другом неодинаково. Среди них обобщающую и интегрирующую функцию выполняет лингвистика текста.

Если взять за основу принцип «от простого – к сложному», «снизу – вверх», тогда простое предложение как коммуникативная единица входит в более сложную коммуникативную единицу – в сложное предложение, а сложное предложение входит в более сложное синтаксическое целое. Такие коммуникативные блоки составляют семантико-грамматическое целое. Эту целостность обеспечивают тема, содержание, композиция, стиль, средства связи (союзы, частицы, местоимения, вводные слова, порядок слов, фигуры) и др. Поэтому аналогично к термину словообразование можно принять термин

текстообразование или текстовая дериватология (введен С.Г. Ильенко). С этой точки зрения текст определяется как ментально-дискурсивное произведение и результат речевого действия.

Ученые дают разные определения тексту, которые отличаются друг от друга по объему, полноте отраженных в них признаков, убедительности. Интегрируя положения теории текста, содержащиеся в исследованиях И.Р. Гальперина (1981), В.И. Кодухова (2013), С.Дж. Мусаева (2010), Т.С. Маразыкова (2005) и других лингвистов, мы определяем текст как ментально-речевое произведение, оформленное посредством буквенно-звуковых знаков одного языка, обладающее общностью темы, цели и содержания, а также связанностью, целостной организованностью, семантико-стилистическим единством, предназначенное для хранения, передачи и распространения информации, имеющее объем от одного предложения до крупного произведения. Это определение включает в себя следующие признаки текста: 1) оформленность в устной и письменной форме; 2) связность, организованность; 3) иерархичность строения частей; 4) тематическое единство; 5) функционально-стилевое единообразие; 6) целостность структуры и значения; 7) целенаправленность, подчиненность содержания одной цели и теме; 8) информативность; 9) способность хранить и передавать информацию; 10) знаковость, оформленность через буквенно-звуковые знаки одного языка и др. Последнее иногда может быть нарушено в условиях билингвизма, что можно увидеть в рекламах, вывесках, словарных статьях, переводах, в текстах конституции, законов и других документах.

Типология текста осуществляется по определенным критериям [251, с. 7]:

- 1) в соответствии с объемом: а) микротексты, б) средние тексты, в) макротексты;
- 2) по типу выполнения: а) описание, б) повествование, в) рассуждение;
- 3) по содержанию информации: а) малоинформативные тексты, б) среднеинформативные тексты, в) высокоинформативные тексты;

4) по мере известности: а) знакомые тексты, б) более и менее знакомые тексты, в) незнакомые тексты: ва) непрочитанные тексты, вб) тексты на латинице, вв) иероглифические тексты, вг) тексты, оформленные на армянской, грузинской, арабской, брахми, деванагари и др. графике, вд) пиктография, ве) петроглифы и др.;

5) по сфере использования: а) научные тексты: аа) собственнонаучные, аб) научно-популярные тексты, ав) учебно-научные; б) художественные: ба) проза, бб) поэзия, бв) драма; в) публицистические тексты: ва) коммюнике, вб) интервью и т.д.;

б) тексты, имеющие дополнительные значения и цели: а) магические тексты, б) религиозные тексты, в) рекламные тексты, г) зашифрованные тексты, д) учебные тексты и т.д.;

7) по языку: а) тексты на родном языке, б) тексты на втором языке, в) молилингвальные тексты, г) диалингвальные тексты, д) полилингвальные тексты и т.д.;

8) по стилистике исполнения: а) общенародный и диалектно-ограниченный (местный, региональный), б) на литературном и разговорно-бытовом (просторечном) языке, в) интернациональный (межкультурный) и этнический (национально-ограниченный) и т.д.

9) по времени создания различаются а) тексты на древних мертвых языках; б) тексты древних, по сей день функционирующих языках; в) тексты на современных языках.

Итак, текст имеет много разных видов и типов. Его классифицируют по объему, цели, стилю и другим параметрам. По одному критерию его классифицировать нельзя.

Текст-амулет по объему ограничен, имеет сокровенное значение и магическую силу. Его содержание адресату неизвестно, но он вдохновляет обладателя, вселяет в его сознание уверенность и оптимизм. Содержание текста известно только его создателю.

Тексты справочников, энциклопедий и других изданий отличаются от текстов в учебниках для учащихся первого класса, например, от «Букваря». Детское мышление просто не воспримет научно-справочный и сжатый информативный стиль изложения. Для малолетних детей привлекательны небольшого объема тексты с сюжетом, с легко представимыми персонажами и понятными словами, с повторами и сравнениями, с юмором, вызывающим веселье и смех. Такой представляется нам сказка В. Сутеева «Уточка», которую с удовольствием читают и запоминают дети 6-7 лет: *Утка с утятами, курица с цыплятами пошли гулять. Шли-шли к речке пришли. Утка с утятами умеют плавать, а курица с цыплятами не умеют. Что делать? Думали-думали и придумали! Речку переплыли ровно в полминутки: цыплёнок на утёнке, цыплёнок на утёнке, а курица на утке!* Как видим, текст небольшого объема, доступен для восприятия, осмысления, запоминания и пересказа. Сказка имеет все особенности текста – заглавие (тему), идею, сюжет, сценарий, цельность, композиционную завершенность, стилистическое единство и т.д. Усвоение его содержания развивает речь, память, воображение детей.

Тексты отличаются и по реципиентам. Ученик первого класса не выбирает текст самостоятельно, он обязан читать предложенный ему текст, а вот статью в энциклопедии реципиент выбирает сам. Тексты разные и по объему. Классификация по объему отличается от других классификаций. Тексты минимального объема состоят только из предложений, например, рекламные тексты, объявления, пословицы и поговорки, малые и средние тексты – из абзацев, или нескольких предложений, например, анекдоты, велеризмы, мини-басни. Тексты больших объемов могут состоять из нескольких частей, глав и томов.

В зависимости от функциональности стиля изложения и сферы применения, тексты делятся на следующие виды: разговорно-бытовые, литературно-художественные, научные, публицистические, производственно-технические и официально-деловые. Внутри они еще подразделяются на маленькие жанры и поджанры.

Тексты еще делятся в зависимости от взаимоотношения адресата и адресанта. В диалоге они обмениваются репликами, мнениями. Тексты драмы тоже организуются в виде диалога. Диалог же обычно представляет собой неподготовленный, спонтанный тип устной речи. Здесь текст короткий, эллиптический, спонтанный, разрывистый, с нарушенным порядком слов, используются просторечные слова, фразеологизмы, сопровождаемые экстралингвистическими средствами и методами (подмигивание, жестикация, выделение звуков, растягивание и др.). Монолог-текст в основном базируется на литературно-художественной лексике, предложения полные, распространенные, сложные, строятся по стандарту и правильно. У монолога нет конкретного адресата, он адресован многим. В полилоге участвующих много и они обмениваются мнениями в одинаковых условиях.

По стилю изложения тексты делятся на три типа – описание, повествование и рассуждение.

Повествование характеризует произошедшее событие. Текст-описание определяет признаки, свойства предметов, их общность-различие в цвете, в объеме, структуре и др. Основу текста-рассуждения составляют постановка и решение проблемы, определение исхода, сущности, причину появления, взаимосвязи предметов и закономерностей природы и общества. Эти три типа текста могут использоваться во всех стилях речи. Например, можно построить повествование о моторе автомашины (Когда он появился? Кто изобретатель? Как совершенствовалась конструкция? и т.п.), можно и описание (Из каких частей он состоит? Какую функцию выполняет каждая деталь? и т.д.), можно также построить текст-рассуждение о моторе (В чем заключается принцип работы мотора? Как он приводит в действие механизм? Где он используется? и т.д.). Поэтому мысль о том, что описание и повествование присущи только художественному стилю, кажется односторонним, необъективным суждением.

Эти три типа текста в основном встречаются в монологической речи, поэтому их можно рассматривать как виды монолога.

Текст можно понять, недопонять, вовсе не понять, он в ряде случаев выполняет функцию международного речевого явления. Язык текста, предназначенного для чтения или слушания, язык автора и реципиента (слушателя/учащегося) бывают разными. Язык текста может и не быть авторским, если он переведен из другого языка. Он может быть неродным как для говорящего, так и для слушающего, может быть родным для реципиента, но реципиент может переводить его на родной язык адресата. Могут встречаться тексты на двух, трех языках. Тексты передач российского телевидения адресованы не только русским. Их понимают и смотрят и россияне (якуты, эвенки, мордва, буряты, чеченцы...), и не россияне (кыргызы, узбеки, грузины, эстонцы, казахи...). Призыв к молитве у мусульман – текст. Он не является родным и понятным для многих слушателей.

Итак, текст можно группировать по нескольким критериям. Актуальными являются особенности адресата и адресанта. В использовании, в понимании и объяснении текста высока роль языковой личности. Язык личности занимает центральную роль в системе «субъект – объект – процесс речи – совокупность обстоятельств». С.Е. Никитина, например, пишет: «...говоря о языковом сознании личности, мы должны иметь в виду те особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, возрастом, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константами и переменными параметрами личности» [156, с. 34]. Речь личности характеризуется такими устойчивыми и неустойчивыми показателями коммуникативной ситуации, как языковой и культурный статус, социальное положение, пол, возраст, психический тип, взгляд, особенности биографии участников общения. Эти показатели в той или иной мере реализуются в речи личности и его речевой деятельности. Текст как речевое образование отражает и берет в счет качества говорящего-пишущего, а также цели-требования слушателя-читателя, поэтому выполняет функцию субъективного индивидуального речевого произведения.

1.4. К вопросу о типологии юмора и картины мира

Раздел ставит своей целью определить место юмора в когнитивно-языковой картине мира, его основные признаки (когнитивные, языковые, логические и др.) и функции в жизни общества, а также языковые и внеязыковые способы его создания.

В ней излагаются принципы и основания классификации юмора, характеризуются основные модели разбиения юмора на типы и разновидности.

Описание когнитивно-языковых особенностей юмористического текста базируется на опыте древних и современных исследователей юмора как лингвоментального феномена, вносящего в ход и процесс общения новизну, «блеск» и остроумие.

В мировой филологии предложено несколько моделей классификации юмора, синтез которых позволил нам разработать и предложить на суд общественности новую, наиболее **полную схему разбивки юмористических текстов на типы и группы.**

Первая классификация комического, как хорошо известно, принадлежит Цицерону, который делил комическое на два больших класса – на предметное и словесное. Первый тип он называл «смешным, проистекающим из самого содержания предмета», а второй – «словесной формой остроумия», которая включает в себя абсурд, двусмысленность, неожиданные умозаключения, каламбур и т.д. [232, с. 4-73].

Более мотивированную и сложную классификацию комического предлагал Квинтилиан, который разделил юмор на 6 групп в соответствии с составом причин, которые вызывают улыбки и смех: 1) изысканность; 2) грациозность; 3) пикантность; 4) шутка; 5) остроумие; 6) добродушное подтрунивание [134, с. 82]. Конечно, в эти классификации многое недостает (ирония, абсурд, преуменьшение и др.) и первые три причины или мотивы, имеющие некоторую общность, могли бы быть легко объединены под одну рубрику, имея некоторую общность, что и предпринято нами.

Из многочисленных классификаций юмора (З. Фрейд, И.В. Вержинская, М. Войнаровский и др.) за основу нашей работы мы приняли с некоторыми уточнениями модель Александра Лука [133], которая отличается полнотой охвата всех имеющихся и возможных разновидностей комического в лингвоэтнокультуре. Юмор определяется как фрагмент когнитивно-языковой картины мира этноса.

Описание признаков и типов юмора нами осуществляется на основе этой модели с учетом положений и выводов, содержащихся в трудах других исследователей юмора.

Термин «картина мира» не представлен в БСЭ, хотя он был введен в научный обиход еще в XIX веке и стал активно использоваться в науке (Г. Герц (1914), Л. Витгенштейн (1994), Я. Вайсгербер (1993), Л. Шейман (1976) и др.). Термин занимает важное место в понятийном аппарате гносеологии, науковедения, когнитологии и других наук.

Под картиной мира обычно понимается система знаний о реальном и ирреальном мире, сформировавшаяся в сознании индивидуума, социальной группы и всего человечества. Мы не участвуем в дискуссии по поводу определения и выделения сущностных свойств картины мира, потому что по данному вопросу уже существуют подробные обзоры мнений исследователей в трудах целого ряда ученых (В.А. Маслова (2010), З.Д. Попова (2002), И.А. Стернин (1999), Л.И. Дрофа (2009), З.К. Дербишева (2017), У.Дж. Камбаралиева (2013), А.А. Калмурзаева (2010), С.М. Амиралиев (2011) и др.).

Картина мира – одно из ключевых понятий лингвистического антропоцентризма. Под нее подводятся более частные картины мира. Назовем и кратко охарактеризуем некоторые разновидности картин мира:

1) этническая (национальная) картина мира – это система взглядов рода, племени, народности или нации на окружающий мир;

2) религиозная картина мира представляет собой совокупность канонов, правил и установок той или иной веры, составляющих основы мировидения

соответствующей части общества и регулирующих сознание, образ жизни и поведение верующих в рамках определенной религии;

3) философская картина (модель) мира – это наиболее общее, научно обоснованное воззрение на мироздание, на его происхождение, существование и будущее;

4) научная картина (модель) мира – совокупность научных знаний человечества о Вселенной и ее составляющих: а) античная научная картина мира; б) средневековая картина мира; в) современная научная картина мира и др.

5) наивная картина мира (обычно противопоставляемая научной);

б) языковая картина мира – совокупность знаний о мире, отраженных в языковых знаках: а) национальная языковая картина мира, б) кыргызская языковая картина мира и т.п.;

7) индивидуально-языковая картина мира, индивидуальная национальная языковая картина мира и т.д. Кроме того, в науковедении различаются физическая картина мира, химическая картина мира и другие, специально ориентированные картины или модели мира [92, с. 32].

Среди картин мира ученые различают также материальный (реальный) и духовный (ментальный), рациональный и эмпирический, пространственный и временной, реальный и ирреальный (фантастический, мифологический), зеленый и небесный миры, миры природы и человека, мир речи взрослых и мир детской речи и т.д. [92, с. 32, 39].

В когнитологии различаются еще непосредственная и опосредованная картины мира.

Непосредственная картина мира формируется в процессе и результате прямого познания окружающего мира. В ее моделировании участвуют органы чувств – зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Следы работы этих органов в памяти человека формируют соответствующие образы, знания. Поэтому непосредственная картина мира выступает как обыденная или наивная картина мира, которая свойственна обиходному сознанию.

Познание мира создает когнитивную картину мира, которая и является непосредственной моделью воздействующих на органы чувств предметов и явлений реального мира.

Опосредованная картина мира формируется через посредство промежуточного звена. Научная, художественная, историческая и другие картины мира не возникают прямо опытным путем, а создаются в процессе изучения огромного числа источников, в которых материализованы соответствующие знания. Языковая картина мира тоже является опосредованной, поскольку в языковых знаках и значениях фиксируются, хранятся, накапливаются и передаются представления народа о действительности.

Нужно согласиться с мнением З.Д. Поповой и И.А. Стернина о том, что когнитивная картина мира неизмеримо шире, поскольку в языке номинировано далеко не все содержание концептосферы, далеко не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом речевой коммуникации [171, с. 55; 92, с. 36].

В нашей работе когнитивная и языковая картины мира совмещаются, поэтому мы пишем о когнитивно-языковой картине мира. Такое употребление термина имеет основание: в концепте «Юмор» ментальное и языковое начала сливаются воедино. В каждом юморе логика и языковая форма вступают в нерасторжимое единство. Обратимся к фактам. В юмористическом выражении *Сел в автобус – стою* есть противоречие, парадокс. Значения глаголов *сесть* и *стоять* разные, отличающиеся, передают разные положения человека на транспорте. Пассажир не может занять там две позы. Два этапа нахождения человека – посадка и занятие места – обозначены разными глаголами. Для первого этапа принято употреблять одну из форм глагола *сесть*, для второго этапа – глаголов *сидеть* и *стоять*. В нашем случае использован второй глагол. Глаголы *сел* и *стою* употреблены по норме языка. А противоречие вызвано несовпадением прямых значений.

В нашем исследовании юмор определяется как ментально-речевое произведение когнитивно-языкового характера. Поэтому подробно описываются логико-речевые приемы его создания.

Совершенно аналогично образован смешанный алогизм: *Часы могут идти, когда лежат, и стоять, когда висят*. Понятно, что часовой механизм работает в любом положении при наличии питания (батарейки) и перестает работать в отсутствии электрического заряда. Различия глаголов *идти* и *лежать*, *стоять* и *висеть* в семантике («движение – покой в горизонтальном положении», «покой в горизонтальном положении – вертикальное висячее положение») составляют основу мнимого противоречия, что и вызывает смех у слушателя или читателя. Подобные юмористические фразы и мини-тексты являются составляющим когнитивно-языковой картины мира этноса.

1.5. Из истории изучения юмора в гуманитарных науках

Чувство юмора и остроумие вовсе не являются, как это может показаться, тождественными понятиями. Они различны по природе. Первое связано с пониманием, второе – с генерированием. Чувство юмора – это способность видеть и понимать смешное. Остроумие же связано со способностью изобретать смешные или язвительные выражения, решения. Остроумный человек, кроме умения создавать остроты, должен уметь критически их оценивать сразу же до момента, как они станут известны окружающим.

Разобраться в том, что же такое чувство юмора и остроумие, каковы его природа и значение для человека, пытаются веками. **Теорий, объясняющих природу, значение юмора и остроумия, существует немало**, но можно попытаться собрать их в основные группы.

В одну группу можно объединить приверженцев **теорий враждебности**, которые считают, что с помощью юмора человек выражает свое превосходство над другими, его – как бы сейчас сказали – агрессивность находит выход через шутки и остроты. Эта идея восходит к Платону (ок. 428-347 до н.э.), частично – к Аристотелю (384-322 до н.э.) и Цицерону (106-43 до н.э.).

Современные сторонники теорий враждебности утверждают, что юмор и смех всегда содержат некую агрессивность, независимо от того, направлены ли они на определенный объект или нет. Оппонентов у них немало. Так американский писатель Макс Истмен (1883-1969) отмечал в работе «Острота и бессмыслица: ошибка Фрейда», что существует такой раздел юмора как бессмысленная шутка. Да и народный юмор не всегда вписывается в агрессивный подтекст. Истмен полагал, что юмор, помимо агрессии, может являться простым желанием уйти от неприятной реальности [Цит. по:67, с. 12].

А. Дмитриев в очерке «Детский анекдот: функция политической социализации» рассказывает о том, как он, исследуя чувство юмора у детей дошкольного возраста, особое внимание уделил политическим анекдотам, которые рассказывали дети. Дмитриев пришел к выводу о «наличии у детей какой-то социально-духовной потребности, которую не способны удовлетворить другие культурные образования». Когда дети рассказывают друг другу анекдоты о политике, происходит обмен важнейшей информацией о «взрослой» жизни. Рассказывая политический анекдот, ребенок может продемонстрировать окружающим зрелость своих интеллектуальных умений. На этом примере можно увидеть прямую связь между стремлением детей шутить и желанием утвердиться в обществе [67, с. 78-92].

Американский ученый Роберт Провайн отмечает в своей работе «Научное исследование смеха», что мы смеемся охотнее, когда в смешном положении оказываются неприятные нам люди. В этом он склонен видеть агрессивные истоки юмора. Чтобы поставить своего оппонента в смешное или обидное положение хорошо найденной шуткой, вовсе не обязательно демонстрировать свое умственное превосходство. Шутка, и в этом ее сила, не должна быть хорошо аргументированной, ее назначение – психологически возвысить шутника над соперником. Провайн рассматривает юмор как оружие в борьбе за социальный статус [255].

Значительную группу составляют приверженцы **теорий несовместимости**, которые предполагают, что юмор возникает вследствие понимания

несовместимости между ожиданием слушателя и тем, что произошло. Эта идея была высказана еще Аристотелем, ее разделяли Иммануил Кант (1724-1804) и Артур Шопенгауэр (1788-1860).

Аристотель в «Риторике» рассматривал шутки как форму образованного высокомерия. Он отмечал две основные черты комического: «смешное – это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее вреда и ни для кого не пагубное». Он был первым, кто ввел понятие об эффекте неожиданного или триггерного смеха. Кант в «Критике чистого разума» отмечал, что остроумная шутка должна содержать в себе «нечто такое, что мы сперва принимаем за истину, ввести нас в заблуждение, а в следующий момент обратиться в ничто». Шопенгауэр также считал, что смех возникает из распознавания несоответствия между физическим ожиданием и абстрактным представлением некоторых вещей, людей или действий [246].

Александр Лук в книге «Юмор. Остроумие. Творчество» отмечает, что во всех приемах остроумия можно наблюдать **выход за пределы формальной логики**. В разобранных им вариантах остроумия (нелепости, ложного противопоставления, ложного усиления) этот выход за пределы формальной логики выражается в нарушении закона тождества, закона противоречия, закона исключенного третьего и т.д. Отыскание и внезапное осознание логической ошибки, особенно чужой, и есть, по его мнению, та пружина, которая включает положительную эмоцию и сопутствующую ей реакцию смеха [133, с. 104-105].

Еще одну группу составляют приверженцы **теорий высвобождения**, утверждающие, что смешное является результатом реализации психической энергии и освобождает человека от некоторого ограничения. Широко известна работа Зигмунда Фрейда (1856-1939) «Остроумие и его отношение к бессознательному». Фрейд исходит из представлений об экономии психической энергии. Остроумие, по Фрейду, экономит психическую энергию за счет того, что уменьшается необходимость тормозить свои побуждения и импульсы;

остроумие – отдушина для чувства враждебности, которое не может быть удовлетворено другим способом [227, с. 183-185].

Во второй половине XIX века Герберт Спенсер вновь обратился к структуре ситуаций, вызывающих смех. По Спенсеру, смех может быть вызван различными чувствами, не всегда приятными (сардонический и истерический смех). Сильные эмоциональные встряски приводят к накоплению избытка нервной энергии. Волна энергии ищет выхода и в первую очередь освобождается через те мышцы, которые из-за малой массы обладают малой инертностью: мышцы рта, мимические мышцы, речевой аппарат, дыхательную мускулатуру. Если этих каналов оказывается недостаточно для разрядки нервной энергии, то используются и другие двигательные каналы, и все тело начинает подергиваться в судорогах. Таков механизм смеха, вызываемого простыми чувствами. Смех при восприятии комического Спенсер объясняет по-другому. Комическое непременно означает какую-то несовместимость, но эта несовместимость должна носить нисходящий характер. Иными словами, в комической ситуации мы ждем чего-то большого, а обнаруживаем маленькое. Это и есть **нисходящая несовместимость**. В противном случае, если вместо ожидаемого маленького обнаруживается неожиданно большое, то возникает чувство удивления от **восходящей несовместимости** [134, с. 97].

Артур Шопенгауэр развил эту идею в так называемую «**Теорию абсурда**». По Шопенгауэру, смех возникает из распознавания несоответствия между физическим ожиданием и абстрактным представлением некоторых вещей, людей или действий, концепция, восходящая к Аристотелю. Успех в распознавании абсурда, осознание несовпадения между понятием и реальным объектом есть, по Шопенгауэру, причина смеха.

Концепция эта, как мы увидим, весьма близка к предлагаемой в настоящей работе идее, но не способна объяснить главное: почему абсурд не всегда смешон, что отличает смешной абсурд от несмешного. Хотя Шопенгауэр претендовал на окончательное решение проблемы остроумного и глупого, его трактовка, по всеобщему мнению, оставляет много неясного [246].

Фрейд отличал юмор, остроумие и комизм. Общее в них – **смех и экономия психической энергии**: остроумие экономит торможение, комизм экономит мышление, юмор экономит чувства. Под комизмом он в основном понимал ситуации, когда человек выглядит смешно, но сам не предпринимает для этого особых умственных усилий. А под остроумием он подразумевает способность создавать изощренные, умные остроты.

Идеи Фрейда нашли последователей. Д. Флагел в словаре по социальной психологии (статья "Юмор и смех") сместил акцент на значимость культурных традиций и положение социальных групп. Освобождение энергии связано с юмором и смехом, с разрушением социальных запретов. Примерно такую же точку зрения высказал и М. Чойси («Страх смеха»), считая смех защитной реакцией против страха запрета. Человек, по его мнению, при помощи смеха преодолевает страх перед отцом, матерью, властями, сексуальностью, агрессией и так далее. Смех, таким образом, приравнивается по своему социальному значению к искусству, неврозам, алкоголизму. Е. Крис («Развитие Эго и комизм») полагал комизм не просто средством освобождения энергии, но также возвращением к детскому опыту [67, с. 19].

Д. Левайне, а затем и Р. Косер распространили этот тезис на социальное поведение в целом, утверждая, что юмор и смех всегда содержат некую агрессивность, независимо от того, направлены ли они на определенный объект или нет. В противовес им М. Истмен («Острота и бессмыслица: ошибка Фрейда») полагал, что существует такой «раздел» юмора, как бессмысленные шутки. Так называемый детский анекдот, по Истмену, вообще отвергает тезис об агрессивности юмора. Как было отмечено выше, он считал, что юмор, помимо сексуальной и агрессивной причин, может являться простым желанием человека уйти от неприятной ему реальности [67, с. 96].

Существенный вклад в рассмотрение социальной сущности смешного внес крупнейший философ XX века Анри Бергсон (1859-1941). В трактате «Смех. Эссе о сущности комического» Бергсон определяет главную функцию юмора

как исправление общества. По Бергсону, смех теряет свое значение вне социальной группы.

Кратко изложим понимание А. Бергсоном сущности смеха. Он прежде всего задает вопрос: Что означает смех? В чем сущность смешного? Что можно найти общего между гримасой клоуна, игрой слов, водевильным смехом и сценой остроумной комедии?

Он называет законы и приемы комического и сводит их к нескольким пунктам (авторское выделение части текста жирным шрифтом сохранено):

1. Комическое имеет общественное значение и возникает в обществе. **Смешным может быть всякое уродство, которое может представить правильно сложенный человек** [32, с. 1330]. Мы всегда смеемся, если наше внимание отвлекается в сторону физических качеств человека, тогда как речь идет о его моральной стороне.

2. Наш смех возбуждает мгновенное преобразование личности в вещь, если взглянуть на это под другим углом зрения. **Мы смеемся всякий раз, когда личность производит на нас впечатление машины.** Следовательно, смех вызывает перенос значения слова, «овеществляющий» личность [32, с. 1334].

3. **Комическим является всякий распорядок действий и событий, который дает нам внедренные друг в друга иллюзии жизни и ясное впечатление механического распорядка.** Этот закон демонстрируется на примерах «чертик на пружине», «вынужденный брак» и «мнимый больной» [32, с. 1321-1323].

4. **В комическом повторении слов обыкновенно имеются два элемента – подавляемое чувство, которое подобно пружине, стремится проявиться, и мысль, которая забавляется тем, что подавляет это чувство** [32, с. 1324].

Далее в качестве приемов достижения комического эффекта А. Бергсон называет повторение, инверсию и интерференцию вещей [32, с. 1334-1342]. Он различает остроумие и смешное. По его мнению, «слово бывает комично, когда оно вызывает смех над сказавшим его, и остроумным, когда оно вызывает смех над третьим лицом или над нами самими» [32, с. 1343].

1. **Всякий раз, когда в форму общеупотребительной фразы вкладывается нелепая мысль, – получается комическая фраза [32, с.1348].**

2. **Комический эффект получается всякий раз, когда мы делаем вид, что понимаем выражение в собственном смысле, тогда как оно употреблено в переносном. Как только мы сосредоточиваемся на материальной стороне метафоры, выраженная в ней мысль становится комичной [32, с. 1350].**

3. **Комический эффект получится всякий раз, когда мы переложим естественное выражение какой-либо мысли на другой тон [32, С. 1355].**

4. **Комизм вызывается также «неприспособленностью характера человека к обществу», к сложным общественным порядкам и правилам [32, с. 1369]. Личность может быть смешной известной своей наклонностью, похожей на рассеянность.**

5. Утверждение «Комическая нелепость одинакова по своей природе с нелепостью грез» А. Бергсон считает теоремой смеха [32, с. 1396].

В труде Бергсона понятие смеха получило всестороннюю характеристику как в диахроническом, так и в синхроническом плане, как в этнокультурном, так и в языковом аспектах. Он пишет: «Смех... есть мера исправления» [32, с. 1402], «его цель – утешать, унижая» [32, с. 1403].

Роберт Провайн провел экспериментальное исследование положения Бергсона о социальной природе юмора. Он предложил 72 студентам вести дневник, в котором они будут фиксировать, когда и в каких обстоятельствах они шутили или смеялись. Оказалось, что студенты в 30 раз реже смеялись над чем-нибудь, если их в это время никто не мог видеть.

Взгляды Бергсона оспаривал британский писатель Артур Кестлер (1905-1983) в «Акте творения», считавший, что смех – это деятельность без какой-либо полезной цели. Это уникальный роскошный рефлекс, не имеющий определенной биологической цели, который играет роль в умственном и физическом здоровье [253].

Михаил Бахтин предложил свою интерпретацию смеха и народной культуры. Его работа «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» предполагает существенную реконструкцию нашего художественного и идеологического сознания. У Бахтина мы находим культурное объяснение малоизученной традиции народного юмора и форм смеха в различных сферах человеческого творчества.

Пока египтяне создавали пирамиды, а греки создавали театр, народная культура создала карнавал. Карнавал и праздничный смех играют важнейшую роль в истории комического. Официальная средневековая культура характеризуется исключительно серьезными тонами. Серьезность считалась единственным способом выражения правды и вообще всего важного и ценного. Однако смех, по Бахтину, столь же универсален, как и серьезность. Он несет в себе историю общества и концепцию мира.

Особый интерес представляют работы А. Дмитриева (1996), А. Архиповой (2001), Е. и А. Шмелевых (2002), в которых анализируются социологические, этноментальные и прототипические аспекты юмора.

Литературно-эстетическими проблемами комического занимались Ю. Борев (1988), Д. Николаев (1962), В. Фролов (1954), Б. Минчин (1959), Я. Эльсберг (1957), В.И. Карасик (1997).

Интересные примеры и меткие русские фразы встречаем в объемном исследовании Владимира Санникова (2003). Особое место в ней уделено исследованию каламбуров в фольклоре и произведениях русских писателей.

Работы Л. Карасева появились в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия в ряде российских, французских и польских изданий. В них предлагалась новая концепция юмора и смеха. Основной ее смысл состоит во взгляде на смех как на целостный культурно-исторический и онтологический феномен, раскрывающий свой смысл при сопоставлении его с окружающими его символами. А. Дмитриев считает, что концепцию Л. Карасева можно назвать «смысловой», так как в основе всех построений автора лежит гипотеза о смехе как о символическом целом, развивающемся по своим внутренним

законам. Автор относит вопрос о возникновении чувства смешного к области, выходящей за границы того, что можно назвать собственно «научным знанием». Мы ничего не можем сказать о происхождении смеха, подобно тому, как нам ничего достоверно и точно неизвестно о происхождении всех остальных компонентов, составляющих квинтэссенцию человеческой деятельности и чувственности – языка, мышления, ритуала, мифа и т.д. Именно поэтому проблема происхождения смеха не может рассматриваться отдельно, изолированно. Да и сам смех возникает одновременно с языком и мышлением. Что же касается динамики этого процесса, то Л. Карасев придерживается точки зрения, согласно которой смех появляется «сразу», «мгновенно» вместе со всеми остальными важнейшими элементами человеческой культуры (сходной точки зрения, например, на происхождение языка придерживаются многие лингвисты). Смех возникает как единое целое, как сложившееся качество и уж затем – как целое – начинает развиваться, обогащаться и т.д.

Согласно Карасеву, все видимое многообразие различных проявлений юмора и смеха принципиально сводимо к двум основным типам. Первый тип смеха связан с ситуациями, когда человек выражает свою радость, телесное ликование, «телесный» или «витальный» энтузиазм. Этот тип Карасев называет «смехом тела» и относит к разряду состояний, которые характерны не только для человека: нечто похожее можно увидеть и у животных, которым также знакомы радость игры и физическое удовольствие. Второй тип связан с собственно комической оценкой действительности. Этот вид смеха может включать в себя и элементы только что названного типа, однако его сущность в том, что он представляет собой соединение эмоции и рефлексии. Этот тип получил у него наименование «смеха ума».

Если первый тип – «смех тела» – по преимуществу относится к «низу» человеческой чувственности, то второй – «смех ума» – к ее «верху». Это область рефлексии, парадоксальной оценки, сфера проявления остроумия. «Упрощая дело, – замечает Л. Карасев, – можно сказать, что смеха два, а плач

один». Конечно, такое понимание корреляции смеха и плача не является бесспорным и идеальным.

Пожалуй, этими работами русскоязычная, равно как и переведенная на русский язык, часть исследований ограничивается.

Смех представляет собой гораздо более доступный предмет для изучения, чем предметы, изучаемые другими, в частности, естественными науками. Он всегда с нами, всегда доступен и встречается везде и всегда. Тем не менее, практические исследования смешного начались чуть более 100 лет назад. Исследованиями вопроса начали заниматься не только философы и логики, но и социологи, психологи, лингвисты, фольклористы и профессиональные комедианты: писатели, артисты, журналисты.

Количество теорий юмора в настоящее время настолько велико, что даже в классификации этих теорий не найдено общей точки зрения. Виктор Раскин придерживался взгляда, что существующие теории можно разбить на три категории: **теории несовместимости, теории враждебности и теории высвобождения, избавления.**

Теории несовместимости предполагают, что юмор возникает вследствие понимания несовместимости между ожиданием слушателя и тем, что произошло, результатом. Эта идея была высказана Аристотелем и «открыта» несколько раз впоследствии. К наиболее известным приверженцам этой идеи относятся И. Кант, А. Шопенгауэр, А. Кестлер и др. (теория математической катастрофы).

Теории враждебности восходят к Платону, частично Аристотелю и Цицерону и нашли поддержку в трудах Шопенгауэра. Эти теории говорят о том, что смешное заключается в нахождении чувства превосходства над чем-либо, или в преодолении препятствия, или агрессии, нападения на какой-то объект.

Теории высвобождения учат, что смешное является результатом высвобождения психической энергии, высвобождая человека от некоторого ограничения. Наиболее известная из этих теорий принадлежит З. Фрейду

(1905), объявившему, что юмор позволяет экономить психическую энергию. К приверженцам подобной точки зрения можно отнести таких авторов, как Г. Спенсер (1860), Р. Пенжон (1893), Г.А. Клайн (1907), Е.Ч. Грегори (1924), Д. Истман (1936) и Р. Монро (1951). Эти авторы полагают, что человеческая деятельность ограничена всевозможными запретами – соблюдением логичности, необходимости прямо выражать мысли, придерживаться здравого смысла. Юмористическая манера выражения мыслей или общения освобождает нас от этого пресса, например, при посредстве часто цитируемых Фрейдом сальных шуток и анекдотов. Последующие исследования показали, что ни один из механизмов, описанных Фрейдом, не является уникальным для юмора. Аттардо в своей последней работе полагает, что теория Фрейда может быть отнесена к теории несовместимости [52].

В работе В. Раскина содержится утверждение, что все три группы теорий хорошо описываются семантической теорией юмора. Может быть это и так, но найден ли этой теорией тот самый ключ к пониманию основного вопроса: почему мы смеемся? Мы не нашли в книге Раскина (1985) ответа на этот вопрос.

Исследователь юмора Б. Дземидок объединяет концепции комического в следующие группы: 1. **Теория негативного качества**; 2. **Теория деградации**; 3. **Теория контраста**; 4. **Теория противоречия**; 5. **Теория отклонения от нормы**; 6. **Теории смешанного типа** [64, с. 12-50].

Сатира, юмор и разные народные формы смеховой культуры (приключения Апенди, Куйручука, Шаршена Термечикова и др.), всегда у кыргызов занимала важное и видное место в общей системе пасторально-кочевой культуры. И были не менее популярными, чем, например, акынская поэзия, импровизаторское искусство и сказительство. В книге Кубана Мамбеталиева «Сатира и юмор в кыргызской литературе» (2011) представлена история становления и развития жанра сатиры и юмора в кыргызской литературе с охватом отрезка времени с конца XVIII до начала XXI века. По его мнению, первым исследователем кыргызского юмора и сатиры был

литературовед Х. Бапаев, книги которого вышли под названием «Кыргыз сатирасынын табияты» и «Кыргыз сатирасынын айрым маселелери», действительно, представляют собой первый серьезный труд по нашей проблематике [138, с. 7].

По данным Х. Бапаева (1981) и К. Мамбеталиева (2011), первые образцы сатирических произведений появились в раннем творчестве Аалы Токомбаева, Кубанычбека Маликова и других поэтов и писателей, труды которых были проанализированы с точки зрения теории сатиры и юмора.

Известно, что Мидин Алыбаев, Райкан Шукурбеков, Касымалы Бектенов, Бексултан Жакиев, Байдылда Сарногоев в своих произведениях часто использовали остроумные сюжеты и образы, юмористические, каламбурно-метафорические, аллегорические языковые средства, которые обогатили наш язык, фонд кыргызского юмора и стали общим достоянием кыргызской лингвокультуры.

Как видно из обзора, уже проделано немало в плане теоретического осмысления и изучения юмора, изучены история и основные этапы, концепции теории смешного, определены основные подходы к изучению юмора в философском, логическом, лингвистическом, культурологическом, психологическом и других аспектах. Еще много спорного, дискуссионного. Считаем, что дискуссии, борьба мнений и столкновение точек зрения приведут к общему пониманию сущности и правил создания юмора и разработке общей его теории.

1.6. Интерпретация юмора в научно-лингвистической литературе

Научный интерес к проблеме комического имеет давнюю историю: начиная с античности, к данному феномену обращались философы, психологи, социологи, культурологи, а с начала XX века – и лингвисты. В науке о языке юмор занимает особое место, так как представляет собой сложное психическое, социальное, прагматическое, этнокультурное, историческое явление, чья сущность выявляется в процессе вербальной коммуникации. Неслучайно в

последние десятилетия именно смежные науки – психолингвистика, прагматическая лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и некоторые другие – способствовали существенному расширению представлений о комическом как о ментально-языковом феномене, а также определили основные подходы к изучению этого явления в науке о языке.

Сферы юмора и комического имеют общий смысловой фон, но различаются в некоторых частностях. Их можно представить как два почти совмещенных друг с другом логических круга. Узкая сфера юмора, выходящая за пределы комического, включает в себя смех как чистое физиологическое явление, например, смех от щекотки или истерический смех. Сфера комического (от греч. *komikos* – веселый, смешной), выходящая за пределы смешного, включает в себя явления, в большей или меньшей степени соответствующие структуре комического, но не вызывающие явной смеховой реакции. К этой сфере можно отнести резкую обличительную сатиру, намеки, некоторые остроты, исторически обусловленное комическое. В двух оговоренных случаях можно говорить только о смешном или только о комическом. В большинстве же ситуаций сферы двух понятий совпадают.

С психологической точки зрения, юмор – это реакция в процессе мышления, вызывающая радостное настроение, эмоциональное удовлетворение от объекта наблюдения, размышлений по поводу тех или иных событий, включая поведение человека и животных. Юмор вызывает улыбки и смех в виде движения мимических мышц на лице и голосовых звуков, динамики головы и конечностей, изменения позы. Все эти атрибуты присущи только человеку, обладающему речью и психо-эмоциональной моторикой. Животные в своей эволюции не поднялись до «чувства юмора» – слишком сложного и, пожалуй, наивысшего свойства в прогрессивной организации жизни.

К видам комического традиционно относят сатиру, юмор, иронию, сарказм, гротеск и т.д. Комическое может проявляться в большинстве видов и жанров искусства, но более всего оно характерно для жанров комедии, буффонады, мима, капустника, фарса, скетча, кинокомедии, фельетона,

эпиграммы, пародии, частушки, карикатуры, шаржа. Комическое может выражаться в форме анекдота, шутки, каламбура, а также возникать неосознанно – в оговорках, описках, различных комических недоразумениях и ошибках. Комическое имеет дискурсивно-сценарное строение.

Приемы, создающие комическое, разнообразны. Их можно разделить на две группы. Первая – приемы, основанные на несоответствии между ожидаемым и реальным. Так комизм фарса создается за счет неожиданных падений, ошибок, нелепостей. Комическое может быть основано на *гротеске* – преувеличении какой-либо одной черты. Другая группа приемов, создающих комическое, – сближение далеких понятий. К таким приемам относится *каламбур* (сближение, основанное на схожем звучании слов), *остроумие*, основанное на сравнении двух объектов.

Общую природу комического легче уловить, обратившись сначала – в духе этимологии слова – к известному у всех народов с незапамятных времен игровому, празднично-веселому (нередко с участием ряженных), коллективно-самодетельному народному смеху, например, в карнавальных играх. Это смех от радостной беспечности, избытка сил и свободы духа – в противовес гнетущим заботам предыдущих и предстоящих будней, повседневной серьезности – и вместе с тем смех возрождающий. На карнавальной площади, на новогодней елке или на свадьбе, как и в частном доме за пиршественным столом, всегда и везде, где миром правит игровой смех «комоса» (веселой ватаги), воцаряется двузначная атмосфера действительности, преломленной сквозь призму изобретательной фантазии «играющего человека». Все элементы смешного образа при этом взяты из жизни, у реального предмета (лица), но их соотношения, расположение, масштабы и акценты («композиция» предмета) преобразены творческой фантазией; и один из источников наслаждения от комического – это наше «узнавание» предмета под преобразенной до неузнаваемого (например, в шарже, карикатуре) маской: сотворчество зрителей и слушателей. По содержанию смех универсальный и амбивалентный (двузначный – фамильярное сочетание в тоне смеха восхваления и поношения,

хулы и хвалы) – это и смех синкретический как по месту действия – без «рампы», отделяющей в театре мир комического от реального мира зрителей, так и по исполнению – часто слияние в весельчаке автора, актера и зрителя.

Единственный предмет комического – это человек (и человекоподобное в зверях, птицах и т.д.). Поэтому комическое чуждо архитектуре, а другим искусствам свойственно в разной мере. Наиболее благоприятна для универсальной природы комического литература, где на комическом основан один из главных и наиболее игровой вид драмы – комедия. Комическое в точном смысле слова – «адресный», конкретно направленный смех, нечто не только смешашщее, но и осмеивающее определенный объект. В искусстве последних веков такой смех преобладает. Смешным и комичным бывает только человек или нечто человекоподобное в природе.

В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова слово *комическое* определено как 1) свойственный комедии, как роду искусства; 2) (в качестве кратких форм употребления *комичен, комична, комично*) смешной, проникнутый комизмом [218, т. I, с. 1422]. А в Лермонтовской энциклопедии – обнаружение, фиксация художником несоответствий (несообразности, противоречий) в явлениях окружающей действительности, их неполноты или, напротив, их чрезмерности, атрофии или гипертрофии [126, с. 229].

Авторы толковых словарей единодушны в понимании комического, почти во всех словарях толкование этого понятия является смешное, вызывающее смех, веселье, синонимом которого приводят комедию.

Ученых всегда интересовал вопрос о влиянии языка на культуру отдельного индивида и общества в целом, а также особенности отражения культуры в языке. Юмор, являясь показателем культуры и актуализатором мыслительного процесса, играет в этом взаимодействии не последнюю роль.

А.А. Зализняк утверждает, что «слово *юмор* стало термином (в литературоведении и культурологии), приблизительным синонимом которого является термин *комическое*, и его значение примерно одинаково в большинстве европейских языков (разве что во французском слово *humour*

сохраняет отпечаток своего англосаксонского происхождения, и в качестве соответствующего термина употребляется скорее *comique, comisme*)» [76, с. 550-559].

Юмор принадлежит к числу универсалий, свойственных всем культурам мира, и является важной составляющей человеческого общения. В толковом словаре под редакцией С.И. Ожегова юмор определяется как 1) понимание комического, умение видеть и показывать смешное, снисходительно-насмешливое отношение к чему-нибудь; 2) в искусстве: изображение чего-нибудь в смешном, комическом виде; 3) насмешливая и шутливая речь [159, с. 882].

В толковом словаре Д.Н. Ушакова юмор (англ. *humour* от лат. *humor* «влага») – это 1) незлобивая насмешка, добродушный смех; проникнутое таким настроением отношение к чему-нибудь (к чьим-нибудь недостаткам, слабостям, к злоключениям и т.п.); 2) совокупность литературных (или вообще художественных) произведений, проникнутых таким отношением к действительности (лит., иск.) [218, т. IV, с. 1445].

Юмор рассмотрен как насмешка, остроумие, шутка, юморок, комизм в словаре русских синонимов [3, с. 529].

В «Словаре иностранных слов» даются дефиниции: 1) добродушно-насмешливое отношение к чему-либо, умение подмечать и выставлять на смех забавное и несуразное в жизненных явлениях; 2) в искусстве – изображение чего-либо в смешном виде; в отличие от сатиры юмор не обличает, а беззлобно и весело вышучивает [182, с. 1164].

Разного рода словари, справочники и энциклопедии достаточно единодушны в определении юмора. В целом все они сходятся на том, что юмор (английское *humour*) – особый вид комического, сочетающий насмешку и сочувствие, внешне комическую трактовку и внутреннюю причастность к тому, что представляется смешным. В отличие от «разрушительного смеха» сатиры и «смеха превосходства» (в том числе иронии), в юморе под маской смешного

таится серьезное отношение к предмету смеха и даже оправдание «чудака», что обеспечивает юмору более целостное отражение существа явления.

Столь же единодушны в определении данного феномена и редакторы словаря кыргызского языка под руководством А. Акматалиева. В этом словаре *юмор* – турмуштагы ар кандай кемчиликтерди, адамдын жүрүш-турушунун терс жактарын күлкү, тамашага салып, куйкумдуу тапан сөздөр аркылуу айтуу, билдирүү ыкмасы, ушундай ыкма менен түзүлгөн адабий же искусстволук чыгарма [123, с. 1448]. Понятие юмора, по нашему мнению, обобщенно представляет собственно кыргызские номинанты юмора: *тамаша* «шутка, удовольствие», *азил* «шутка, забава, шарж», *келеке* «насмешка, издевка», *куйкум/куйкумдуу сөз* «язвительное/ехидное слово, острое замечание», *какшык* «насмешка, издевка, ехидство; попрек, упрек», *шакаба* «издевка, насмешка, вышучивание», *такмаза* «издевка, ехидное вышучивание», *аския* (диал.) «острота, острая шутка-эспромт», *аныртма* «непомерное преувеличение, которая иногда выступает в качестве номинанта юмора и юмористической ситуации» и т.д. и является важным лингвоэтнокультурным приобретением нашего народа.

Своеобразие юмора выявляется в сопоставлении его с другими видами комического. Юмор, в отличие от иронии, скрывает несмешное под маской серьезного, а серьезное под маской смешного. Цель иронии – высмеять, она обидна, задевает того, на кого направлена. Ирония никогда не бывает мелочной и злобной, ее роль в позитивном назначении. Подхалим Чичиков в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя называет полицмейстера начитанным человеком, автор же изображает его малограмотным и недалеким чиновником. Юмор более сложен и многофункционален.

В толковом словаре Д.Н. Ушакова ирония – (греч. *eironia* – притворство) риторическая фигура, в которой слова употребляются в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки (лит.) [218, с. 1224], а в толковом словаре С.И. Ожегова – представлена как тонкая, скрытая насмешка [159, с. 242].

В словаре литературных терминов под редакцией Н. Бродского ирония – вид насмешки, отличительными чертами которого следует признать: спокойствие и сдержанность, нередко даже оттенок холодного презрения, а, главное, личина вполне серьезного утверждения, под которой таится отрицание достоинства того предмета или лица, к которому относится ирония и которая сообщает ей особую, подчас уничтожающую силу: необходимо догадаться о подлинном, ловко прикрытом смысле, чтобы не остаться в смешном положении.

Как вид насмешки, ирония принадлежит к области комического и находит себе применение во всех его родах: комедии, фарсе, шутовстве, сатире, юмористике, остротах и пр. Интересны случаи сочетания иронии с переживаниями иного, некомического характера. Так К. Шлегель указал и выяснил особый род иронии, встречающийся в романтических произведениях. Это – романтическая или трансцендентальная ирония, состоящая в том, что сквозь образы произведения просвечивает сознание того, что все это не совсем то, за что принимается, но как бы только пляшущие тени, которые дают предчувствовать смутное прозрение чего-то иного. В нашей литературе едва ли не единственные и прекрасные образцы такой романтической иронии даны А. Блоком, главным образом в его пьесах для театра: «Балаганчик» и «Незнакомка». Исключительно своеобразное слияние иронии с лиризмом дает поэзия Гейне. Моменты глубокой и мрачной иронии входят в поэзию Лермонтова, давшего единственную в своем роде ироническую молитву, в которой под видом благодарности богу, посылает ему свое возмущение («За все, за все тебя благодарю я...»). Впрочем, чистая лирика чуждается иронии, которая для лирической стихии является чем-то слишком сознательным и отрезвляющим. Ирония разрывает туманы лирических снов и опьянений, и потому, за исключением творчества нескольких ярко-индивидуальных поэтов, давших волшебное слияние этих двух противодействующих начал, ирония редко встречается в лирической поэзии. В беллетристике же ирония находит себе гораздо большее применение. Так, проникнутая духом скептицизма,

французская литература легко допускает иронию и дает многочисленные образцы ее [248, с. 307-310].

Наиболее емкое определение иронии – это представление ее в виде одной из форм импликации, которая обычно рассматривается как отражение асимметрии между формой и содержанием или как случай неполного покрытия плана содержания планом выражения. Импликация получает лишь частичную словесную реализацию в тексте, которую практически можно развернуть, то есть эксплицировать, поскольку ее существование столь же реально, как экспликация. Многие исследователи отмечают, что именно в условиях контекста происходит реализация иронически употребленного слова, что и позволяет распознать и декодировать иронию, актуализирующуюся в рамках предложения, абзаца, целого текста.

«Ирония – это стилистический прием, – утверждает И.Р. Гальперин, – посредством которого в каком-либо слове появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности/противоречивости» [47, с. 133].

Данное определение достаточно глубоко раскрывает языковую природу иронии и возможности ее проявления в контексте произведения с новым оттенком значения слова, что способствует восприятию контекстуально-иронического значения. Несомненный интерес представляет и прагматика иронической трансформации слова.

Ирония понимается, прежде всего, как тонкая скрытая насмешка, форма выражения мысли, когда слово или высказывание обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его [189, с. 14].

В словаре кыргызского языка ирония (келеке) рассматривается как издевка, обращенная в смех, шуточная насмешка (тамашага, күлкүгө айланткан шылдың, шакаба) [123, с. 683].

"Если сущность иронии в иносказании, в тонком намеке, в сарказме, главное – крайняя степень эмоционального отношения, высокий пафос

отрицания, переходящий в негодование", – отметил А.С. Сулейманов [129, с. 24].

В популярном словаре русского языка [56, с. 634] приведен энциклопедический комментарий, где *сарказм* рассматривается как высшая степень иронии. Сущность сарказма не исчерпывается более высокой степенью насмешки, обличения, но заключается, прежде всего, в особом соотношении двух планов – подразумеваемого и выражаемого. Если в иронии дан лишь второй план и полностью выдержано иносказание, то в сарказме иносказание нарочито ослабляется или снимается. Сарказм – это дезавуируемая ирония. Сарказму, в отличие от иронии, не свойственно спокойное отношение к предмету изображения или игра с ним. Напротив, сарказм отличает тон негодования, возмущения, поэтому широкое распространение сарказм получил в лирических и дидактических жанрах, а также в ораторском искусстве. Сарказм – одно из важных стилистических средств юмора и, особенно, сатиры.

В толковом словаре Д.Н. Ушакова – сарказм (от греч. *sarkasmos* – терзание) (книжн.). 1) язвительная насмешка, едкая ирония 2) едко-насмешливое замечание [218, т. IV, с. 53].

В словаре синонимов ASIS под редакцией В.Н. Тришина приведены синонимы понятию сарказм – высер (мыслетворчество, вздор, нелепость), замечание, издевательство, издевка, ирония, насмешка, околосатира, стеб (нарочито вызывающее или парадоксальное поведение, произведение, высказывание с целью привлечь внимание, смутить, поставить в тупик), юмор [193, с. 122].

Еще одним видом комического является шутка. Толковые словари русского языка дают данному понятию почти одинаковое толкование. Везде шутку рассматривают как 1) то, что говорится или делается невсерьез, ради развлечения, ради возбуждения смеха, веселья, забавы, шалости, слова, не заслуживающие доверия; 2) небольшая комическая пьеса.

В словаре синонимов понятию *шутка* приводятся такие синонимы, как *бакулина, балясы, бонмо, водевиль, выходка, глум, гэг, дурачество, забава,*

игрушка, изошутка, каламбур, красное слово, накол, наколка, насмешка, острота, пегния, подкалывание, подковырка, подкол, подколка, подначка, потеха, прибамбас, прикол, примочка, развлечение, ребячество, смех, стеб, фарс, феня, фигли-мигли, фишка, фотошутка, хиханьки да хаханьки, хиханьки-хаханьки, хохма, шуткевич, шуточка [193].

Чувству юмора принадлежит важная роль в межличностном общении и формировании характера. Ни в чем так не проявляется характер человека, как в том, что он находит смешным. Здоровый смех беззлобно казнит дурное, исправляет нравы. Ничто так не сближает людей, не укрепляет отношения между ними, как хороший, безобидный смех.

Каждая из разновидностей юмора имеет дискурсивно-сценарное строение.

Выводы по I главе

Изложенное в обзорной главе работы позволяет сделать несколько общих выводов.

1. Концепт – единица памяти и концептосферы языка. Он является предметом изучения философов и логиков, когнитологов и литературоведов, этнографов и языковедов, будучи многоаспектной, полипарадигмальной сущностью. Концепт обладает многочисленными свойствами, обеспечивающими единство всех различаемых и возможных концептов. Мы выделяем и описываем четырнадцать его общих признаков, комбинация которых дает нам наиболее полное определение.

2. Концепт «Юмор» имеет сложное лингвоэтноментальное содержание. Он вербализуется по-разному. Его основными номинантами выступают слова *комическое, смешное, шутка, анекдот, каламбур, гипербола* и т.д. Соотношение этих номинантов различно и иерархично организовано. В кыргызской лингвокультуре юмор представлен словами: *тамаша, шакаба, апыртма, азил, такмаза, аския* и др.

3. Концепт «Юмор» реализуется в различных жанрах фольклора и литературы. Юмор создается с помощью целого ряда приемов и способов, которые требуют особого внимания и специального изучения.

4. Юмор есть текст и поэтому имеет все признаки текста. Юмористические тексты классифицируются по критериям: а) по объему (миниатюры, средние тексты, макротексты); б) по характеру изложения (описание, повествование и рассуждение); в) по содержанию информации (мало-, средне- и плотноинформативные тексты); г) по языку текста (на родном, малознакомом и незнакомом языке; на арабской, армянской, китайской ... графике); д) по сфере применения (разговорные, литературные, публицистические и др.); е) по наличию дополнительной информации (магические, религиозные, учебные, рекламные и др.).

5. В лингвокогнитологии, лингвокультурологии и других направлениях лингвистического антропоцентризма категориальными свойствами обладают понятия «концепт» и «картина мира». Концепт является элементом картины мира. Только совокупность концептов в сознании человека, этноса и человечества составляет их концептосферу и когнитивно-языковую картину мира.

6. Картина мира – это система знаний о реальном и ирреальном мире, сформировавшаяся в сознании личности, социальной группы и всего человечества. Картина мира гетерогенна и существует в виде этнической и общечеловеческой, религиозной и атеистической, научной и обыденной (наивной), когнитивной и языковой, региональной и межрегиональной, индивидуальной, групповой и общечеловеческой, общей и специальной (химической, например, или астрологической), философской и мифологической и других картин мира.

7. Среди картин мира особым положением обладает когнитивно-языковая картина мира. Юмор занимает специфичное место в картине мира индивидуума, нации и человечества. Нами рассмотрены когнитивно-языковые

способы создания юмора и определены его основные свойства. Юмор имеет сложную прагматику и дискурсивно-сценарное строение.

В работе проанализированы только отдельные типы юмористического текста.

8. Юмор был предметом научного осмысления и изучения античных мыслителей (Платон, Аристотель и др.), ученых Средневековья и Нового времени, а также интенсивно исследовался в XVIII-XX веках. В современном языкознании изучение юмора проводится в лексикографическом, этимологическом, лингвоэтнокультурологическом, менталингвистическом, лингвокогнитивном, лингвоконцептологическом и лингвопрагматическом аспектах.

9. Комическое в языке допускает особую типологию (юмор, анекдот, ирония, сарказм, гротеск, шутка и т.д.) и классификацию. Среди них особое место занимает юмор.

10. Причины и пути создания юмора определяются учеными неодинаково. Модель З. Фрейда отличается от модели А. Бергсона, модель Б. Раскина – от модели Б. Дземидока и т.д., потому что при определении содержания юмора ученые руководствуются разными принципами и критериями.

11. Юмор занимает особое место в когнитивно-языковой картине мира общества как многофункциональное явление. Он был предметом изучения социологов, психологов, литературоведов, культурологов и других представителей научных дисциплин (Л.А. Абрамян, К.Л. Банников, Ю.Б. Борев, В.Л. Вартанян, А.В. Дмитриев, Л.В. Карасев, А.Н. Лук, М.Т. Рюмина, А.А. Сычев и др.).

12. Лингвистическая сущность юмора рассматривается в исследованиях целого ряда языковедов, которые рассматривают юмор с различных позиций – собственно лингвистической, лингвокультурологической, сопоставительно-типологической и лингвокогнитивной (Е.М. Александрова, А.С. Архипова, П.А. Гаранина, А.Ю. Голобородько, Х. Дусматов, В.М. Иванов, Н.Г. Бирюков, М.С. Петренко, Ж.Б. Абильдинова и др.). Мы определяем юмор как особое

когнитивно-речевое образование со специфической прагматикой, понятийно-фреймовым и сценарно-дискурсивным построением.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮМОРА С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ТЕКСТА И ФРЕЙМОВО-СЦЕНАРНОЙ СТРУКТУРЫ

2.1. Юмористические тексты как фактическая база исследования

Юмор многообразен и гетерогенен. Он имеет различные жанры и поджанры, типы и подтипы, встречается в различных ситуациях и сферах коммуникации. Но любой юмор, являясь когнитивно-речевым произведением, обладает всеми свойствами текста. Поэтому юмор выступает в качестве одного из объекта изучения теории текста, называемый еще лингвистикой текста.

Сначала кратко охарактеризуем идеи и принципы лингвистики текста, которые существенны для исследования юмористических текстов и для юморологии в целом.

Теория текста является самостоятельным разделом языкознания, имеющим свой объект, предмет, цели, методологическую базу, свои приемы и методы, принципы исследования, свой понятийно-категориальный аппарат и систему терминов.

Теория текста исследуется в нескольких направлениях и ракурсах [137], соответственно юмористические тексты рассматриваются с позиций:

1) лингвистики текста, текстология (К.К. Вайнрих, А. Вежбицкая, Т.А. ван Дейк, К.О. Изенберг, Т.М. Николаева, И.Р. Гальперин, З.Я. Тураева, О.Л. Нечаева, С.Н. Гирдин, С.Г. Ильенко, А.А. Акишина, С.Дж. Мусаев, Т.С. Маразыков и др.);

2) типологии текста (О.Л. Нечаева, В.А. Бухбиндер, К.З. Зулпукаров, В.Б. Суркеева и др.);

3) грамматики текста / синтаксис текста (В.А. Звягинцев, О.И. Москальская, Ц. Тодоров, Л.М. Лосева, В. Дресслер, И.А. Фигуровский, Н.Д. Зарубина, Т.С. Маразыков, Л.Г. Фридман и др.);

4) семасиологии / семантики текста (В.Л. Шабес, В.В. Демьянков, А.Н. Новиков, С. Омуралиева, Л. Меликова, Г.Ж. Кожоева и др.);

5) прагматики текста (Т.А. ван Дейк, Х.П. Грайс, С.Дж. Мусаев, Е.В. Падучева, И.П. Сусов, П.К. Кадырбекова, Г.Г. Матвеева, Ж.А. Бекбалаева, Г.А. Бексултанова, М.И. Бельская, Е.Е. Анисимова и др.);

6) психолингвистики / когнитологии текста (А.А. Леонтьев, З.И. Клычникова, Т.М. Дридзе, Б.Е. Дарбанов, Т.В. Старцева, В.Б. Суркеева и др.);

7) стилистики текста (Г.В. Солганик, Г.О. Винокур, Ю.М. Лотман, М.Н. Кожина, В.В. Одинцов, А.И. Горшков, Л.А. Новиков, Б.Ш. Усубалиев, Т. Аширбаев, М.А. Сапаров, Г.Дж. Абдимиталипова, С.К. Эшманова и др.);

8) дидактики текста (И.А. Фигуровский, З.Б. Цаллагова, К.З. Зулпукаров, Дж.А. Чыманов, З. Тагаева и др.);

9) поэтики текста (А.А. Потебня, В.В. Виноградов, И.И. Ковтунова, Х.Р. Курбатова, В.А. Пищальникова, А.Э. Абдыкеримова, Н.А. Кожевникова, Дж.М. Дреева, А. Оморов, А. Ормонбекова и др.);

10) текстообразования, исследующего пути и способы создания текста (С.Г. Ильенко, В.И. Кодухов, Г.М. Васильева и др.).

Перечень подразделов и направлений текстологии свидетельствует, что данная отрасль языкознания является весьма разветвленной научной дисциплиной. Ее разветвленность связана с объемом, сложностью строения и многоплановостью самого объекта изучения.

Для юморологии важно рассмотрение юмористических образований как в общелингвистическом, так и в частнолингвистическом плане.

Юмористические тексты допускают классификацию и детальное описание по жанровому своеобразие, по тематике, по объему, по этнической принадлежности персонажей и другим критериям. Следовательно, юмор может быть предметом изучения общей и частной типологии.

Грамматика и лексика юмора тоже специфичны и заслуживают специального рассмотрения. Полисемия, омонимия и синонимия слов нередко служат источниками создания смешных ситуаций и неожиданных умозаключений. Поэтому мы можем говорить о роли грамматических и

лексических средств языка, участвующих в создании юмора и юмористических ситуаций.

Юмористический текст, будучи разнотипным речевым образованием, нуждается в полипарадигмальном описании (М.Дж. Тагаев (2004)). Каждый из его многочисленных аспектов требует отдельного и углубленного изучения. А обстоятельно рассмотреть все его стороны и аспекты одновременно невозможно. Мы выбрали поаспектный («порционный») путь исследования коммуникативно-языковых, когнитивно-познавательных, конструктивно-типологических, дискурсивных, прагматических и других свойств юмора. Всестороннее освещение теории юмора может быть следующим этапом нашего исследования.

В нашу задачу, естественно, не входит глобальный анализ юмора. Мы ставим своей целью описать только специфику юмористического текста с точки зрения лингвоконцептологии, когнитивного языкознания и лингвокультурологии. В качестве материала исследования нами использованы: 1) юмористические рассказы; 2) анекдоты; 3) фрагменты комедий и комических произведений; 4) миниатюры юмористов (моноспектакли); 5) пародии; 6) шутки; 7) иронии; 8) небылицы; 9) шаржи и др., которые содержат различные приемы и формы выражения юмора – абсурд, двусмысленность, неожиданные умозаключения, каламбур, противоположность, кажущаяся простота, карикатурное изображение, сравнение (похожесть), метафора, пословица, недооценка, буквальное понимание слов и т.д.

Наше описание будет выполнено в двух планах: 1) от текста к юмору и 2) от юмора к тексту, которые, дополняя друг друга, обеспечат полноту изложения, интеграции и характеристики фактического материала.

Юмористический текст является объектом исследования специалистов различных отраслей знания [1; 4; 6; 9; 19; 24; 46; 65; 68; 76; 77; 79; 133; 134; 138; 147; 174; 179; 184; 191 и др.].

Юмор может быть предметом изучения литературоведа и фольклориста. Он обращает на себя пристальное внимание ученых, специализирующихся по

проблематике нейропсихологии, теории интеллекта, психолингвистики и психологии личности. Юмор может быть интересным для специалистов по эстетике, искусствоведению, которые занимаются исследованием вопросов комического в искусстве (цирк, кино, театр, карикатура и т.д.) и художественном творчестве в целом.

В нашей работе юмор рассматривается как ментально-речевое произведение, поэтому в ней доминируют процедуры и методы анализа, используемые в лингвистике текста и теории дискурса. Если в других отраслях науки юмор изучается в соответствии с их научно-методологическими принципами, то мы руководствуемся языковедческими положениями и методами. Таким образом, **объектом исследования** являются текстовые репрезентативы концепта «Юмор», его **предметом** – виды, разновидности и типы юмористических текстов, рассматриваемые с точки зрения лингвоэтнокультуроведения, лингвоконцептологии, когнитивного языкознания, теории речевых актов и других направлений современного языкознания.

2.2. Методы исследования

Наша работа базируется на достижениях и методологии обширного круга лингвистических дисциплин. Однако использование только языковедческих приемов и способов привело бы к узко односторонним выводам. Поэтому мы широко привлекаем процедуры и методики, выработанные и используемые в других областях научного знания.

Наше исследование включает в себя три основных этапа:

- 1) поиск, сбор, каталогизация, систематизация фактического материала;
- 2) разгруппировка фактов и разбивка их на части по предварительному плану, при этом учитывались логические, композиционно-сценарные, лингвистические и другие связи и отношения юмористических текстов;
- 3) комментирование, перевод, трансформирование и интерпретация фактического материала.

Эти этапы определили логическую структуру, содержание и результаты работы в целом. Поэтому считаем: на предварительном этапе исследования доминирующую позицию занимали **эмпирические методы**.

Путем **наблюдения** мы выделили из массы юмористических сборников, сайтов такие юмористические произведения, которые в наибольшей степени соответствуют духу времени, запросам современной аудитории и имеют именно лингвистическую ценность. Юмористические тексты отбирались таким образом, чтобы на их материале можно было бы с наибольшей степенью полноты раскрыть сущность и содержание теории юмора.

На основе различных источников (монографии, статьи, сборники, Интернет, записные книжки любителей юмора и т.д.) нами составлена картотека, которая состоит из более двух с половиной тысяч единиц примеров (шутки, анекдоты, перифразы и т.д.) и составлялась на протяжении более 10 лет путем 1) сбора, регистрации, фиксации и систематизации юмористических текстов; 2) разгруппировки, классификации и комментирования соответствующего фактического материала; 3) сравнительного разбора анекдотов, шуток и других жанров юмора, представленных в фольклоре разных народов; 4) выделения, развития и дополнительного обоснования тех или иных наблюдений, идей, положений по теории юмора.

Все это необходимо было для эмпирической базы работы. Иначе говоря, другим методом исследования была **каталогизация** фактов, идей, моделей и принципов изучения юмора.

В силу того, что в работе приводятся и анализируются юмористические произведения разных народов – генетически близких и отдаленных, идеологически сходных и противоположных, в культурном отношении одноуровневых и разноуровневых и т.д. – фактический материал рассматривается с помощью **процедур сравнения и сопоставления**. Нами обнаружены и охарактеризованы логически сходные юмористические тексты у разных народов, но отличающиеся друг от друга по отдельным признакам, реалиям, «культурным» элементам. Выявление универсальных черт и

признаков в юморе предполагало использование приемов **типологического метода**.

Адекватное рассмотрение множества юмористических текстов как совокупности взаимосвязанных, взаимообусловленных комических речевых образований с внутренними закономерностями организации, оформления, передачи и распространения было возможно только благодаря процедурам **системного метода**. В рамках этого метода мы обнаружили устойчивые, всеобщие и глубинные свойства юмора.

Опора на приемы и методы структурной типологии позволила нам рассмотреть юмористические тексты по целому ряду критериев и осуществить разгруппировку соответствующих речевых произведений по типу, объему, теме и предмету, строению, составу участников (персонажей), чину персонажей, религиозной принадлежности и другим параметрам. По этой методике разграничиваются микро- и макротексты, религиозные и атеистические, коммунистические и некоммунистические и др. тексты. Иначе говоря, исследование юмора базируется на приемах **метода оппозиций**.

Характеристика фактического материала, выявление специфики изучаемых текстов были осуществлены благодаря использованию **описательного метода**. Суть его состоит в определении и презентации основных свойств изучаемых произведений.

При описании выделяются частные, промежуточные и общие признаки юмористических текстов, их конкретно-языковые, интернационально-вербальные и общечеловеческие качества. Описательный метод реализуется в комбинации с различными **видами анализа – дискретного, компонентного и контекстного**. В работе анализируются не только текстовые проявления и особенности юмора, но и внутритекстовые его составляющие – ключевые слова, главные для юмора, фразы, перифразы, двусмысленные синтагматические образования и т.д.

Конечно, анализ юмора не дает исчерпывающе полного представления о нем, о его природе. Он должен использоваться в сочетании с **процедурами**

синтеза и обобщения. Синтетическая методика позволила нам комплексно рассмотреть языковые факты по определенным параметрам, выявить их общие и крупные типы и описать соответствующий материал в укрупненных объединениях. Обобщение – один из важных методов познания. **Анализ** имеет целью определить частные, конкретные, индивидуально-авторские, национальные и другие особенности юмора, которые необходимо требуют обобщения, нахождения и формирования общих начал. Поэтому аналитические процедуры мы комбинировали с синтетическими и контрастными приемами.

В работе применяются (правда, не всегда последовательно) и такие методы и приемы исследования, как аналогия, моделирование, формализация.

Названный корпус методик позволил нам достичь поставленных перед работой целеустановок и попытаться решить важные для теории и практики юмора конкретные задачи.

2.3. Юмор и менталитет этноса

Когнитивно-языковая картина мира (КЯКМ) – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и объективируемая в языковых знаках совокупность представлений о мире, система ментально-вербальных приемов и способов концептуализации действительности. Как считает В.А. Маслова, КЯКМ «отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [142, с. 54]. В ней содержатся опыт и знания этноса, аккумулируются его представления о реальном и ирреальном мире, которые непрерывно меняются, трансформируются, расширяются, обогащаются, корректируются и передаются из поколения в поколение, от одного народа к другому. В ней социальное и индивидуальное, коллективное и личностное сливаются воедино и не имеют четких границ. Поэтому каждая языковая личность формируется на основе усвоения ментально-языкового богатства и разнообразия, созданных его предшественниками и другими контактирующимися народами. Каждая

языковая личность пользуется одним, двумя и более языками в своей жизни в соответствии с потребностями и мотивами, ситуациями и ценностными ориентациями и т.д.

С КЯКМ неразрывно связана национальная картина мира (НКМ), которая тоже опосредуется в языке и выявляет особенности представления того или иного этноса об окружающей действительности. В содержании НКМ занимает определенное место понятие «менталитет». Термином «менталитет» называют все, что связано с этносом, с его опытом, со спецификой его мышления, памяти, характера и т.д. и то, что не есть «политика», «наука», «социально-экономические отношения», «прибыль», «компьютер», «законы». **С помощью понятия «менталитет» объясняют то, что в культуре, истории, поведении, обычаях, мышлении и т.д. других народов кажется странным и непонятным с позиции оценивающей, изучающей и рассказывающей личности.** С менталитетом тесно связано понятие ментальности, которая, по мнению ученых, «находится» глубже мышления, норм поведения, сферы чувств. Ментальность – это «общий тонус» долговременных форм поведения и мнений индивидуумов в пределах групп. Ментальность проявляется во всем, о чем думает человек, что и как оценивает, как соотносит быт и событие [230, с. 20-21].

Менталитет связан с национальным характером, являющимся своеобразным комплексом чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивых и национальных черт привычек и традиций, которые формируются под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и проявляющихся в специфике национальной культуры [18, с. 23]. Он выступает в качестве особой сферы концептуализации и категоризации окружающего мира, являющейся актуализируемым различными речевыми произведениями когнитивным пространством человека, включающим в себя весь массив информации о реальном и ирреальном мире. При этом языковые значения слов, словосочетаний и всех типов высказываний «соотносимы с определенными контекстами – когнитивными структурами или

блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [35, с. 37].

Ментальность – своеобразная часть публичного сознания. Она всецело скрыта от внешнего наблюдения, существует в глубине сознания и отчетливо не проявляется. Ее субъектом выступает не индивидуум, а социум. Ментальность является сферой коллективного бессознательного, которое входит в публичное сознание как его составная часть. Она, будучи характерной чертой этноса, в той или другой мере присуща всем его членам. Содержание ментальности сложно устроено. В него входят самые разные ценностные ориентации – мыслительные, поведенческие, эмоциональные стереотипы; когнитивно-языковые, этнокультурные, религиозно-бытовые прецеденты, картины (философские, художественно-эстетические и др.) мира и восприятие себя в мире; всевозможные привычки, навыки и другие автоматизмы сознания; распространенные публичные обороты, типичные аксиологические выражения, расхожие представления и т.п. Ментальность тесно связана с идеологией в рамках публичного сознания. Она шире, богаче и многообразнее идеологии, противопоставлена ей как безотчетная, неотрефлексированная часть публичного сознания. В отличие от нее, идеология обладает свойствами осознанности, осмысленности и основательной обработанности. Между ними, на самом деле, четкой границы нет: они являются частями публичного сознания и его противоположными полюсами. Между ментальностью и идеологией находится череда переходных форм, промежуточных звеньев и связующих начал.

Ментальность отражает все, что связано с обществом – его быт, традиции, историю, экономику, идеологию, культуру и т.д., которые образуют собственного рода «матрицу», в рамках которой формируется ментальность.

Ментальность этноса неустойчива, исторически изменчива, постоянно меняется, развивается, совершенствуется, преобразуется по пути «от простого – к сложному», «от единообразия – к многообразию». Ее невозможно обрисовать и всесторонне (исчерпывающе полно) описать. Ее охарактеризовать вообще

нереально, поскольку мы четко не представляем этническую картину мира в полном объеме. Этническая картина мира устроена очень сложно, состоит из различных компонентов и слоев: реальных и ирреальных, осознанных и бессознательных, индивидуальных, групповых и общих, позитивных и негативных, традиционных и инновационных, нейтрально-объективных, эмоционально-экспрессивных и других начал.

С.В. Зотов пишет о том, что ментальность – это система этнических констант, которая является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир [80, с. 73]. Мы тоже считаем, что этническая картина мира складывается из взаимодействия традиционно усвоенных и постоянно пополняемых, обновляемых ценностей, правил и норм, которые обеспечивают мировосприятие и миропонимание этноса, регулируя общение, жизнь и поведение его членов в конкретных пространственно-временных границах.

Термин «языковая ментальность» активно используется в менталингвистике, психолингвистике, когнитивном языкознании и лингвокультурологии. Правда, в понимании его смысла наблюдается разноречивость и отсутствие единого взгляда. Ученые по-разному представляют также соотношение понятий «менталитет» и «ментальность». Они стремятся выявить и описать как явные, так и неосознаваемые основы морально-этических, интеллектуально-ментальных и других ценностей и установок в обществе.

Корреляцию между некоторым участком мира и его языковой репрезентацией обычно определяют как языковую ментальность (ЯМ). С помощью языка мы отражаем, именуем и познаем мир. ЯМ едина по природе с языковым мышлением. Они сосуществуют и даны одновременно. ЯМ уже и конкретнее, чем языковое мышление. Языковое мышление универсально и включает в себя языковую ментальность, охватывающую мир и его части концептами, которые материализуются в языковых знаках: в лексико-фразеологической и грамматической системах, в текстах. ЯМ можно исследовать в монолингвальном, диалингвальном и полилингвальном планах, в индивидуально-авторском и социальном, диахроническом и синхроническом

аспектах, в статике и динамике. Например, представления этносов о пространстве и о его членении на части могут быть изучены как в лексико-семантическом, провербиальном плане, так и в плане функционально-грамматическом (как способы выражения пространственных отношений в языке или в языках) и текстовом.

Вопрос о соотношении языка и ментальности ставится в работе В.А. Пищальниковой [167, с. 32]. Язык является универсальным средством фиксации, хранения, формирования, представления, обработки и передачи знания разного уровня и характера, поэтому выступает исключительным важным объектом анализа при изучении менталитета и ментальности. **Язык материализует ментальность, в известной степени осуществляет членение действительности, дает название ее элементам и проявлениям.** Язык, будучи конвенционально-знаковой системой, выступает в качестве универсального репрезентанта концептуально-категориальной системы мышления и обладает способностью ситуативно актуализировать любую ее составляющую.

Национальный характер формируется с помощью языка. За языковыми знаками закреплён дух этноса. **Язык и отражает, и формирует, и регулирует характер и поведение своего носителя.** Это самый объективный и устойчивый показатель народного характера. В формировании мировосприятия, миропонимания, психологии и характера носителя языка непосредственно участвуют лексико-семантические, грамматические и текстовые средства языка. Ментальность этноса проявляется во всем, особенно – в мышлении, речи, поведении людей.

Известно, что законы логики и гносеологии в целом едины для всех народов мира, но этносы (племена, народности, нации, объединение наций и т.д.) отличаются друг от друга определенным национально-специфическим видением мира, по-разному отражают, фиксируют и расчленяют окружающую действительность. Это объясняется тем, что сами языки формируются в процессе познавательной деятельности народов, находящихся на разных

уровнях развития, живущих на разных географических широтах, вносящих разные вклады в цивилизованные процессы и т.д. На этом основании считаем, что язык представляет собой неотъемлемый признак нации.

К примеру, тенденция к повышенной эмоциональности у носителей русского языка или кыргызского к так называемой переоценке или преувеличению [27, с. 84], в отличие от чувашской сдержанности или узбекской лояльности, недосказанности, проявляется и в пунктуации, в первую очередь в употреблении восклицательного знака, и в неполных предложениях, в иносказательных оборотах.

Каждому этносу свойственны особые стереотипы сознания и деятельности, мышления и поведения, которые составляют основу его картины мира. «Каждый язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира» [143, с. 15]. Языковая картина мира представляет собой смысловые модели действительности, является идеальным образцом объективной реальности, воссоздаваемым в языке.

В связи с этим отметим, что своеобразие кыргызской ментальности, влияние теологических представлений этноса на его образ мышления и модель поведения были предметом углубленного изучения проф. А.Н. Сыдыкова [204, с. 181-189].

Кыргызский менталитет – один из типов менталитета по национальным признакам. Как социокультурное явление менталитет кыргызов обусловлен культурой и общественными отношениями данной нации [20, с. 62]. Проф. А. Айтбаев в своем исследовании дает развернутое определение кыргызского менталитета: «Кыргызский менталитет как системообразующий вид восточного менталитета включает в себя следующие особенности: 1) созерцательность; 2) умозрительность; 3) интуитивность; 4) нерелигиозность; 5) символичность; 6) природовосприимчивость, т.е. экологичность; 7) приверженность к локальным ценностям; 8) внутренняя обусловленность родо-племенными отношениями; 9) преемственность, т.е. духовное родство с предками; 10) изначальная восприимчивость к переменам, обусловленная кочевым

сознанием». Позитивными сторонами кыргызского менталитета являются такие непреходящие качества этноса или народа, как коммуникативность, толерантность, храбрость, патриотизм, стремление к знаниям, образованность, интеллектуальность, любовь и уважение к культуре, традициям и обычаям своего народа, своевременная адаптация к тем или иным социоприродным условиям. К негативным сторонам кыргызского менталитета автор относит такие качества, как трайбализм, местничество, беспечность, зависть, лень [17, с. 20]. Эти черты кыргызского менталитета нередко становятся предметом юмора.

Важной чертой национального самосознания, менталитета кыргызов является бережное отношение к знаниям, мудрости, слову, языку, юмору. Умные, владеющие словом, кыргызы высоко поднимались в общественном мнении. У истоков общественно-политической мысли и этнического самосознания кыргызов стояли реальные люди, которые затем превращались в легендарные фигуры: Асан-кайгы, Толубай сынчы и Санчы сынчы, Калыгул, Арстанбек, Молдо Кылыч [17, с. 65]. Мы бы включили в этот список и имена других мудрых людей – Жээренче чечена, Куйручука, Райкана Шукурбекова, Шаршена Термечикова и других, которые заметно обогатили языковую ментальность народа и его юмористический фонд.

Кыргызы говорят: «Бура сүйлөгөн күлгөнгө жакшы / Бура сүйлөгөн күлөргө жакшы / Бура сүйлөгөн күлдүрөт...». Вариантов выражения много. В них заключен смысл: «Перенос значения (двусмысленность) хорош для смеха». К.К. Юдахин приводит второй вариант пословицы и переводит его на русский язык так: «Каламбур хорош, чтобы посмеяться» [252, I, с. 160]. В кыргызской речи двусмысленность, каламбур с намеком передаются выражениями: *бура сүйлөгөн сөз / буруп айткан сөз*. Даже имеются более развернутые образования типа: «Бура сүйлөсөң, сүйлө, бурмалабай сүйлө», что буквально переводится так: «Если говоришь двусмысленно (с юмором), говори, только говори, не извращая».

В кыргызской лингвоэтнокультуре юмор занимает важное место. Его называют иранским словом *азил* «шутка, забава, шарж», а любителя,

производителя, участника шуток – *азилкеч* «шутник, забавник, весельчак; друг, приятель (состоящий в таких отношениях, которые допускают взаимные шутки и фамильярности)». Шутки типа *азил* преимущественно характерны для общения людей примерно одинакового возраста, представителей близкого круга.

Одним из продуктивных средств достижения комического эффекта является *апыртма* «намеренное (неправдоподобное) преувеличение явлений или предмета», которое дает комический эффект за счет ярко выраженного контраста сказанного и реального. К примеру, *мурдунан өпкөсү көрүнүп турат* «из носа легкие видны». В данном выражении есть апыртма, преувеличение.

В кыргызском лексиконе есть слово *какшык* «насмешка, издевка, ехидство; попрек, упрек; презрение, неодобрение», которое используется прежде всего в сатире, сатирических сценках жизненных реалий и явлений, поведения и образа жизни людей. К нему примыкают слова *шылдың* «насмешка, издевка; ехидная шутка», *мыскыл* «издевка, насмешка, язвительная шутка», *такмаза* «издевка, ехидство, язвительно-ехидное выражение», которые образуют одну лексико-семантическую группу и одной стороной пересекаются с юмором, не полностью входя в его сферу.

В этих жанрах кыргызской сатиры выражаются издевка, ехидство, издевательско-ехидное выражение своего отношения к людям, фактам, язвительная оценка поведения и речи людей. Так, в связи с возникновением и распространением коронавируса в мире появилось много высказываний остро юмористического характера. Например, *Кыргыздарда бирөө коронавирус менен ооруп калган болсо, элдин баары «Сурап коелу, уят», – деп жатып, тез эле кырылабыз*. Здесь высмеивается наш обычай обязательного проведывания родственниками, соседями, коллегами и знакомыми больного человека. В утверждении *Правительству нас не запугать – мы-то твердо знаем, что наша медицина страшнее любого коронавируса* выражается уверенность в том, что медицинское образование и обслуживание в стране на низком уровне, и бессилие наших медработников перед этим страшным злом. В приведенных

выше примерах отражается национальный менталитет современных кыргызов, специфика разновидностей его юмора.

Юмор есть единица языка и речи, является важной составляющей национальной ментальности. Он является кладезем информации о ментально-языковой картине мира определенного этноса, специфично отражает его национальный менталитет и особенности системы ценностей народа. В связи с этим интересна мысль Н.Н. Поддубной, которая отмечает «парольную функцию» юмора, когда успешная коммуникация обречена на провал ввиду отсутствия информации, необходимой для понимания: «Если адресату неизвестна информация, содержащаяся в юмористическом сообщении, возникает преграда в общении, устанавливается граница между «своими» и «чужими», «посвященными и непосвященными» [169, с. 27]. У каждого этноса своя ментально-языковая картина мира. В сознании каждого из народов своя модель юмора, свои мотивы, способы и условия создания смешного, свои приемы его преподнесения, презентирования. Поэтому то, что смешно китайцу, не вызывает смеха у нигерийца. То, что забавляет нигерийца, может показаться странным для эскимоса. Кыргызский юмор может вызвать недоумение у француза. Даже то, что кажется представителю одной местности простым утверждением, может вызвать смех у представителей других регионов или всей нации. Например, в объявлении *Үй-бүлө куруу максатында баткендик кыздар менен таанышам. Телефонуну билайн болсун* есть над чем посмеяться. Адресант серьезно выражает свое желание, при этом не осознает алогизм и противоречие в своем суждении. Однако читатель сразу найдет в объявлении повод для смеха. Во-первых, на знакомство приглашаются девушки, пользующиеся только услугами компании Билайн, и создается впечатление, что заявитель готов контактировать исключительно по признакам «телефон» и «Баткен». Для него несущественны человеческие качества девушки – физические, умственные, поведенческие и др. Во-вторых, сразу бросаются в глаза его интеллектуальная и финансовая ограниченность, отсутствие у него

возможности контактировать с представительницами других регионов и пользователями услуг других компаний.

Известно, что создание и презентация юмора базируются на общих закономерностях, имея общие правила и приемы оформления и текстообразования. Эффект юмора заключен, прежде всего, в неожиданности смыслового содержания речевого произведения.

2.4. Когнитивно-языковые приемы и способы создания юмора

Юмор – многоаспектное и многоплановое ментально-речевое произведение. Он, как отмечено выше, имеет специфическое сценарно-дискурсивное строение, множество характерных свойств, разновидностей и типов. Типология и классификация юмора осуществляются на различных основаниях и с учетом совершенно разных принципов и критериев.

1. Анимализация персонажей, предметов разговора. Данный прием широко представлен в баснях, сказках, мультфильмах и шутках. Сущность анимализации состоит в том, что комическое в этом случае приписывается к животным, к их поведению или связывается с ними.

В юморе человеческие характеры, поведение, внешность и другие передаются через связь с животными, через их названия и образы.

У журналиста и спортивного комментатора К. Выборнова имеется одно весьма смешное наблюдение: *Такая полуптичья команда у Украины: Гусев, Гусин, Воробей, Воронин. Но они доказали, что не на птичьих правах в Германии* [225].

В данном примере автор называет фамилии игроков сборной Украины соответствующие названию птиц. Действительно все корневые морфемы фамилии футболистов, перечисленных комментатором, являются птичьими номинантами. Он к тому же использует фразу *на птичьих правах*, что означает не иметь прочного положения, обеспечения. Однако сразу видно, что комментатор употребил данную идиому в позитивном смысле. Поэтому можно было бы заключить ее в кавычки. Но положительное значение фразеологизма

сразу бросается в глаза. Выражение употреблено для показа того, что на чемпионате мира по футболу в Германии сборная Украины показала лучшие результаты благодаря умелой игре футболистов с «птичьими» фамилиями.

Отметим, что отождествление действий людей с действиями животных очень распространено в кыргызском юморе. Анимистический юмор широко распространен и многотипен. Есть тексты разного объема, формы, назначения. Имеются смешные, остроумные выражения, состоящие из одного предложения. Например, *Карга баласын аппагым дейт* «Ворона называет своего птенца беленьким». Пословица-юмор имеет фремово-сценарное строение и употребляется в различных ситуациях общения в значениях «Родители не замечают недостатков своих детей», «Дети кажутся родителям идеальными», «Родной человек лишен недостатков» и т.п. Но чаще встречаются анекдоты, более развернутые конструкции, мини-рассказы с анимистическими названиями и образами.

2. Гиперболизация. В юморе часто встречается прием намеренного преувеличения качества и количества предметов, их объема, состава, времени существования, силы и способности человека.

Гипербола имеется в русских идиомах: *из блохи кровь высосет* (о скряге), *копейку в семь узлов завязывает* (о скупом человеке) и т.д., в кыргызских фразеологизмах: *биттин ичегисине кан куят* «вливает кровь в кишки вшей» (о ловкости человека), *биттейде бириктик* (дружим с детства) и др. Очень известна поговорка: *Чычкан ийинине кире албай жүрүп, куйругуна калбыр байлаптыр* «Мышь, пытаясь влезть в норку, привязала к хвосту решето». Основу речевого оборота составляет оценка действия человека, который, не справляясь со своими обычными обязанностями, взялся за исполнение дополнительных, непосильных, трудоемких заданий.

В некоторых из приведенных примеров гиперболизация комбинируется с анимизацией.

3. Использование гиперонима вместо гипонима и гипонима вместо гиперонима. Гипоним – название частного значения, гипероним выражает общее значение. Их взаимозамена осуществляется в рамках правил синекдохи.

У молодого господина пропал велосипед. Подошел к нему цыган и шепнул на ухо:

– Дадите на кружку пива, скажу, кто украл.

– Конечно, только скажи! – и дал цыгану на пиво.

Цыган наклонился к господину и многозначительно произнес:

– Воры!

Общее наименование послужило ответом за стоимость кружка пива и выходом ответчика из положения.

В кыргызской шуточной фразе *Баш иштебесе буттун шору* «(букв.) Если голова глупая, то придется трудиться ногам». Здесь речь идет о глупом человеке. Он плохо соображает, не обдумывает и не планирует работу. Поэтому ему приходится тратить большую физическую силу, энергию и время для выполнения легко осуществляемого дела. В данном случае слово *баш* «голова» – нечто промежуточное между имплицитным гиперонимом со значением «человек, глупец» и гипонимом со значением «мозг», совмещающее эти значения. Голова является частью тела человека, а ум – продуктом работы мозга, являющегося частью головы. Пословица употребляется в шутку применительно к нормальному человеку, который вместо того, чтобы только позвонить, явился к другому домой или на работу, чтобы сообщить что-то.

Кыргызская пословица имеет аналог в паремиях других народов. Например, русское выражение *Глупая голова ногам покоя не дает* содержит аналогичный смысл: понятие «глупый человек» заменено понятием «глупая голова», т.е. целое – его частью. При этом физические усилия человека связаны с работой ног в обоих языках. Название ноги – тоже гипоним по отношению к названию человека.

4. Передача постепенного уменьшения или увеличения свойств предмета в количестве, размере, степени. Качественное убывание состава

блюда представлено в кыргызском юморе с заключительной фразой *шорпосунун шорпосу* (букв. суп от супа), сказанной фольклорным персонажем Апенди. Из современного юмора, построенного по названному способу, заслуживает внимания миниатюра «Путешествие / Саякат».

<p>– Мы с женой давно мечтали поехать в Дубай, я накопил деньги и решил сделать жене сюрприз на 8 марта.</p> <p>Жена, конечно, обрадовалась, но предложила другой вариант:</p> <p>– Зачем ехать в Дубай, когда можно также отдохнуть в Ташкенте, на сэкономленные деньги купим мебель для дома.</p> <p>Я согласился... подумал, и меня посетила другая идея:</p> <p>– Думаю не стоит ехать в Ташкент, наш Ош не уступает ему красотой и вкусной едой, а на сэкономленную сумму купим мне хороший костюм и кожаные туфли.</p> <p>Жена согласилась. Через час она предлагает:</p> <p>– У нас на Баткенском рынке такие же самсы, что и в Оше, вот я и думаю, зачем трястись 12 часов на машине, если можно тоже самое попробовать и здесь.</p> <p>Я, подумав, ответил:</p>	<p>– Жубайым экөөбүз көптөн бери Дубайга барууну кыялданчубуз, акча топтон, 8-мартка жубайыма сюрприз кылууну чечтим.</p> <p>Аялым, албетте, кубанды, бирок башка вариантты сунуштады:</p> <p>– Дубайга барып эмне кылабыз, андан көрө Ташкентте эле эс алып келбейлиби, үнөмдөгөн акчабызга үй эмеректерин сатып алабыз.</p> <p>Мен макул болдум... ойлонуп, мага башка идея келди:</p> <p>– Менимче, Ташкентке баруунун кажети жок, биздин Оштун кооздугу жана даамдуу тамактары Ташкенттен кем калышпайт, ал эми үнөмдөлгөн каражатка мага жакшы костюм, булгаары бут кийим сатып алабыз.</p> <p>Аялым макул болду. Бир сааттан кийин ал мындай сунуш киргизди:</p> <p>– Биздин Баткен базарында Оштогудай эле самсалар бар, мен ойлойм, машинде 12 саат эзилип жүрбөй эле бул жерден жеп алсак болот да.</p> <p>Мен ойлонуп, мындай дедим:</p>
--	--

<p>– <i>Зачем ехать на Баткенский рынок, детей мучать, на дорогах пробки, давай я куплю 2 килограмма мяса, и приготовим дома бешбармак.</i></p> <p><i>Вот так на деньги, накопленные на отдых в Дубае, мы приготовили бешбармак.</i></p>	<p>– <i>Жол тыгын болуп жатса, балдарды кыйнап, Баткен базарына барып эмне кереги бар, 2 килограмм эт сатып алып келип эле, үйдө бешбармак жейли.</i></p> <p><i>Мына ошентип Дубайда эс алууга топтолгон акчага бешбармак даярдадык [265].</i></p>
--	--

Постепенное убывание денежной суммы для отдыха зарубежом и соответственное увеличение сэкономленных денег (убывание – увеличение) составляют основу юмора и показывают наличие и других желаний и мечт участников. Юмор имеет сложное фреймово-сценарное построение.

Данная миниатюра весьма актуальна в наши дни, когда стало модно путешествовать, но не все могут позволить себе отдых зарубежом. В ней высмеиваются действия супружеской пары, которая пытается за собранную сумму добиться исполнения нескольких своих желаний.

5. Псевдоконтраст. В юморе содержится две части, как бы противоречащие друг другу. Однако на самом деле заключительная часть усиливает и развивает первую, создавая комический эффект. Такая шуточная фраза встречается в портретном описании Ч. Диккенса одной из своих героинь: *У нее был изжелта-бледный цвет лица, который, впрочем, компенсировался ярким румянцем на носу* [134, с. 50]. Во фразе выделены две черты портрета героини: 1) *изжелта-бледный цвет лица* (гипероним) и 2) *яркий румянец на носу* (гипоним). Цвет лица неприглядный, неприятный, свидетельствуют о нездоровье персонажа или о природном и, может быть, наследственном безобразии героини. Автор обещает читателю назвать и положительное в портрете персонажа, противопоставляет названную черту лица еще не названной с помощью вводного слова *впрочем* и глагола *компенсировался*. Он ставит читателя в состояние ожидания: на лице у героини, вероятно, есть и приятные признаки. Заключительная часть фразы, с одной стороны,

оправдывает ожидание, в ней употреблен антоним слова *бледный* – слово *яркий*. Но, с другой стороны, прилагательное *яркий* с позитивным в целом смыслом в сочетании с выражением *румянец на носу* в качестве его атрибута усиливает впечатления, еще сильнее подчеркивая безобразие персонажа. Следовательно, глагол *компенсировался* в данном контексте приобретает переносное значение, становясь номинантом значений «еще больше усиливался», «еще больше выделялся», «еще сильнее подчеркивался» и т.д.

Подобные ложные противопоставления мы обнаруживаем и в других случаях. Сравнение несовместимых противоположностей в шуточных целях имеет место в речевых формулах типа *будем есть много, но часто; лучше переест, чем недоспать* и т.д. Два недостатка человека могут быть противопоставлены как взаимоисключающие, хотя они едины по природе. Объем пенсии, оцениваемый словами-антонимами *аз* «мало» и *көптөй* «как много», является предметом псевдоконтраста в юмористическом выражении А. Низамиева: *Пенсия тийди – аз да болсо көптөй көрүп...* «Пенсию получил, хоть маленькую, считая ее как большую» [155, с. 10] в контексте других аналогичных фраз. В этом отношении заслуживает внимания образная характеристика М.Е. Салтыкова-Щедрина, данного им своему персонажу Фердыщенко, глупого градоначальника: *при не весьма обширном уме был косноязычен*. Глупость и косноязычие – недостатки человека. «Уступительный» оборот, использованный писателем-сатириком, служит для целей ложного противопоставления.

6. Усиление слабого тезиса путем логического его развития. Этот прием представлен в примере: *Офицер, увидев за работой красильщика тканей, издевательски спросил его: «А сможешь ли ты и ее выкрасить?», указывая на свою белоснежную лошадь. «Если только она выдержит температуру кипения»* [226]. Отвечающий, развивая сомнительный тезис спрашивающего и заостряя его слабость, нанес высокомерному офицеру чувствительный «укол».

7. Неожиданное вскрытие двойного обмана. В анекдоте три персонажа. Первые двое поступают по отношению к третьему нечестно. Ситуация вскрывает их проступок:

Три часа ночи. Молодая супружеская пара в постели. Звонок в дверь. Жена идет открывать дверь. В дверях стоит сосед:

– Привет, соседка!

– Здравствуй, сосед!

– Сними халат, 800 баксов дам!

Жена снимает халат, получает деньги, идет спать.

Муж:

– Кто был?

– Сосед.

– Кстати, он мне 800 баксов должен, не вернул? [271].

В тексте М положителен. С занимал у него деньги, которые он возвращает жене М. Видимо, С знает, что Ж легкомысленна, поэтому предлагает ей раскрыть халат и показать тело за 800 долларов. О долге он ничего не говорит. Ж обманывает М, не говоря о предмете общения с С.

8. Выражение различий предпочтений. По данной формуле построено немало юмористических произведений. Например, шутка, известная под названием «Кто кого любит?»

Англичанин имеет жену и любовницу. Любит жену.

Француз имеет жену и любовницу. Любит любовницу.

Еврей имеет жену и любовницу. Любит маму.

Русский имеет жену и любовницу. Любит выпить.

Кыргыз имеет и жену, и любовницу. Но любит он свое «кресло» [263].

Текст построен в виде пяти конструктивно-тождественных предложений. Различия составляют названия национальностей и предметы их предпочтений. Остроумие заключено в контрастности предпочтений персонажа и в параллелизме частей текста.

9. Переадресовка названия тоже является одним из приемов создания

юмора:

Апенди, забыв, что пригласил в гости друга, ушел из дома.

Пришедший в гости друг, не обнаружив Апенди дома, разозлился и написал на воротах крупными буквами «ОСЕЛ» и ушел.

На следующий день они встретились:

– Апенди, я вчера у тебя был, дома никого не было.

– Я узнал, что ты приходил. Хорошо, что ты на моих воротах написал свое имя, – ответил Апенди (Как известно, Апенди – персонаж кыргызского фольклора, обладающий остроумием и находчивостью).

Приведем еще один пример с аналогичным содержанием на кыргызском языке.

Айылдын өтө шум бир абышкасы кошуналары менен көчөдөн өткөндөрдү тамаша кыла берчү экен.

Бир күнү абышканын ити өлүп калат. Мындай мүмкүнчүлүктү колдон чыгарбайлы деп, айылдын кишилері абышканы тамашалап, итине көңүл айтканы келип калышат.

Абышканын босогосун аттап эле жапырт:

– Аксакал, арты кайырлуу болсун! Сабыр кылыңыз! Итиңиз аябай жакшы ит болчу, – деп божурап жатышса...

Абышка:

– Ээ байбиче, чай кой эми. Актөштүн достору келиптир, – дептир жымыйып [273].

Как видим, эти юмористические сюжеты сходны по содержанию и имеют идентичное сценарно-фреймовое строение.

10. Перенос человеческого признака на предмет потребления мы видим в шуточном выражении: *У армянских чайников носик занимает 80% всего чайника.* Объем носа как части лица представлен в качестве аналога для характеристики предмета пользования. В юморе данную роль сыграли гиперонимо-гипонимическое (100%-80%) отношение и прием опредмечивания человеческих качеств.

11. Свертывание объема языковой единицы также нередко используется в целях юмора. Этот прием применяется в качестве номинанта больших руководителей, известных личностей. Например, аббревиатура АА/ААА была в свое время вторым именем Аскара (Акаевича) Акаева в СМИ, АША – Алмазбека Шаршеновича Атамбаева (кырг. наречие *аша* «сверх положенного, выше нормы», глагол *аша-* «есть, кушать»), БТА (банк) – Бакиевой Татьяны Алексеевны, Кур салба – Курманбека Салиевича Бакиева и т.д. Их употребление часто вызывает улыбку и повышает настроение участников общения независимо от того, как они относятся к денотату разговора.

12. Семантическая интерференция происходит в условиях дву- и многоязычия, когда семантика слов двух, трех и более языков не совпадает и буквальный перевод слов или интерпретация этого перевода служит причиной, основанием для юмора (см. пример на с.147, где используется буквальный перевод: *жакшы көрөм* > *хорошо вижу* вместо *люблю*).

Как видим, комизм миниатюры непосредственно связан с несовпадением семантики слов русского и кыргызского языков.

13. Абсурд – это нелепость, бессмыслица. Он является мотивом юмора у многих народов.

В кыргызском просторечии мы встречаем варианты фразы прецедентного характера: 1) *Атам экөөбүздө бир катын дегендей* «Как говорят, у нас с отцом одна жена/женщина»; 2) *Атам экөөбүздө бир катын... дептир Апенди*; «У нас с отцом одна жена/женщина... говорил Апенди»; 3) *Апенди айткандай, атам экөөбүздө бир катын* «Как говорил Апенди, у нас с отцом одна жена»; 4) *Атаң экөөңө бир катын болмок беле?* «Разве для вас с отцом может быть одна жена/женщина?» и т.д. Язык допускает много вариантов. Это выражение употребляется в таких случаях, когда два человека пользуются одним зонтиком, одним транспортным средством, одним кабинетом, когда две семьи живут в одной квартире, и приобретает качество юмора. Подобные примеры являются производными по отношению к народным мини-рассказам-анекдотам об

Апенди, образ которого совмещает глупость и остроумие, и употребляются в ситуациях, когда дело имеет двух исполнителей, предмет – двух обладателей. Кыргызское слово *катын*, совмещающие значения «жена» и «женщина», вносит в текст обобщающий смысл и соответствующий эффект.

Нелепость представлена и в антиномии «чистокровье – смесь различных кровей». Его мы видим в известном рассуждении писателя-сатирика Синклера Льюиса (роман «Эрроусмит»): *Мартин... был типичным чистокровным англосаксом – иными словами, в его жилах текла германская и французская кровь, шотландская, ирландская, немного, может быть, испанской, вероятно, в некоторой дозе и та смесь, что зовется еврейской кровью, и в большей дозе английская, которая в свою очередь представляет собой соединение древнебританского, кельтского, финикийского, романского, германского, датского и шведского начал* (примеры выделены нами), где в общем и схематичном виде показано происхождение англичан. Конечно, в этом утверждении есть лингвоэтнографические противоречия и неточности. Главное – высмеивание писателем над нелепым с его точки зрения атрибутом *чистокровный англосакс* и утверждение об участии в этногенезе английской нации кельтского, германского, романского и семитского начал. В данном отрывке утверждается идея о чистокровности англосаксов и одновременно она отрицается. Форма изложения положительная, а его суть отрицательная.

14. **Ложное принижение.** Приведем типичный комплимент и не совсем типичный ответ на него:

– *У вас красивый галстук.*

– *Только красивым глазам все видится красивым.*

Отвечающий принижает качество собственного предмета культуры и роскоши, свое достоинство перед собеседником, выражая свою признательность за внимание и доброе расположение, за оценку его вкуса. Ответ как бы выражает согласие с утверждением, но, деликатно опровергая его, считает оценку субъективной, красоту галстука кажущейся. И в следующем примере вторая часть высказывания как бы подтверждает первую часть, а на

самом деле тоже опровергает ее. Иначе говоря, две части текста по форме соотносительно, по содержанию противоречиво. Ср. известный в Европе юмор, приписываемый Генриху Гейне. К поэту обратились с вопросом: *Красива ли госпожа Н.?* Ответ поэта: *Она похожа на Венеру Милосскую: так же стара и так же беззуба.* В Азии этот юмор непопулярен, только образованные представители региона знают античную скульптуру, изображающую тело идеально красивой женщины.

В вопросе речь идет о красоте, ответ подтверждает ее наличие в облике героини, сравнивая с образом скульптуры. Однако тут же подчеркивается древность скульптурного произведения как показатель старости и отсутствия зубов у изображенной женщины.

В шутке противопоставлены признаки красоты, с одной стороны, и, с другой, – древности, старости, связываемые качественно-усилительным оборотом *так же: так же красива* (имплицитно) – *так же стара + так же беззуба* (эксплицитно), которые как бы внешне отождествляют две противоположные черты человека.

15. **Каламбур** – это распространенный способ создания комической ситуации. В качестве примера приведем рассказ учительницы из своей жизни:

Жаңы окуу жайды бүтүрүп ишке кирген мугалимге директор:

*– Бизге текшерүү келе жатат, тез календардык планыңы **бекит**, – дейт.*

*Текшерүүдөн чочуган жаш мугалим тезинен үйүнө барып, календардык планын **бекитип** келсе, мектепте тоз-тополоң, текшерүүчүлөр абдан катуу текшерип жаткан болот. Директор:*

– Кана календардык планың, алып кел? – дейт.

*– Кыжаалат болбоңуз, агай, аны мен үйгө алып барып **бекитип** койгонмун, – дейт.*

Директордун абдан ачуусу келип, машинасы менен жаш мугалимди үйүнө тез алып барып, календардык планын алдырат. Кабинетине алып кирип, аябай ачууланып, колу менен көкүрөгүнө койгулап:

*– Планды мына мен **бекитем**, – деп ага кол коюп, печать уруп берген экен.*

Этот случай, конечно, языковой, вербальный, основан на полисемии. Главное свойство каламбура – равнозвучие или близкочувствие слов и словосочетаний.

Суть каламбура состоит в интерпретации семантики равнозвучающих или близкочувствующих слов. Теория каламбура хорошо освещена в литературе по стилистике, риторике, лингвопоэтике и специальных трудах В.П. Москвина, М.В. Ушкаловой и других ученых. Например:

На экзамене по литературе:

– *Что вы можете сказать о героине?*

– *Героин – мощная вещь. А почему вы спрашиваете?*

Преподаватель имеет в виду женский персонаж произведения, экзаменуемый – сильно действующую разновидность наркотического вещества. Родовые различия соответствующих слов стирает форма именно предложного падежа: в других они дифференцируются материально (омоформы).

В риторике и стилистике выделены и подробно описаны и другие виды каламбуров. А мы привели и прокомментировали только отдельные примеры.

16. Намек на происхождение, на этническую и региональную принадлежность. Такой юмор широко распространен в кыргызской лингвокультуре.

Подобные намеки-шутки особенно распространены в тех регионах, где по отношению к представителям рода *бөрү* «волк» используются эпитеты и иные характеризующие слова *көк жал* «сивогривый», *жалтанбас* «бесстрашный, храбрый», *өзү тойсо да көзү тойбойт* «сам насытился, а глаза не насытились», *жесе да оозу кан, жебесе да оозу кан* «если съел рот в крови, если даже ничего не ел, все равно рот в крови», *жаман иттин аты Бөрүбасар* «кличка дрянной собаки Волкодав» и т.д. Некоторые роды имеют клички. Например, род тасма носит кличку *таш бака* «черепаха». Поэтому намеки *жай жүрөт/секин, кыбырап/кашаң жүрөт* «ходит медленно», *бели катуу* «спина крепкая», *корккондо бекинет (кача албайт)* «испугавшись прячется (а не убегает)» и т.д.

относятся к ним.

17. Двусмысленность. Это наличие в тексте лексической единицы с двумя или более отдельными значениями, проявляющимися одновременно или последовательно. Она создается нейтрализацией дихотомии «многозначность – однозначность», имея специфичный контекст трактовки. Практически любой факт языка способен породить двусмысленность при наличии соответствующего контекста. Именно полисемия слов выступает в качестве лингвистической основы создания юмора.

Нередко ирония выражается с помощью многозначного слова с позитивным содержанием. В этом случае оно произносится особо, часто в негативном тоне. Известно, что кыргызское слово *жакшы* «хорошо» в разных ситуациях общения приобретает разные позитивные значения: «согласен», «пойдет», «годится», «правильно», «отлично», «молодец», «руководитель», «представитель элиты» и т.д. и в то же время нередко используется для передачи значений «если так», «неужели так», «не может быть», «тогда посмотрим», «неправильно», «нехорошо» и т.д. Например, в пословице *Бир жакшы бар – элдин камын жейт, Бир жакшы бар – элдин нанын жейт* «Есть такой **руководитель**, который заботится о народе, есть такой **руководитель**, который ест народное добро». Оно употреблено в субстантивной функции, в значении «руководитель, начальник». Две строки построены на полном параллелизме. Различия в них составляют только четыре звука *к...м – н...н*, а остальное совершенно идентично. Ирония заключена в антонимии семантики слова *жакшы*, противопоставляющей носителей добра и зла. Данный факт свидетельствует о том, что **энантисемия** является одним из приемов создания двусмысленности. В данном случае противоположными смыслами обладает не только слово *жакшы* «руководитель, начальник», но и глагол *жейт*, который в первой части изречения обозначает «проявлять (заботу)», а во второй – «ест, потребляет».

Такую двойную двусмысленность мы находим и в русском примере:

– Почему внутренние органы не чешутся? – Этот вопрос юридический или анатомический? В диалоге два вопросительных предложения. В нем реализуются полисемия слова и словосочетания: 1) *чешутся* «медлят, долго собираются что-либо сделать; быть бездеятельным» – «испытывают зуд»; 2) *внутренние органы* «учреждения и организации, относящиеся к жизни и деятельности внутри государства» – «части тела, находящиеся внутри организма». Контекст, все окружение трехчленного предикативного словосочетания (*внутренние органы не чешутся*) обуславливает механизмы создания двусмысленности и вызывает ответный вопрос у собеседника.

18. В создании юмора особую роль играет **трансформирование прецедентных фраз, пословиц, поговорок, известных стихотворных строк**. Приведем некоторые разновидности комического, возникшие в результате преобразования типовых клише.

А. **Замена одной лексической единицы другой**. Этот прием действует эффективно и используется юмористами очень часто. В книге А. Низамиева «Учкул-кычкыл сөздөр» мы находим интересные примеры: слово *айбан* «зверь, дурак» заменено словом *депутат*: *Адам болуш аста-аста, депутат болуш бир наста* «Человеком стать трудно, депутатом стать легко». В другой пословице слово *тук* «шерсть» заменено современным словом *баклашка*, слово *ат* «конь» – словом *адам* «человек»: *Ат оонаган жерде тук калат* «Там, где валялся конь, клочок шерсти остается» → *Адам оонаган жерде баклашка калат* «Там, где валялся человек, баклажка остается» [155, с. 28].

Иногда подвергается замене то или иное слово в высказываниях известных исторических личностей: *Баары жеңиш үчүн!* (Сталин); *Баары жеши үчүн!* (...); *Окуу, окуу жана окуу* (Ленин); *Тоют, тоют жана тоют* (Брежнев); *Мага, мага жана мага* (...)

В последнем примере три слова В.И. Ленина заменены два раза тремя словами – словами Л.И. Брежнева и современного руководителя государства.

Б. **Перестановка слов в частях пословицы** тоже усиливает смысл пословицы и вызывает улыбку или смех у слушателя. Пословица: *Билими*

күчтүү миңди жыгат, билеги жоон бирди жыгат «Знающий побеждает тысячу, а толсторукий – одного» (перевод А.А. Жапанова). Трансформа пословицы: *Билими күчтүү бирди жыгат, билеги жоон миңди жыгат* «Знающий побеждает одного, а толсторукий – тысячу» (А. Низамиев). В юморе подчеркивается влияние «черных» в обществе – бывших спортсменов, а также организованных группировок кланов, землячеств и т.д.

В юморе: – *Вы похожи на Каптагаева. – Нет, Каптагаев похож на меня* – произведено переименование субъекта и объекта. В ответной реакции содержится ложное усиление говорящим своей значимости.

В. Сокращение пословицы в объеме происходит в результате опущения или выпадения того или иного слова из ее состава. В ходе исследования нами собрано свыше 50 пословиц, которые являются свернутыми вариантами парных изречений. Например, нам хорошо известно выражение *Пьяному море по колено*. В нем есть указание на преувеличенную оценку пьяным человеком своей возможности. А реконструкция первичного варианта пословицы в виде *Пьяному море по колено, а лужа – по уши*, усиливая смысл изречения и его экспрессивность, конечно, вызывает смех. Потому что во второй части парного развернутого варианта пословицы содержится противопоставление вертикального положения “всесильного” человека его горизонтальному беспомощному и жалкому положению. В юморе фреймово-сценарное строение речевой формулы увеличено в два раза.

Иногда говорящее лицо специально опускает вторую часть пословицы, проявляя остроумие и находчивость, заменяя его паузой (в устном дискурсе) или многоточием (в письменном дискурсе).

Г. Увеличение пословицы в объеме путем замены слова словосочетанием или предложением. В следующем юмористическом выражении высмеивается стремление богатых членов общества попасть в Жогорку Кенеш в качестве депутатов и участвовать в управлении государством. В этом деле не принимаются во внимание компетентность и образовательно-интеллектуальный уровень кандидата. Пословица с юмором:

Ўзбек байыса там салат, кыргыз байыса, депутаттыкка ат салат «Если узбек разбогатеет, то будет дом строить, если кыргыз разбогатеет, то будет претендовать в депутаты». Она производна по отношению к первичному тексту: *Сарт байыса, там салат, кыргыз байыса, катын алат* «Если узбек разбогатеет, то будет дом строить, если кыргыз разбогатеет, то он женится». В новом варианте слово *сарт* заменено словом *узбек*, двучленное объектное словосочетание *катын алат* «женится» – трехчленным словосочетанием *депутаттыкка ат салат* «будет претендовать в депутаты». Надо иметь в виду, что сочетание *ат салат* двусмысленно и буквально может быть переведено двояко: «на коне поедет, отправится на коне» и «выставит имя (свое), запишет имя (свое)». Оно тоже в некоторой степени усиливает комическое в тексте.

Варьирование пословицы часто происходит в связи с актуализацией отдельных событий и сторон жизни человека. Объявление о трехнедельном карантине и вероятном закрытии межгосударственных границ привело к тому, что на рынке исчезли мука и мучные изделия, что отражено в развернутой трансформе известного изречения: *Кыздуу үйдө кыл жатпайт, вирус бар жерде ун жатпайт* «В доме, где есть девушка, даже ворсинка не валяется, а там, где вирус, мука исчезает».

Конечно, перечень приемов и способов создания юмора легко может быть увеличен. Учеными и теми, кто интересуется составом юмористических текстов, накоплен огромный материал, требующий своего изучения. Мы же ограничились характеристикой только наиболее распространенных путей образования юмора и демонстрацией его когнитивно-речевого и фреймово-сценарного строения.

Выводы по II главе

Изложенное позволяет сделать некоторые общие выводы.

1. Юмор является многоплановым когнитивно-речевым произведением. Он встречается как отдельный текст, так и как фрагмент более крупного произведения.

2. Объектом исследования являются языковые репрезентативы концепта «Юмор», имеющие сложное дискурсивно-текстовое и фреймово-сценарное строение.

3. Предмет исследования – виды, разновидности и типы юмористических текстов, рассматриваемые с точки зрения лингвоэтнокультуроведения, лингвоконцептологии, когнитивного языкознания, теории речевых актов, прагмалингвистики и других направлений современного языкознания.

4. В работе используются различные методы как эмпирического, так и теоретического характера. Основными были описательный, сопоставительный, сравнительный методы.

5. В работе раскрыта специфика кыргызского юмора в соответствии с ментальностью и менталитетом народа, показано самокритическое отношение представителей этноса к своим национальным недостаткам.

6. Юмор как многофункциональное и полиаспектное когнитивно-речевое произведение обладает целым рядом видов, разновидностей, жанров и поджанров с присущими только ему лингвокогнитивных признаков (см. рисунок 3.1).

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ И ТИПОВ ЮМОРА В КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

3.1. Разновидности юмористических текстов по объему

Тексты по объему бывают совершенно разные. Число типов и подтипов текста должно быть огромно. В лингвистике текста различаются микро- и макротексты, которые могут состоять из одной или нескольких фраз и крупных произведений. Виды текстовых образований соответственно имеют обширную амплитуду. Между этими двумя полюсами, определяемыми противоположными атрибутами «одна фраза – несколько томов», располагаются многочисленные разновидности, выделяемые по критериям: 1) по количеству предложений; 2) по составу субъектов-участников; 3) по характеру адресата и адресанта; 4) по отношению участников и неучастников; 5) по наличию-отсутствию композиции; 6) по наличию-отсутствию темы и предмета; 7) по полноте-неполноте, завершенности-незавершенности сообщения; по наличию-отсутствию недоговорок; 8) по контрастности-тождественности действий субъектов; 9) по диалогичности-монологичности построения юмористического текста и т.д.

3.1.1. Некоторые юмористические макротексты состоят из предикативного образования «субъект + предикат»: 1. *Колобок повесился.* 2. *Буратино утонул.* Юмор в этих утверждениях заключен в алогизме связи субъекта и его действия. Выражения используются для оценки алогичных и противоречивых явлений в жизни, для образной демонстрации неожиданных и непривычных свойств поведения человека. Фразы имеют все основные свойства текста: тему, предмет, субъект, скрытую характеристику субъекта-предмета, предикативность, завершенность утверждений, сценарий, противоречивость свойств субъектов – сказочных персонажей и вообще неосуществимых их действий.

Юмористическое выражение *Русалка села на шпагат* является микротекстом и построено именно так: в нем есть указание на персонаж, его неосуществимое, нереальное и невозможное действие, чуждое природе данного субъекта. Русалка – сказочный персонаж. Она в представлении народа вместо ног имеет рыбий хвост и никак не может сесть на шпагат. В содержании юмора отражено противоречие, которое заключено в осуществленном определенном действии, требующего труда, тренировок, способностей, совершенно дееспособным лицом. Он употребляется, например, в тех случаях, когда оценивается поведение неподготовленного человека, взявшегося за труд или службу, предполагающие большие знания, умения и навыки.

Все три фразы содержат в себе образные составляющие, символические смыслы и представлены как мини-сценарии. Следует отметить, что логика и образы всех фраз известны и понятны только носителям русской лингвокультуры. Даже некоторые билингвы-кыргызы не поймут смысл этих выражений. Даже слово *шпагат* понимаемо только отдельными носителями кыргызской лингвокультуры. Оно чуждо для рядового кыргыза. И данная гимнастическая фигура воспринимается и оценивается им негативно.

Иногда юмор связывается с профессией и профессиональной деятельностью. В кыргызском дискурсе встречается прецедентная фраза: *Өтүкчүнүн өтүгү жырттык* «У сапожника сапоги дырявые». В ней представлен фрейм, содержащий в себе понятия «өтүкчү/сапожник», «өтүк/сапог» и свойство «жырттык/дырявый». Она напоминает русскую идиому *Сапожник без сапог* и используется в случае, когда представитель той или иной профессии не проявляет профессионализм или не находит время для себя. Эти паремии применяются субъектом как самоирония по отношению к своим действиям или как упрек адресату (такмаза). Данный факт свидетельствует о том, что в сознании носителей разных лингвокультур формируются идентичные пропозиционально-семантические структуры. Общий смысл сопоставляемых фраз можно назвать еще когнитивной.

Алогизм является основой комического в диалогических мини-текстах.

В шуточном обороте:

– *Скажи мне, кто ты, и я скажу, кто твой друг.*

– *Я миллионер.*

– *Я твой друг* есть отсылка на прецедентное выражение, которое отражает русскую точку зрения на настоящую дружбу и настоящих друзей, которое содержит этническое мнение о сходстве или близости поведения, черт характера и склонности людей, находящихся в крепких дружеских отношениях. А функция юмора в данном примере заключается в «сближении» двух лиц по материальному положению и случайности этого отождествления. Это «сближение» контрастно сути подразумеваемого смысла: «Скажи, кто твой друг, я скажу, кто ты». Первая часть юмора содержит трансформацию этого прецедентного утверждения: в ней причина и следствие представлены в перевернутом виде. В данном случае преобразование пословицы послужило основанием возникновения смешной ситуации. Диалог обладает свойствами фрейма и сценария одновременно: участники разговора – слоты фрейма, последовательность речевых произведений – сценарий. Комбинация фрейма и сценария составляет содержание юмористического концепта. Первая фраза диалога сама включает в себя четыре подфразы: (1) *скажи мне*, (2) *кто ты*, и (3) *я скажу*, (4) *кто твой друг*, каждая из которых имеет в своем составе суждение «субъект+предикат». Данный юмор обладает признаками текста: тематическая определенность, завершенность, наличие взаимосвязанных частей, присутствие адресанта и адресата, логико-смысловая связь компонентов, общая целеустановка («вызвать смешное») и т.д.

Тремя частями обладает и хорошо известный юмор:

– *Чай? Кофе?*

– *А покрепче?*

– *Покрепче только орехи.*

Диалог совмещает в себе признаки фрейма и сценария одновременно. Текстовыми свойствами юмора являются его признаки: 1) наличие участников – говорящего и слушающего; 2) наличие темы – напиток; 3) определенность

места происшествия действия (например, буфет); 4) завершенность, полнота представления частей текста; 5) диалогичность построения и т.д. Однако суть юмора состоит в несоответствии и контрастности значений качественного прилагательного в форме сравнительной степени в сознании хозяина буфета и его клиента. Буфетчица хочет узнать желание посетителя и предлагает два вида напитка, а посетитель хочет чего-то более крепкого – питья с градусом, например, вина или водки. А его собеседник представляет семантику прилагательного по-другому, не в значении «с градусом», а в значении «твердый». Такой смысловой перенос и несовпадение интересов послужили основой комического.

Перенос объекта, переносное представление объекта разговора является основой юмора:

– *Слушай, а ты доверяешь своей жене?*

– *Ну да, мы уже 2 года вместе, вроде ничего не пропало...*

Данное речевое произведение обладает свойствами сценария, фрейма и признаками текста: 1) тема разговора – жена; 2) предмет разговора – неучастник общения; 3) наличие говорящего; 4) наличие слушающего; 5) мена ролей между говорящим и слушающим; 6) сформулирована цель говорящего (узнать взаимодоверие супругов, доверие собеседника своей жене); 7) стимул для разговора; 8) реакция собеседника; 9) наличие противоречия в суждении собеседников: собеседники по-разному представляют предмет разговора – основания для недоверия; 10) цельность, завершенность диалога и т.д. «Вопрошающий» хочет выяснить знание или незнание адресата измены жены, наличие у нее любовника. А отвечающий выражает свое отношение к жене в другом плане – с точки зрения сохранности денег и семейного имущества. Несоответствие мнений и позиций участников диалога и служит причиной комического.

Такая же несовместимость может быть обнаружена в одном объекте, в его свойствах и послужить мотивом для смеха. Ср. пример: – *А вы выглядите **очень юной!** Судя по вашему уму...* в этом речевом произведении две части, которые

содержат определители «молодость («очень юная») – интеллект («ум»)), противоречащие друг другу по значению. В нем подчеркивается несоответствие интеллектуальных признаков человека его возрасту.

Данное речевое произведение тоже обладает признаками текста: 1) наличие темы; 2) наличие цели – оценить собеседника; 3) структурированность; 4) смысловая завершенность (при конструктивной «дефектности»); 5) наличие оценивающего адресанта; 6) наличие оценивающего адресата; 7) побочный мотив – стремление адресанта причинить боль собеседнику; 8) наличие подтекста – выражение язвительности языка и мысли говорящего и т.д.

Несовместимые действия являются признаком одного человека и в следующем юмористическом мини-тексте: *Странное дело: пил как лошадь, а нажрался как свинья...* Весь текст имеет один объект, одну тему, одну цель (охарактеризовать поведение человека-обжоры), обобщающую и конкретизирующую части, мораль (осуждение названных негативных действий), гиперболизированное сравнение (усиливающее эффект описания контрастируемых действий, совмещение несовместимых способов приемов пищи и питья в действиях одного человека и т.д., которые объединяют его части в одно целое. Юмор заключен и в сравнении, и в совмещении негативных действий, и в осуждении данного поведения человека. Он имеет признаки образного сравнения, анимализации недостатков человека, элементы сценария и фрейма одновременно, что в силу своего комплексного характера уплотняет когнитивно-языковое содержание текста.

Гиперболизация свойств человека лежит в основе и следующего комического выражения: *Дайте мне, пожалуйста, таблеток для памяти, хочу стать злопамятнее!* В микротексте четко выделяются: 1) место совершения действия – аптека; 2) адресант – посетитель аптеки; 3) адресат – работник аптечного заведения; 4) цель юмора – высмеивание поведения людей, желающих стать вредными и злопамятными, чтобы ими перестали пользоваться в личных интересах; 5) мораль – призыв людей к толерантности, доброте и

умение прощать других; б) структурированность текста: а) вежливое обращение к собеседнику, б) требование предмета потребления, в) предъявление цели и назначения приобретаемого предмета; 7) императивное интонационное оформление; 8) завершенность высказывания и др., которые составляют прагматику и текстовые особенности фразы. Данный текст также характеризуется комплексом когнитивно-языковых свойств.

В следующем юмористическом мини-тексте именно ситуация выдвигается на первый план и служит основанием для смеха: – *Что греха таить... – подумала она, рассказав пьяному, спящему мужу о своих похождениях...* Данный микротекст содержит в себе сценарно-фреймовые признаки: 1) темой – супруги; 2) адресантом – жена; 3) адресатом – муж; 4) структурированностью, проявляющейся в наличии а) прямой речи («Что греха таить...»), б) авторскими словами (остальная часть) со своим предметом, адресатом, адресантом; 5) моралью – осуждение поведения любвеобильной жены и пьяницы-мужа; б) наличием противоречия (между «откровенным» рассказом жены о своих любовных похождениях и невозможностью восприятия этой информации со стороны спящего мужа) и др. Именно последний пункт является ключом к смеху и основанием юмора.

Другой юмор тоже связан со сном. Состояние сна и бодрствования, имея контрастные свойства, нередко служит мотивом, вызывающим смех. Например: – *Пойду, посплю. Так от меня вреда меньше...* Микротекст представлен когнитивно-языковыми признаками: 1) место – жилое помещение; 2) время – поздняя ночь; 3) ситуация – обсуждение семейных, служебных и прочих проблем; 4) адресант (тот, кто уходит спать); 5) адресат – остающиеся разговаривать члены семьи; б) цель – показать предпочтительность ухода от конфликта, разногласий. Субъект принимает решение. Его решение преследует цель – быть подальше от конфликта, не участвовать в нем, что обезопасит его и не повредит остающимся.

Контраст старшего, но бедного, и молодого, но богатого составляет основу следующего юмористического текста: *Товарищи студенты! Просьба ставить*

содержания текста, который может быть реализован в определенной последовательности, имея сценарий.

Данное когнитивно-речевое произведение имеет все признаки текста:

- 1) тему – молодежь, взаимоотношение девушек и парней;
- 2) прагматику, состоящую из говорящего и слушающего, адресата и адресанта и их единства;
- 3) цель – дать совет девушкам, как привлечь на себя внимание парней;
- 4) субъекты и их признаки: а) активные субъекты – девушки, б) пассивные субъекты – парни, в) действие активное – *обезжирить*, г) действие пассивное – *не клеятся*; сочетание субъекта и действия приводит к образованию предикативного каркаса мини-текста;
- 5) конструктивный каркас: вокатив – сложноподчиненное предложение, построенное на формуле «*если..., то...*» (в придаточной части предикат настоящего времени, в главной – будущего времени); б) мини-текст обладает также свойствами завершенности, полноты частей, целостности и др., имея целостную фреймово-сценарную структуру.

Микротекст *Кыргызская страховая компания «Кудай сактасын»* состоит из номинативной и императивной частей. Номинативная часть представляет собой название государственной или частной организации со своим уставом, целями и задачами, функциональными обязанностями, структурой, составом сотрудников. Основная ее цель – защита имущественных интересов юридических и физических лиц при наступлении определенных событий (страховых случаев) за счет денежного фонда, формируемого из уплачиваемых ими страховых взносов.

А императивная часть содержит обращение к Богу/Кудаяу, чтобы он оберегал жизнь и имущество людей, т.е. «Пусть бережет Бог!». Смысл юмора состоит в том, что компания как бы перекладывает свои функции на другого, а именно на Создателя, и в том, что, обещая своим клиентам двойную защиту, двойное страхование, ждет массового потока желающих застраховаться. С другой стороны, в юморе подчеркивается ленивость многих представителей этноса, стремящихся добиваться блага без активных и целеустремленных действий и надеющихся на успех с помощью «извне» и сверхъестественных

сил. Эта триада смыслов (компания – Бог – лень), совмещенно и «сжато» представленных в микротексте, конечно, обеспечивает остроумие и поэтому вызывает понимание и радостное настроение духа как у говорящего, так и у слушающих, если текст использован уместно. Данный рекламный текст тоже имеет сложное ментально-языковое строение.

Иногда жизненно мотивационное преобразование типовой рекламной формулы способствует получению юмористического текста. Нам хорошо известно изречение: *Минздрав предупреждает: курение вредно здоровью / Саламаттыкты сактоо министрлиги тамеки чегүү зыян экендигин эскертет.* Оно остроумно трансформировано: *Минздрав предупреждает: труд учителя вреднее, чем курение / Саламаттыкты сактоо министрлиги мугалимдин эмгеги тамеки чеккенден да зыяныраак деп эскертет.* Данный вариант изречения высмеивает политику государства относительно школьного образования и «нищенское» материальное положение учителей. Их труд крайне важен для общества, а оценивается не по степени важности и оплачивается крайне низко.

Конечно, достойная оплата компенсирует труд учителя, его физические, интеллектуальные, моральные и другие траты. В новом варианте речевой формулы содержится призыв к пересмотру оплаты труда учителя, к ее повышению. В трансформе есть элементы гиперболизации. Курение, конечно, вредно, вредно и курящему, и окружающим, отрицательно влияет на их здоровье – на состояние дыхательных, сердечно-сосудистых, пищеварительных и других органов, вредно и в материальном, и в моральном отношении. А низкооплачиваемый труд учителя тоже оценивается как нечто такое, которое превосходит курение по вредности.

Сила изречения состоит в том, что оно синтезирует в себе семантику, смысловое содержание нескольких утверждений – одного эксплицитного («Курение вредно здоровью») и двух имплицитных: 1) «Труд учителя вреден здоровью» 2) «Труд учителя более вреден здоровью, чем курение». Слияние этих утверждений в одном делает трансформированную фразу семантически

емкой, концентрированной и обобщенной, что, с одной стороны, порождает интерес у слушателей к нему, к его смысловому содержанию и стремление к запоминанию, и, с другой стороны, вызывает эффект гордости за генерирование и произнесение такой фразы в сочетании трех утверждений в одной фразе и заключенных в них противоречий служит основой комического в тексте. Понятно, что составляющие текста имеют весьма сложную когнитивно-языковую структуру: министерство (со своими отделами, департаментами), труд учителя (работа по расписанию, составление календарных планов, приобретение учебников, подготовка к урокам и т.д.), учитель (наличие диплома, компетентности, нагрузки), курение (покупка сигарет, распечатка пачки, выбор сигареты, зажигание, процесс курения, получение удовольствия, создание неудобства для окружающих и т.д.), здоровье (данное понятие фигурирует в тексте дважды – в составе названия министерства и отдельно, включает в себя нормальное состояние тела и духа, отсутствие заболеваний и т.д.), которые вместе служат основанием для определения фразы в качестве гештальта.

В некоторых микротекстах комическое связано с названиями частей тела и с их употреблением в переносном значении: *моюн/шея, өпкө/легкие, мээ/мозг, каш/брови, ооз/рот* и т.д.

В кыргызском дискурсе появилось образное выражение. *Кирпи болгон кандай жакшы! Эч ким моюнуца отура албайт / Как хорошо быть ежом! Никто не сядет на твою шею.* Одно из ключевых слов в этом мини-тексте слово *моюн/шея* все остальные компоненты фразы подчинены ему и слову *кирпи/еж*. Фраза отдельно в прямом значении не употребляется. Ее образность и комический эффект связаны с анимализацией поведения человека. Под словом *кирпи/еж* подразумевается не животное, а человек – ершистый, язвительный, несговорчивый. И слово *шея (на шею)* употреблено в переносном значении. Шея ежа иглистая, неудобная для сидения. Поэтому предполагается, что постоянно использовать ершистых людей в личных интересах, жить за их счет, все время «ездить» на них невозможно: сесть на шейные иглы ежа опасно!

Семантический перенос усиливает образность выражения и порождает комический эффект. Юмор характеризуется сложным фреймово-сценарным строением.

Несоответствие между внешностью и внутренним миром человека, красотой и умом передается в мини-тексте: *Капшы го тартып алыпсың, мээни татуаж кылууга болбойт го. Капш* «бровь, брови» – символ внешности, элемент красоты, а *мээ* «мозг» – генератор чувств и мыслей, символ интеллекта. Отсутствие гармонии между искусственно созданной временной частичной красотой и глубинными естественными умственными чертами человека послужило мотивом для сарказма и для острокритической оценки.

В другом юморе задеваются высокомерие и чванливость отдельных людей:

<p>– <i>Боюн көтөргөндөр менен көпкө сүйлөшүү зыян.</i></p> <p>– <i>Эмнеге?</i></p> <p>– <i>Моюнуң талып кетет...</i></p>	<p>– <i>Вредно разговаривать с высокомерными людьми.</i></p> <p>– <i>Почему?</i></p> <p>– <i>Шея заболит (устанет).</i></p>
---	---

В данном случае речь идет не о физической боли в шейной части тела, а о духовных неудобствах, вызванных неравенством позиций участников общения (с точки зрения одной стороны), отсутствием баланса интересов сторон в разговоре (интересы другой стороны принижаются) и полным доминированием одной стороны над другой. Такое доминирование может иметь социальные (богатство, высокая должность, старшинство по возрасту и т.д.), физические/физиологические (отличное здоровье, высокий рост, развитая мускулатура, спортивные достижения и др.), интеллектуальные (острый ум, развитая память, зоркость взгляда и т.п.), образование (высшее образование, ученая степень, обширные знания, кругозор и т.п.), правовые (знание законов, работа в органах, наличие знаков отличия и званий, в том числе «вора в законе», криминальное прошлое и пр.) и другие основания.

В тексте подчеркивается унижительность положения среднего человека перед теми, которые не скрывают и всячески выпячивают свое превосходство во время общения. Данное речевое произведение обладает многими текстовыми

и когнитивно-дискурсивными свойствами. К ним относятся: 1) тема (высокомерие); 2) предмет разговора (неудобства, возникающие в разговоре неравноправных и неравновесных людей); 3) цель (осуждение высокомерия отдельных личностей); 4) наличие адресата и адресанта; 5) смена ролей между адресантом и адресатом; диалогическая форма построения текста; 6) наличие отрицательной оценки поведения и манеры общения чванливых людей; аксиология текста; наличие морали: «Не будь высокомерным!»; 7) трехчастность: утверждение – вопрос (причинный) – пояснение; 8) образность оценки, проявляющаяся в переносном употреблении слова *моюн* «шея» по правилам синекдохи (частное экстраполируется на общее, целое); 9) интонационная, смысловая и конструктивная завершенность речевого мини-произведения. Как видим, во всех приведенных сематических микротекстах мы обнаруживаем сложно устроенное когнитивно-языковое содержание.

Принцип «часть – целое» участвует в образовании комической ситуации и в следующем мини-тексте: *Эки тиш чукугуч жолдо баратат. Кирпини көрө коюп, бирөөсү: «Досум, бул жерде маршрутка жүрөт экен ээ» – дептир / Идут по дороге две зубочистки. Увидев ежа, одна из них говорит другой: «Друг мой, здесь ездит маршрутка».* В данном случае мы можем говорить о двух приемах создания юмора. Во-первых, вещи и животные олицетворены, выступают в ролях людей. Во-вторых, выделены внешние сходства зубочистки с игловым защитным покровом ежа и множество зубочисток как пассажиры на спине у ежа-маршрутки. Олицетворение, синекдоха и сравнение послужили основанием для создания комического эффекта. Олицетворение проявляется в «очеловечивании», антропологизации вещей и животного – зубочисток и ежа, синекдоха – в объединении частей и целого (зубочистки, защитные иглы ежа, пассажиры – еж, маршрутка), сравнение – в установлении сходств и различий между отождествляемыми предметами (зубочистка – пассажир/человек, еж – маршрутка).

Признаками данного когнитивно-дискурсивного образования в данном случае являются: 1) тема – зубочистки; 2) предмет рассказа – разговор между

персонажами о еж; 3) цель – демонстрация глупости и несуразность умозаключений отдельных людей; 4) наличие двух субъектов – активного и пассивного; 5) наличие говорящего и слушающего; 6) структурирование частей: движение двух субъектов в пространстве – появление третьего субъекта (но объекта с точки зрения первых двух) – оценка одним из этих субъектов данного объекта, которая содержит в себе а) вокатив, б) место совершения действия, в) статус этого объекта относительно субъектов; 7) наличие морали: «Не оценивай все по себе!», «Не стоит оценивать предметы по внешнему сходству», «Смотри в корень!» и т.д. 8) присутствие образного компонента текста, созданного с помощью приемов олицетворения, сравнения и синекдохи; 9) смысловая целостность и законченность речевого произведения.

Таким образом, юмористические микротексты обладают краткостью объема, полисемантической насыщенностью содержанием, особым сценарием, остроумием и художественным своеобразием. Художественно-эстетическую сторону юмора обеспечивают полисемия, различные виды тропов и стилистических фигур.

3.1.2. Юмористические тексты среднего объема превосходят мини-тексты числом своих составляющих. Минимальный объем таких текстов – четверостишие. Рассмотрим прозаическое юмористическое произведение из четырех строк:

Три стадии взросления мужчины:

Первая – он верит в деда Мороза.

Вторая – он не верит в деда Мороза.

Третья – он сам дед Мороз.

В чем тут суть юмора? Остроумие содержания текста состоит в контрастировании трех периодов жизни человека – детства, зрелости и старости. При этом этапы взросления людей определяются относительно понимания мифического существа под названием «Дед Мороз».

Концепт «Дед Мороз» существует в сознании представителей почти всех этносов, особенно тех, которые живут в полюсах Земли с зимним периодом, и

называется по-разному (*Дядя Ата, Санта Клаус, Кор Бобо* и т.д.). Он в смысловом отношении многослоен, в своей семантике различает денотативное и коннотативное, нейтральное и аксиологическое, понятийное и эмоционально-экспрессивное, реальное и нереальное, этимологическое и деривационное и другие значения.

В тексте название *дед Мороз* употреблено три раза. Каждый раз он имеет отдельное значение, в первом случае – мифологическое, ирреальное, образно-оценочное, эмоционально-экспрессивное, традиционно-праздничное, символическое (образ доброты, щедрости и благородства, знак конца старого и начала нового года) в сознании детей, во втором – демифологизированное, реальное и прагматично-символическое в сознании взрослого человека, в третьем – трансформированное, денотативное, представляющее самого субъекта в образе деда Мороза. Такое неожиданное перевоплощение персонажа и преобразование субъекта созерцания в объект оценки служит мотивом шуточного генерирования и восприятия содержащейся в тексте информации.

Приведенное речевое произведение имеет сложное фреймово-сценарное строение и характеризуется некоторыми чертами текста, а именно: 1) общностью темы (взросление мужчины); 2) общностью объекта (дед Мороз); 3) общностью предмета (три стадии взросления мужчины и изменения его взгляда на деда Мороза); 4) единством цели (в юмористической форме назвать характерные черты разных этапов возмужания человека относительно юного объекта); 5) структурированностью строения текста, состоящего из обобщенно-констатирующей (первая строка) и разъясняющей (остальные три строки) частей; 6) иерархической организованностью и неоднородностью компонентов текста, где целое состоит из гетерогенных частей (общее – частное), а частное – из трех единичных утверждений; 7) наличие общего абстрактного субъекта, передаваемого словами *мужчина, он*, т.е. существительным и заменяющим его прономинативом 3 л. ед.ч. муж.р.; 8) параллелизмом построения второй, третьей и четвертой строк, имеющего модель «порядковое числительное + прономинатив *он* + объект текстовой информации *дед Мороз*», который тоже

усиливает связи частей текста, обеспечивая их единство; 9) конструктивно-смысловой завершенностью речевого произведения, полнотой и законченностью его составляющих.

Таким образом, суть юмора состоит в том, что в нем обобщенно, образно, в шуточной форме контрастируются интеллектуальные, физиологические, поведенческие и другие качества представителей различных возрастных групп этносов – жителей нетропических стран мира.

Проанализированный выше пример обладает преимущественным свойством сценария как разновидности концепта и содержит фреймовые признаки.

Следующий юмор тоже представлен в тексте среднего объема и состоит из четырех строк:

- *Мама, он уходит!*
- *Пусть хлеба купит...*
- *Мама, он навсегда уходит!!!*
- *Хрен с ним, **сегодня поужинаем без хлеба.***

Юмор сугубо русского типа. При переводе на кыргызский язык теряет свою остроту. В русском тексте местоимение *он* выступает символом значений «глава семьи, отец для ребенка, муж для женщины». Кыргызское *ал* так не ограничивает объект и не соотносится с подразумеваемым по-русски лицом. Попробуем его перевести на кыргызский язык:

- *Ана, ал кетип жатат!*
- *Нан ала келсин...*
- *Ана, ал биротоло кетип жатат!!!*
- *Кетмектен кетсин! **Бүгүн кечкисин нансыз тамактанабыз.***

В данном варианте выражение *Хрен с ним!* переведено выражением *Кетмектен кетсин!* «Если уходит, пусть уйдет», которое точно передает смысл русского оборота. Однако его можно было перевести буквально следующим образом: *Аны менен хрен / ачырга!*, что вообще не воспринимается речевым мышлением кыргыза и не вызывает в его сознании адекватную реакцию. В

любом случае видим, что юмор, хорошо воспринимаемый в русскоязычной среде, теряет свою ценность и остроумие в общении носителей кыргызской лингвокультуры.

Данное речевое произведение имеет сложное ментально-речевое построение и некоторые признаки текста: 1) тему, объект, предмет разговора; 2) прагматику, включающую в себе: а) говорящего, б) слушающего, в) третье лицо, г) их взаимоотношение в качестве членов семьи: жена – теща – глава семьи, д) место разговора – семья, е) ситуация – случай ухода мужа (зятя) из семьи и т.д. 3) диалогическую форму изложения информации; 4) общую цель – показать противоположную реакцию дочери и матери к уходу главы семьи; 5) структурированность текста, состоящего из четырех строк-компонентов: а) вокатив + подтверждение ухода главы семьи насовсем; б) оценка поступка + указание на незначительность потери или одномоментность неудобства для семьи; в) мену ролей между говорящим и слушающим по принципу «стимул – реакция»; каждая из составляющих этой антиномии соотносительна с субъектом общения: дочь предъявляет стимул, мать реагирует на него; 7) полноту и завершенность организации текста.

Юмористические тексты средней величины имеют и более развернутую когнитивно-языковую структуру.

Попали на необитаемый остров русский, француз и кыргыз. Ну огляделись, и вдруг выходит Робинзон: «Мужики, я тут двадцать лет живу и никого еще не видел». Дал каждому из них по участку земли, семена и инструменты. Потом приходит через неделю и смотрит: у русского земля вспахана и картошка посеяна, у французса посажены виноградники... Идет к кыргызу, смотрит: ничего не сделано, и сидит кыргыз на камне с плакатом «Робинзон кетсин!».

Анекдот отражает типичные черты трех этносов. В нем подчеркиваются некоторые отрицательные черты характера отдельных кыргызов – тунеядство и цинизм, которые, естественно, не определяют общие свойства нации, а выделены и называются для оценки поведения некоторых ее представителей. В

данном случае речь идет о переносе частного на общее. Такая обобщенность и метафоричность смысла позволяет использовать анекдот применительно к представителям и других наций.

Юмор оформлен в виде текста. Его текстовыми признаками являются: 1) наличие темы и предмета; 2) повествовательный характер, характер описания случая; 3) наличие целей – продемонстрировать поведение представителей разных этносов в идентичной ситуации и высмеивать лень и нахальство отдельных людей; 4) наличие персонажей: русский, француз, кыргыз и Робинзон Крузо; 5) выполнение действующими лицами определенных ролей: житель острова радуется появлению новых жителей, раздает им все необходимые для обеспечения ими своей жизнедеятельности; каждый из гостей ведет себя по-своему; 6) наличие оппозиции: Робинзон – новые жильцы острова; их взаимоотношение; 7) полнота частей текста: начало и завершающий императив обрамляет минирасказ; 8) все персонажи и их действия организованы воедино и образуют целое; 9) наличие морали – не надо мобилизовать людей на антиправительственные демонстрации во время весенне-полевых работ и т.д.

Анекдот имеет позитивный мотив и призывает слушателей и читателей к трудолюбию, толерантности и умению благодарить за созданные и создаваемые для работы условия.

Необходимо отметить, что не все слушатели-кыргызы понимают образ Робинзона Крузо – персонажа известного произведения европейской культуры.

В другом кыргызском анекдоте высмеивается неумеренность отдельных представителей этноса в требованиях, чрезмерность их желаний и потребностей.

<p><i>Атлантика океанынын жээгинде кайырмагын салып олтурган чал алтын балык кармап алат. Алтын балык:</i></p> <p><i>– Кое бер мени, үч тилегиңди</i></p>	<p><i>Старик, который удил рыбу на берегу Тихого океана, поймал золотую рыбку.</i></p> <p><i>Рыбка:</i></p> <p><i>– Отпусти, исполню три твоих</i></p>
---	--

<p><i>аткарам, – дейт.</i></p> <p><i>Чал ойлонуп:</i></p> <p>– <i>Биринчиси: мен дүйнөдөгү эң бай, атактуу киши болоюн.</i></p> <p>– <i>Макул, аткарам, экинчиси кандай?</i></p> <p>– <i>Экинчиси: дайыма жааш бойдон тура берейин.</i></p> <p>– <i>Макул, бул да аткарылат, акыркысын ойлонуп туруп айт эми, – дейт алтын балык.</i></p> <p><i>Анда чал:</i></p> <p>– <i>Ойлонгондо эмне, үчүнчү тилегим: сага окшогон алтын балыктан дагы үчөө түшсүн, – дейт, анда алтын балык чочуп кетип:</i></p> <p>– <i>Неңдурайын, кыргыз окшойсун ээ, – дептир.</i></p>	<p><i>желания...</i></p> <p><i>Старик подумав:</i></p> <p>– <i>Первое: я хочу быть самым известным, самым богатым человеком в мире!</i></p> <p>– <i>Ладно, выполню. Какое будет второе желание?</i></p> <p>– <i>Второе: хочу быть всегда молодым!</i></p> <p>– <i>Ладно, и это желание выполню, только над последним подумай, – предупредила рыбка</i></p> <p><i>Старик:</i></p> <p>– <i>А что думать, вот третье желание: пусть я поймаю еще три таких, как ты, золотых рыбок!</i></p> <p>– <i>Мать твою..., ты кыргыз что ли? – удивилась рыбка.</i></p>
--	--

Анекдот этот среднего объёма и имеет когнитивно-дискурсивную структуру: 1) общую тему – кыргыз и золотая рыбка; 2) предмет – разговор между двумя субъектами; 3) единую форму изложения – диалог; 4) участников общения – говорящего и слушающего; 5) трехчастная организованность юмора (первое, второе и третье желания главного персонажа); 6) наличие кульминации, заключенной в обнаружении принадлежности старика-персонажа к кыргызской национальности; 7) полнота составных частей анекдота. Здесь национальная принадлежность одного из участников общения служит основанием для юмора.

Этот анекдот чаще всего встречается в кыргызском варианте. Русский текст тоже представлен в дискурсе, но реже, чем кыргызский.

В нашей картотеке имеется 12 анекдотов на тему золотой рыбки. Все они имеют почти одинаковое строение и состав участников, но разные основания для смеха, разную комическую ценность.

В некоторых анекдотах подчеркивается противоречие в действиях представителей разных профессий. Каждая профессия имеет свои особенности. Представитель одной профессии, оказавшись в среде другой, ведет себя «неправильно», действует не по правилам и оказывается в смешной ситуации. В этом отношении заслуживает внимание юмористическое произведение «Боксер» [88, с. 63]. Ср. его содержание:

<p><i>Бир боксер маанилүү мушташ алдында ооруп калат. Айласы кеткен тренери ордуна башка бирөөнү издеп жөнөйт. Издеп жүрүп эт комбинаттан уй сойгон касапчыга жолугат да ага жалдырайт. Эптеп эле 12 раунд туруп берсең, көп акча аласың деп. Тиги касапчы макул болот.</i></p> <p><i>Мушташ баиталат... 1 раунд туруштук берет. 2...3...4...раунд. 11 раунд бүткөндө бети-башы бүт канап, аябай токмок жейт.</i></p> <p><i>Тренер келип:</i></p> <p><i>– Эми бир раунд эле чыдап койсоң болду...</i></p> <p><i>Анда касапчы:</i></p> <p><i>–Тренер, мен деле чапсам болобу?</i></p> <p><i>–Ой болот, чапканды билесинби? – десе,12 раунд баиталганда эле тиги атааңдашын бир уруп нокаутка кетирет.</i></p>	<p><i>Один боксер заболел перед ответственным боем. В поиске выхода из сложившейся ситуации тренер в мясокомбинате находит мясника и умоляет его выйти на ринг. Упрашивает его как-нибудь выдержать 12 раундов, и мясник соглашается.</i></p> <p><i>Начался бой... Выдерживает 1 раунд. 2...3...4... раунд. К 11 раунду он избит и весь был в крови.</i></p> <p><i>Тренер просит:</i></p> <p><i>– Еще один раунд потерпи и все...</i></p> <p><i>Тогда мясник спрашивает у тренера:</i></p> <p><i>– Тренер, а мне можно бить?</i></p> <p><i>– Да, конечно, умеешь бить?</i></p> <p><i>В начале 12 раунда мясник одним ударом отправляет соперника в нокаут.</i></p>
--	--

<i>Көрсө уйларды бир уруп өлтүрүп анан сойчу экен да.</i>	<i>Оказывается, он привык в мясокомбинате одним ударом сваливать коров перед убоем.</i>
---	---

Данный рассказ изображает комическую ситуацию, смешное положение персонажа и текстового содержания. Его когнитивно-речевыми признаками являются: 1) тема – боксер; 2) действующие лица: тренер, боксер, мясник, боксер-противник (скрыто представлен); 3) диалогическая форма изложения (в формах косвенной и прямой речи); 4) композиция: болезнь боксера перед ответственным боем – поиск тренером замены – договор с мясником с мясокомбината – бой в 11 раундов (проводит мясник пассивно, без действий) – выяснение мясником разрешимости удара в противника – удар в нокаут; 5) наличие начала (перед ответственным боем...) и конца (...одним ударом убивал крупный рогатый скот) рассказа; 6) завершенность структуры и т.д.

Как видим, тексты юмористических произведений среднего объема обладают всеми свойствами текста – общностью темы, цели, наличием прагматики, композиционным строением, законченностью содержания и т.д., достаточно сложным гештальтным строением.

3.1.3. Некоторые юмористические тексты имеют более объемную форму и весьма сложное строение. Их называют юмористическими макротекстами. Целые художественные произведения обладают свойствами юмора, насыщены комическими ситуациями, смешными диалогами, вызывающими приподнятое настроение духа сценками. В мировом киноискусстве немало фильмов, построенных по принципу комедии и внесших большой вклад в развитие юмора, в распространение остроумных выражений, афоризмов и притч.

Приведем один из примеров юмористического произведения среднего объема. Он создан, чтобы веселить аудиторию, смешить слушателей. Юмор основан на смешении авторов и их произведений, на «незнании» классиков русской литературы XIX века и начала XX века и их произведений, построен в виде ответа на экзаменационный вопрос «Творчество Достоевского».

Билет №13. Творчество Достоевского. Мне нравится великий и русский поэт **Лев Николаевич Достоевский**. Хотелось бы вспомнить золотые слова Достоевского... *хотелось бы вспомнить, но не могу*. Давайте проследим основные вехи творчества Достоевского на основе его романа **"Евгений Онегин"**. **"Евгений Онегин"** назван так в честь главного героя поручика **Ржевского**. **Ржевский** больше всего любил три вещи: *женщин, водку и когда они вместе*. Мне кажется, в образ **Ржевского** Достоевский наложил много личного, впоследствии он даже создал **роман-автобиографию "Идиот"**. Все мы помним крылатую строчку романа: **"Идиот! Детям – мороженое, бабе – цветы!"** **Маленького Достоевского** воспитывала няня, **Арина Родионовна**. Ее отцом был **Родион Раскольников**. Няня входила по утрам к мальчику в спальню, будила его и говорила: **"Выьем с горя?"** Няня пила кружками, поэтому *быстро набиралась и вела себя неадекватно*. **Достоевский** пишет про подвыпившую няню: **"То как зверь она завоет..."** Но вернемся к роману **"Муму"**. Кроме **Ржевского** там была еще одна главная героиня, **Наташа Ростова**. Они познакомились на балу. **Ржевский** ее прямо на балу и полюбил. Но против их связи были родители **Наташи**: **мать, старуха Изергиль, и отец, Дед Мазай**. Зайцы тоже были против. Они все хотели обручить **Наташу** с **богатым инвалидом второй группы, с Пьером без уха**. Вообще проблему взаимоотношений родителей с детьми Достоевский нередко поднимал и описывал. Сильнее всего она была им описана в его романе **"Отцы и дети"**, посвященном **Павлику Морозову**. Но вернемся к роману **"Мцыри"**. **Наташа** хотела с горя броситься под электричку, но к счастью мимо шел **Павка Корчагин**. **Павка** увидел лежащую на путях девушку, лег рядом и вернул ее к жизни. Вскоре у них родились двойняшки: **Чук и Гек**.

Вывод: мне кажется, Достоевский одной ногой стоял в темном прошлом, другой в светлом будущем, а между ними было суровое настоящее. Хочется верить, что **Александр Сергеевич Достоевский** напишет еще много нового. У меня все [259].

Юмор-текст обладает целым рядом когнитивно-языковых и текстовых свойств. Он имеет: 1) тему («Творчество Достоевского»); 2) цель – изложить творческий путь Достоевского в юмористическом жанре; 3) предмет – основные произведения писателей; 4) трехчастную структуру: а) значимость писателя для русской литературы, б) основные вехи творчества:

- роман «Евгений Онегин»;

- его персонаж – Ржевский;

- роман «Идиот» (маленький Достоевский, няня Арина Радионовна, слова няни, оценка мальчиком поведения подвыпившей няни);

- роман «Му-му» (персонажи: Ржевский, Наташа Ростова; родители Наташи: мать Изергиль и отец дед Мазай; Пьер без уха);

- роман «Отцы и дети» (о Павлике Морозове);

- роман «Мцыри» (Павлик, Наташа, Павка Корчагин спасает Наташу, бросившуюся под электричку; рождение у них двойняшек – Чук и Гек),

в) вывод: Александр Сергеевич Достоевский связывает «темное прошлое», «светлое будущее» и «суровое настоящее»; 5) композицию, состоящую из последовательно разворачиваемых, но перевернутых и полностью запутанных, гротескно искаженных фактов, названий и антропонимов, вызывающих смех у реципиентов – слушающих и читателей; 6) четко обозначены начало и конец, обрамляющие все содержание текста; 7) прагматику, включающую в себя предмет, рассказчика и вероятного реципиента, т.е. адресанта и адресата; 8) принадлежность к повествовательному и образно-литературоведческому стилю; 9) информативность, которая проявляется в сообщении «биографических» и «литературно-художественных» фактов из жизни Достоевского; 10) взаимосвязанность частей и их подчиненность замыслу автора – «перевернуто» изложить факты литературы; 11) интегрированность и единство содержания повествования; содержательность рассказа; 12) эмоционально-экспрессивную и интонационную целостность «духа» изложения, передающая «литературоведческое» видение примитивного, необразованного, стремящегося представить себя знатоком литературы

человека; 13) логическую, фактологическую, стилистическую и лексико-семантическую автономность изложения; 14) последовательность расположения фактов по направлению «от начала – к концу»; 15) относительную полноту компонентов повествования; 16) способность к переносу – экстраполяции на творчество других писателей, т.е. служить прецедентом для создания аналогичных произведений; 17) основанность на гротеске как общем художественном приеме данного повествования и т.д.

Следует отметить, что не во всех юмористических рассказах **комическое присутствует по всей длине произведения**. Оно иногда средоточивается в какой-либо части повествования – обычно в середине или в конце изложения.

В качестве примера приведем юмористический рассказ «Балбан» из книги Б. Иметова «Тамаша: тамашалар, аңгемелер, мыскылдар, анекдоттор, шакабалар, афоризмдер». В нем комическое перенесено на конечную, завершающую часть.

Балбан

*Абитуриент кезибиз, армиядан келген бир топ балдар шаардын багында сынактарга даярданып жүрөбүз. Арабызга Абды деген (аты өзгөртүлдү) апенди чалыш, айрым бир учурда өңүн өзгөртө коюп, адамдын сырткы турпатын туурап, күлдүргөн жигит келип кошулду. Ошол 70-жылдары Навои паркында ар жекшемби сайын күрөш болуп, бүткүл Фергана өрөөнүнөн балбандар келип, күчтөрүн сынашчу. Бул күнү жанагы Абды: “Эй, балдар, менде бир ой бар, **тыйын табуунун эң бир жакшы жолу бар. Эгер силер макул болсоңор**”, – деп калды.*

– Кантип?

– Мен күрөшөм. Бирок силер менен.

– Биз күрөшкөн эмеспиз, туура келбейт ко, – деп чочуладык.

– Эй, макоолор, бир жакта мен олтурам, экинчи жакта силер олтурасыңар. Күрөш баишталганда, ортого мен чыгам. Ошол мезгилде силерден бирөө мага талапкер болуп чыгат. Анан бир аз кармашкандан кийин, мага жыгылып бересиңер. Кийин экинчиңер, үчүнчүңөр, ошентип, мен балбан

болуп чыга келем. Көрүүчүлөр болсо ыраазы болгондуктан, берерге тыйынын таппай калат, – деди.

Биз ошол жекшембиде удургуп, күрөшкө жөнөп калдык. Келсек күрөш кызый баштаган экен. Экиге бөлүнүп, бир бөлүгү аркы тарапта Абдыны тегеректеп. Биз берки тарапка отурдук да, бир жигитке күрөштүн эрежеси боюнча чапан кийгизип, даярдык көрө баштадык. Бет маңдайдагы абитуриенттер да өздөрүнчө даярданышып, Абдыга чапан кийгизишип, бел курун байлашып убара. Бир аз убакыт өтүп тиешелүү даярдыктар такталгандан кийин, Абды башын акырын ийкеп, ортого чыккыла деген белги берип, чоң чапан кийгизилген өзүнүн денесин, булчундарын, боюн сырдуу кармаган балбан кейиптенип, өлүмүш болуп, бүжүрөп басып, күрөш болуучу майдандын ортосуна чыкты. Антип-мынтип биз тараптагы бала да жаңы эле майданга жөнөгөндө күтүүсүздөн сол тараптан эле бир шайтандай болгон арыкчырай, чапандын ичинен моюнуна илген тумары көрүнгөн, бир жаш бала майданга чыга келсе болобу. Ортодо турган калыс Абдынын бел боосун кармап туруп, биз даярдаган бала эмес, бир аз мурдараак чыккан тиги шайтандай балага алып жөнөдү. Абды кылчактап бизге тиешелүү баланы карады, бирок кеч болуп калган болчу. Абды биз тарапты олурая бир карап: “Эй, акмактар, кылаарыңар ушул беле”, – дегенсиген көз карашты жөнөттү. Абдынын атаандашынын бою бир аз насыраак, арыкчырай, күнгө күйгөн капкара, турушунан эч бир балбандык байкалбаган жигит экен. Башында Абдынын бир аз тайсалдаганы, күрөшпөй эле чыгып кеткиси келгендиги байкалды. Бирок тиги баланын жалпы көрүнүшү Абдыга кичине болсо да кубат бердиби, айтор тобокелдикке бел байлады. Биз демибизди ичибизге алып, эми эптеп эле ушул жигитти көтөрүп чапса, кийинкилеринде жанагындай, кемчиликтерге жол бербей, шарт майданга чыгабыз деп, жаныбыз жок. Балбандар бирин-бири эки-үчтөн серпишип, чалгындашкандан кийин, күтүүсүз эле Абдынын буту жерден үзүлүп, чапандын этеги жазылып, парашюттун кейпин кийди. Тиги шайтан жигит Абдыны алты-жети жолу чимирик кылып айлантып туруп, жерге урганда биздин ишенген

балбаныбыз чаң менен таарындынын арасында жатып калды. Башы айланып, катуу жыгылгандыктан, эси оой түшкөн экен. Уятынын күчүнөн эптеп туруп, келген тарабынан адашып, тескери жүрүп берди. Көрүүчүлөр дуу күлүп, жеңген жигитке ыраазычылыктарын билдирип жатышты, а биздин өлбөгөн төрт шыйрагыбыз эле калды. Бир жагынан арыбызга келип, бетибиз чымыраса, бир жагынан Абдынын мышык ыйлай турган кейпине күлөбүз. Акырын аянттан чыгып кеттик. Боз ала болгон Абды: “Эй, тез эле чыксаңар өлөсүңөрбү, энеңди..., силерге ишенип...” – деп сөгүнүп, бети-башын жууганы Ак-Буура дарыясын көздөй басты [88, с. 21].

Как видим, смешные элементы содержатся преимущественно в завершающей части рассказа. **Суть юмора заключается в провале замысла и сценария достижения незаслуженной денежной премии.**

Когнитивно-дискурсивными и текстовыми признаками рассказа являются:

- 1) наличие общего заголовка;
- 2) наличие цели – сообщение об одном смешном случае из жизни молодых людей;
- 3) общность стиля изложения – повествовательный характер рассказа;
- 4) присутствие идеи и морали – человек должен действовать в соответствии со своими способностями и возможностями, не должен браться за выполнение непосильной задачи;
- 5) письменная форма повествования;
- 6) информативность и способность хранить и передавать читателям социально значимую информацию;
- 7) наличие адресата-читателя, воспринимающего, запоминающего и использующего данное сообщение;
- 8) наличие адресанта – рассказчика, производителя сообщения;
- 9) контактированность адресата и адресанта в пределах содержания рассказа;
- 10) реализованность контакта производителя речевого произведения и его реципиента посредством информативности, эмоциональности и актуальности текста;
- 11) содержательность повествования;
- 12) возможность оценки со стороны получателя информации, содержательности, жизненной реальности и полезности воспринимаемой информации;
- 13) структурированность и композиционный характер строения текста, включающий в себя компоненты: а) время и ситуации совершения события,

б) субъекты события, в) идея о легком способе добывания денег, г) обсуждение сценария достижения премий за победу в борьбе куреш, д) подготовка к участию в борьбе, е) выход персонажа на арену, ж) «ломка» сценария и выход на единоборство не одного из друзей субъекта, а хорошо подготовленного борца, з) начало борьбы, и) настроение болельщиков главного персонажа, к) превращение халата субъекта в «парашют» и его падение, л) смех зрителей, м) чувство стыда, испытываемое болельщиками субъекта-персонажа, н) урок для человека, стремящегося добыть деньги без труда; 14) взаимосвязь эпизодов и частей рассказа и их подчиненность общей идее; 15) последовательная композиционная устроенность частей рассказа; 16) интегрированность строения текста и его единство; 17) наличие парадигматико-синтагматического единства в лексико-семантическом, синтаксическом, логико-ментальном устройстве текста; 18) целостная организованность структуры текста; 19) единство многообразия составляющих текста в рамках его содержания; 20) отдельность и автосемантичность речевого произведения; 21) наличие начала и конца повествования; 22) последовательная расположенность частей текста по направлению «от начала к концу»; 23) подчиненность знаков языка общему замыслу и т.д.

Конечно, эти признаки текста различны по значимости. Некоторые из них существенны для определения текста, другие менее значимы. Отдельные свойства близки друг к другу, перекликаются друг с другом, дополняют или даже дублируют друг друга. Но все вместе взятые образуют гештальтное строение и обеспечивают всестороннее понимание сущности текстового произведения.

3.2. Юмористические тексты фреймово-сценарного строения, различаемые по стилю изложения

Тексты как когнитивно-речевые образования классифицируются еще по стилю изложения. В этом отношении комическое не является исключением.

Тексты делятся на функциональные типы и разновидности на нескольких основаниях: 1) деление текстов по вертикали, поскольку юмор может быть произведен на основе «высокого», «нейтрального» и «сниженного» стилей; стилистический уровень юмора может быть определен даже на примере отдельных лексических элементов, например, русское слово *лик* – признак высокого стиля, а слово *лицо* – признак нейтрального (среднего) стиля, а слово *рожа* – сниженного (фамильярно-разговорного, разговорно-просторечного); 2) деление текстов по характеру воздействия на реципиента; в соответствии с этим требованием выделяются торжественный (риторический), официальный, фамильярный; интимно-ласковый, шуточный (юмористический), насмешливый (сатирический) [171, с. 592]; иногда эти подтипы стилей рассматриваются в пределах «вертикальной» модели; 3) деление текстов по стилю исполнения; согласно этому принципу речевые произведения подразделяются на тексты описания, повествования и рассуждения; 4) деление текстов как речевых актов по признакам прагматики: учет особенностей говорящего и слушающего, адресанта и адресата и специфики их взаимодействия как между собой, так и с неучастником общения; в рамках этого принципа различаются диалогические и монологические тексты; 5) деление текстов по горизонтали, по сфере употребления и функционирования, по общепринятой норме и манере исполнения; в этом случае речевые произведения подразделяются на а) разговорно-бытовой, б) литературно-художественный, в) публицистический, г) канцелярский, д) производственно-технический и е) научный стили изложения, которые в свою очередь подразделяются на более конкретные и узкие разновидности.

Описание типов юмора по стилям предполагает анализ и изучение огромного числа лингвистического материала, который займет большой объем работы. Поэтому мы ограничимся изложением только незначительной части собранных и интерпретированных нами фактов.

Приведем и прокомментируем некоторые юмористические тексты с **фреймово-сценарным строением, разграничиваемые «по вертикали».**

Юмор встречается в юмористических текстах высокого стиля. В них доминирует подход «от обыкновенной простоты к важному великолепию» (М.В. Ломоносов), встречаются устаревшие слова, выражения и интонация высокого стиля. Нередко несовместимость «высокого стиля» и повседневно-разговорного стиля создает комическую ситуацию.

В народе встречается юмор:

– *О, Боже*, – сказал король и умер.

– Он стал **равным богам!** – сделала вывод его свита, заставив народ **верить в богоизбранную свиту.**

Некоторые из выделенных в тексте слов имеют прямое отношение к высокому стилю: *О, Боже, равным богам, богоизбранная свита*. Стремление свиты короля возвысить себя через обращение короля к Создателю послужило основанием для юмора: предсмертный вокатив, отражающий предсмертное настроение (прощание с жизнью, испытание тяжелых болевых ощущений, предсмертную агонию и т.д.) старого и больного короля, истолкован окружением в целях возвышения своей значимости в глазах общества.

Микротекст обладает многими текстовыми и ментально-речевыми признаками: 1) тема (смерть короля); 2) цель (продемонстрировать стремление отдельных показать свою значимость, воспользовавшись даже смертью своих покровителей); 3) наличие двух субъектов – короля и его свиты; 4) диалогичность построения, единство адресанта и адресата: в первой части адресант – король, адресат – внешнее существо, во второй части свита – адресант, народ – адресат, неучастник (т.е. предмет речи) – Высшее существо; 5) полнота и завершенность речевого произведения; 6) единообразие стиля изложения; 7) наличие морали – «Не возвышайся за счет чужой славы!» и т.д., которые вместе образуют фреймово-сценарную структуру когнитивно-речевого произведения.

Слова и обороты высокого стиля использованы и в следующем когнитивно-дискурсивном образовании, состоящем из трех частей:

– *Вы православный?*

– *Боже упаси, нет! А Вы?*

– *Божьей милостью, я атеист.*

Слово *боже* – форма древнерусского вокативного падежа. Оно употреблялось в церковной речи и в речи религиозных людей, в речи простых православных. Слово *Боже* и его производное в идиоме *божьей милостью* относятся к сфере высокого стиля. Правда, постоянно употребляясь в речи, они превратились в устойчивые обороты разговорно-бытового стиля речи. Смешная ситуация создана тем, что в разговоре двух атеистов использованы идиомы с теологическими субстантивными и адъективными номинантами: *Боже упаси* и *Божьей милостью*. Как речевое произведение, этот текст обладает теми же признаками, которые характеризуют предыдущий юмор. Но в отличие от него данный юмор имеет свойства: 1) временная ориентированность, связь сообщений с моментом речи; 2) модальное единство частей, выражение эмоционального отношения субъектов общения к предмету, к теме речи; 3) предикатоцентризм информации, заключенной в модели «С+П»; 4) наличие оценки во всех компонентах текста, аксиологическое единство его частей.

Эти признаки дополняют другие признаки когнитивно-речевого произведения – единство темы, цели, идеи, прагматичность, структурированность и т.д.

Следующий текст по некоторым признакам относится к высокому торжественному стилю, являясь речью президента и имея обращение *Господа!* и оборот *Поздравляю вас со славным десятилетием...* В тексте высмеиваются приемы, способы, масштабы «прихватизации» (коллективного) имущества после развала Советского Союза, что проявляется в контрастировании социалистических и рыночных форм собственности, в противопоставлении прежних и приватизирующих субъектов производства: торжественный стиль текста преобразован в разговорно-публицистический.

Президент:

– *Господа! Поздравляю вас со славным десятилетием со дня проведения народной приватизации и перехода к рыночным отношениям. Ура!*

Кабинет министров, олигархи, дилеры, киллеры, братки, имиджмейкеры, пиарщики, банкиры, телохранители, юродивые:

– У-р-р-а! У-р-р-а! У-р-р-а!

Шут:

– Катастрофы не празднуют! Шутка!

Далее идет сатира и негативная оценка того, что произошло за период «славного десятилетия»: 1) *со дня проведения народной приватизации* (присвоение государственного народного имущества перечисляемыми ниже субъектами, так называемая прихватизация); 2) *со дня... перехода к рыночным отношениям* (ослабление советских законов и контроля за ценообразованием и торговлей); 3) *Ура!* (призыв к захвату и разделу имущества); 4) *кабинет министров, олигархи, дилеры, киллеры, братки, имиджмейкеры, пиарщики, банкиры, телохранители, юродивые* (главные фигуранты прихватизации); 5) *– У-р-р-а! У-р-р-а! У-р-р-а!* (возглас, выражающий ликование прихватизаторов); 6) *шут* (антипод прихватизаторов, «маскарапоз» в глазах прихватизаторов, не понимающий суть рынка и рыночных отношений, человек с советскими взглядами на жизнь); 7) *– Катастрофы не празднуют! Шутка!* (критическая оценка крушения Советской власти и перехода страны к рынку).

Конечно, в тексте под президентом подразумевается личность Б.Н. Ельцина, первого президента Российской Федерации и инициатора развала Советского Союза и приватизации накопленного за многие годы всенародного богатства. В Кыргызстане под словом *Президент* подразумеваются и личности А. Акаева, К. Бакиева, Р. Отунбаевой, А. Атамбаева и С. Жээнбекова. Это говорит о вероятной способности рассматриваемого ментально-речевого образования к широкому переносу.

Данное когнитивно-речевое произведение обладает свойствами, характерными тексту вообще. К ним относятся: 1) общая тема – десятилетие перехода к рыночным отношениям; 2) идея – несправедливость распределения народного богатства в России; 3) цель – осуждение механизмов осуществления приватизации в стране; 4) совмещенность высокого, публицистического и

разговорного стилей изложения; 5) письменное оформление; б) пространственная определенность информации, территориальная ограниченность событий, описываемых в тексте, т.е. территория бывшего СССР; 7) временная ограниченность мероприятий по приватизации госимущества (90-ые годы XX в.); обращенность содержания текста к прошедшему времени; 8) информативность речевого произведения, «сжата» и комплексно представляющего фигурантов приватизации, их характерные действия, а также наблюдателя (оценка) в лице шута; 9) наличие конкретных субъектов – президента, министров... юродивых и шута в ролях адресантов; 10) наличие адресата-реципиента (слушатели слов президента, министров..., шута); 11) единство адресата и адресанта в рамках целеустановки текста; 12) возможность оценки читателем содержания речевого произведения; 13) содержательность текста и подчиненность его частей общей идее и цели; 14) структурированность, взаимосвязанность компонентов и элементов текста; 15) фреймово-сценарное устройство; целостность и полнота строения ментально-речевого произведения; 16) негативное эмоционально-экспрессивное отношение автора текста к процессу приватизации; модальность сообщения; 17) интеграция частей текста и их концентрация под общим углом зрения (ср. перечень фигурантов); 18) контрастность субъектов – президента (инициатора и реализатора приватизации), приватизаторов и наблюдателя (шута); 19) противоположность действий этих субъектов; 20) последовательность, синтагматичность расположения частей речевого произведения; композиционность строения; 21) лексико-грамматическая согласованность структуры текста; 22) парадигматико-синтагматическое (системно-структурное) единство составляющих речевого произведения; 23) динамичность самодвижения текста по направлению «от начала – к концу» и «от простого – к сложному»; 24) самостоятельность, автономность и самодостаточность юмора; 25) комплексность средств передачи юмористической информации; 26) наличие морали – «Приватизация была

преступлением!»; 27) наличие начала и конца, завершенность речевого произведения, отсутствие необходимости в дополнительном пояснении.

Ясно, что некоторые признаки текста сближаются с другими, пересекаются с ними или даже частично дублируют друг друга. Но все вместе выступают в качестве составляющих определения рассматриваемого ментально-речевого образования.

Суть юмора состоит в противоположности и даже в противоречивости отношений президента и приватизаторов, с одной стороны, и, с другой стороны, оценка приватизационных мероприятий названного автором шутком. Шут – положительный персонаж, называет приватизацию госимущества катастрофой для страны и народа. И в то же время, испугавшись ответной реакции субъектов приватизации и смягчив свою оценку, называет ее шуткой. Отношение производного слова *шутка* к непроизводному *шут* составляет мотивационную основу юмора. Стилистическая несовместимость высокопарных слов президента и реально-оценочных слов шута тоже усиливает эффект воздействия речевого произведения на читателя или слушателя.

В противоположность анекдотам «высокого стиля» или с элементами торжественности в разговорно-бытовых анекдотах чаще всего встречаются слова просторечного и даже бранного характера. Например:

- *А я с мужем на рыбалку еду завтра.*
- *О, ты рыбачишь?*
- *Поначалу рыбачила. Потом втянулась, бухаю как все.*

В ментально-речевом произведении два субъекта, которые выступают в ролях говорящего и слушающего. Суть юмора заключена в ответе говорящего, откровение которого является неожиданностью для слушающего. Говорящий рассказывает об общем с мужем увлечении, которое у слушающего вызывает удивление и восторг. Слова *втянулась* и *бухаю* просторечные, в литературном языке не встречаются. Подразумеваемое под выражением *бухаю* действие могло бы быть названо и по-другому. Юмор имеет четкую ментально-дискурсивную структуру.

Иногда речь малолетних детей и непонимание ее взрослыми служат предметом юмористического произведения. В следующем юморе выслушивается несообразительность отца и его непонимание детской речи:

Оставшийся за няньку, молодой отец рассказывает жене, пришедшей с работы:

– Наш Вовочка говорить начинает. Я думаю, он математиком будет. Все время называет число «Пи». Так и лопочет «пи-пи», «пи-пи».

Мать подходит к ребенку, он по ушам мокрый.

– А мне кажется, с таким отцом он водолазом будет.

У маленьких детей свой лексикон. Они начинают лепетать в возрасте около полугода. Сначала он издает короткие слоги, напоминающие *ба-ба, ма-ма, бе-бе, да-да* и т.д. Возникают звукоподражания типа *мау-мау, ав-ав*. Связь этих «слов» с предметным миром и миром действий хорошо знают обычно матери. А в данном тексте речь идет о детском «слове» *пи* со значением «мочиться», которое не было правильно понято отцом ребенка, и принято за математический символ или за первый слог имени математика Пифагора.

В анекдоте высмеивается невнимание некоторых отцов к речи, росту, запросам и потребностям своих детей.

Таким образом, при **типологии юмора по стилистической «вертикали»** во внимание принимается их лексикон – употребление в них слов и выражений высокого, нейтрального и сниженного стилей с соответствующим ментально-речевым содержанием.

При **классификации же юмористических текстов по стилистической «горизонтали»** главное – сфера их отражения, интерпретации и применения. Соответственно различаются разговорно-речевые, литературно-художественные, канцелярские, публицистические, научно-технические, производственные, политические, идеологические, теологические и другие разновидности малых юмористических произведений. Обширную группу составляет юмор на бытовую тему. Не менее популярны юмористические тексты и шутки на темы «Ленин», «Сталин», «Хрущев», «Брежнев»,

«Горбачев», «Акаев», «Бакиев», «Атамбаев», «Жээнбеков» (политика, идеология, власть и т.д.), «Лев Толстой», «Шолохов», «Чингиз Айтматов» (литературное творчество, слава и т.д.), на темы научно-технического и информационного процесса «Энштейн», «Гагарин», «Герешкова» (космос, интернет, компьютер, мобильник и др.). Тематика юмористических произведений, конечно, весьма обширна, многопланова и заслуживает большого внимания. Мы же ограничимся рассмотрением только нескольких анекдотов, выделяемых по стилево-тематическому принципу и содержащих своеобразное когнитивно-речевое строение.

В следующей шутке юмор создается нагромождением канцелярских терминов:

– *Штирлиц, Вы купили для **рейх-канцелярии** **рейх-канцелярские** принадлежности?*

– *Да, **штандарте-фюрер**, я купил **штандартен-циркуль**!*

Повтор выделенных слов подчеркивает ограниченность лексикона чиновников и их дотошность при исполнении своих служебных обязанностей. Именем известного персонажа высмеивается убогость интеллекта и ментальности кабинетных работников.

Данная черта чиновников была предметом оценки, осуждения и высмеивания в другом юмористическом тексте.

В компании, где был и Н.В. Гоголь, рассказали канцелярский анекдот о бедном чиновнике, который был рьяным охотником. Много лет он работал до изнурения, чтобы скопить деньги на покупку ружья. Наконец приобрел желанный предмет. Поплыл на лодке по Финскому заливу за добычей. Драгоценное ружье положил на нос лодки. Пробиваясь по густому тростнику, счастливцев на минутку забыл про ружье. Глянул на нос лодки – ружья нет. Тростник стянул его в воду. Поиски ни к чему не привели.

Убитый горем, чиновник вернулся домой и надолго слег в постель. Товарищи устроили складчину и купили пострадавшему новое ружье. Позже чиновник всегда с ужасом вспоминал о потере ружья...

Компания посмеялась над этим чиновником, а Н.В. Гоголь слушал анекдот в глубокой задумчивости. И вскоре появилась «Шинель» – родоначальница русской художественной литературы о «маленьком человеке»... [262].

Как видим, данный юмористический случай имеет развернутое когнитивно-языковое содержание и может быть охарактеризован как текст средней величины. Он обладает всеми ментально-дискурсивными признаками текста, состоит из трех смысловых объектов, которые представлены в виде абзацев, имеют тему, идею, конкретную цель, вводную и завершающую части, особое фреймово-сценарное строение. Он хорошо структурирован, обладает целостной организованностью, полнотой и взаимосвязью элементов. В нем присутствуют субъекты – бедный чиновник, его товарищи и писатель-сатирик Н.В. Гоголь, автор ряда комических образов и произведений. Имя известного писателя необходимо для мотивации содержания юмора и жизненности описываемого в нем случая.

Приведем и проанализируем один юмористический случай из серии производственно-технических. В нем отражается политизированная языковая ситуация в СССР 30-х годов прошлого столетия, плотно насыщенная «пролетарской» терминологией, совмещаются темы рабочего класса, интеллигенции, производства и техники в программе партии большевиков во главе со Сталиным.

*На совещании хозяйственников 23 июля 1931 года И.В. Сталин в речи «Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства» сформулировал шесть новых условий развития промышленности: 1. Рабочая сила. 2. Зарплата рабочих. 3. Организация труда. 4. **Вопрос о производственно-технической интеллигенции рабочего класса.** 5. **Признаки поворота среди старой производственно-технической интеллигенции.** 6. О хозрасчете [197, с. 51-88].*

Как видим, юмор представлен в форме информации о решении ЦК коммунистической партии большевиков по проблеме улучшения народного хозяйства в стране. Тема, задачи и компоненты текста политически окрашены,

сформулированы в духе политики, экономики и социальной жизни 30-х годов прошлого столетия. Видим, что общество расслоено в духе диктатуры рабочего класса (как называли коммунисты-диктаторы свою власть): рабочая сила, рабочие противопоставлены туеядцам, эксплуататорам, зарплата рабочих – доходу и прибыли капиталистов, организация труда – управлению промышленным производством, производственно-техническая интеллигенция рабочего класса – инженерам и менеджерам эксплуататоров, старая производственно-техническая интеллигенция – новой, хозрасчет – централизованному распределению капитала и материальных благ. Ссылка на собрание сочинений Сталина тоже передает дух того времени, времени господства коммунистов, когда почти все труды по гуманитарным наукам начинались со ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма и на решения пленумов ЦК КПСС и Советского правительства.

Фреймово-сценарная структура юмора, таким образом, основана на контрастировании диктатуры и (современной) демократии, на противопоставлении населения страны по классовому признаку, что в некоторой степени затрагивает и современные контрасты: олигархи – неолигархи, черные в законе – обычные законопослушные граждане, коррупционеры – честные люди, депутаты – недепутаты и т.д. Именно способность переноса содержания анекдота на новые условия и ситуации усиливает его жизненность, эффективность и полезность в регулировании сознания и поведения членов социума.

На таком же контрастировании базируется юмор в другом политико-публицистическом анекдоте под названием «рай», в котором действующее лицо не знает, что живет в раю.

В одной из московских школ учительница спрашивает учеников:

– Где в мире живут самые счастливые дети?

– В Советском Союзе, – отвечают все в один голос.

– Где у детей есть все, чего они хотят?

– В Советском Союзе!

– Где дети растут здоровыми, веселыми и уверенными в своем будущем?

– В Советском Союзе!

Неожиданно учительница прерывает урок, потому что услышала плач.

Плачет одна из девочек, Верочка.

– Почему ты плачешь, Верочка?

– Я хочу жить в Советском Союзе [269].

Данное когнитивно-речевое произведение – среднего объема. Суть юмора заключена в незнании персонажем названия своей страны, в ностальгии по бывшей стране под названием Советский Союз. Создатели и пользователи анекдота явно сочувствуют судьбе страны, ее достоинствам и ценностям.

Рассказ обладает многими свойствами текста как ментально-языкового образования. У него есть определенная тема – рай, идея – забота о детях, цель – демонстрация преимуществ социализма. Текст оформлен письменно и может быть изложен устно. Он имеет диалогическую форму, построен на разговоре двух сторон. В нем есть спрашивающая и отвечающая сторона, адресант и адресат. Их беседа составляет композицию рассказа, обладающего стройной фреймово-сценарной структурой.

Анекдот как текстовое произведение состоит из нескольких частей-фраз, которые взаимосвязаны и взаимно предполагают друг друга и опущение хотя бы одной из них нарушит их полноту и целостность. Части текста организованы последовательно и в органическом единстве.

Время беседы учительницы и учеников относится к советскому периоду истории общества. Поэтому временная ориентация текста является определенной и не связана с прошлым. Пространственные пределы текстового содержания тоже ограничены: диалог происходит в классе советской общеобразовательной школы, а описываемые события – на территории Советского Союза. Следовательно, главным распространителем предикатов текста выступает обстоятельство места *в Советском Союзе*, четырежды использованное в нем.

Предикаты (*живут, есть, хотят, растут здоровыми, веселыми и уверенными*) – ключевые слова первой части текста и выражают позитивное, счастливое состояние жизни детей в стране социализма. Однако вторая часть как бы отрицает этот позитив и передает устами маленькой героини-Верочки отсутствие этого благополучия в реальной жизни.

В тексте имеются субъекты – учительница, ученики и Верочка, которые, общаясь, выступают в ролях спрашивающего и отвечающего, адресата и адресанта, и единство которых составляет ментально-дискурсивное содержание юмора. Только вместе эти субъекты создают эффект комического.

Оценка мнимого благополучия жизни детей и заботы государства о детях осуществлена неявно, имплицитно, в эмоциональном выражении желания главного персонажа: «Я хочу жить в Советском Союзе».

Части текста со своими вопросами и ответами подчинены общей идее, цели и теме. Они вместе и во взаимосвязи образуют когнитивно-семантическую структуру и единый комплекс целого ряда концептов.

В юморе подчеркивается весьма распространенное в свое время славословие в адрес лидера социалистической системы – Советского Союза.

Анекдот самодостаточен, автономно выражает общую идею и смешно представляет ситуацию оценки достоинств страны.

Таким образом, анекдот отражает самые разные жизненные ситуации и факты, становясь предметом различных сфер общения – канцелярской, политической, школьно-воспитательной и т.д.

Юмористические тексты как когнитивно-речевые произведения классифицируются не только по сфере общения. Они могут носить **характер описания, повествования и рассуждения**. В юморе-описании определяются внешнее проявление и признаки людей и предметов действительности (описание внешности человека, описание природы, описание событий и т.д.). В юморе-повествовании на первый план выдвигаются события и порядок их прохождения и осуществления. Он имеет определенную композицию и короткую сюжетную линию. Юмор-рассуждение содержит определения,

разные дефиниции, пояснения, классификации, формулы и т.д. В рассуждении устанавливаются логические связи причины и следствия, части и целого, формы и содержания, качества и количества. Но в отличие от обычных текстов юмористические тексты имеют в своем содержании элементы комического, остроумного сравнения, неординарного сопоставления, неожиданные контрасты, вызывающие смех и релаксацию в сознании реципиента.

В качестве юмора-описания приведем пример, где устами ребенка остроумно и в шутку описывается портрет женщины-матери, воспринимаемый обыденным читателем как анекдот.

Моя мама стройная. Она имеет не очень длинные ноги, но в ступах у нее плоскостопие. Голова у нее немного больше, чем у меня, потому что она очень умная. На лице у нее серо-зеленые глаза, очень тонкие брови и длинные ресницы. А на веках у нее голубые тени. Нос у нее нормальный, но с небольшим горбунком, потому что в детстве она упала на нос с велосипеда. Губы у нее я вижу постоянно разного цвета, она красится помадой с другими оттенками постоянно, смотря что на ней одето: вечернее платье или домашняя одежда, блузка с юбкой для работы и так далее... Еще у мамы ровные белые зубы. У нее не очень длинная шея, я на ней постоянно вижу цепочку с драгоценным камушком. Она широкоплечая, но ей идет. Мама имеет красивые женские руки, на них у мамы всегда покрашены ногти. Она их красит белым или прозрачным лаком. Мне так кажется, что у нас с мамой очень широкие кости и поэтому у мамы большой таз. Ноги у нее ровные, ведь она не ломала их. Я думаю, что мама могла бы стать моделью, но она очень низкая и из-за этого ее туда не возьмут...

P.S. Папа плакал и просил его не описывать [270].

Рассказ, конечно, юмористический, носит описательный характер. В нем много портретных словосочетаний, построенных по модели «прил.+сущ.». Существительное определяется прилагательным и обозначает часть тела: *длинные ноги, серо-зеленые глаза, тонкие брови, длинные ресницы, голубые тени, нос нормальный, ровные белые зубы, длинная шея, красивые женские*

руки, широкие кости, большой таз, ноги ровные; 2) предикативные сочетания: *нос нормальный, покрашены ногти, она широкоплечая, она очень низкая;* 3) более развернутые портретные сочетания: *в ступах у нее плоскостопие, голова у нее немного больше, чем у меня, нос ... с небольшим горбунком, помадой с другими оттенками, красит белым или прозрачным лаком;* 4) *вечернее платье, домашняя одежда, цепочка с драгоценным камушком.* Все эти лексико-синтаксические единицы языка используются для портретной характеристики персонажа и являются презентативами концепта-фрейма. Объект описания – мать рассказчика. Она выглядит некрасивой, вульгарной. Описание построено в юмористическом ключе и с использованием алогичных, гиперболизированных и других выражений, вызывающих у реципиента смех. В юморе и рассказчик, и его отец (конец текста) выглядят смешными и несуразными.

Текст построен на формуле описания. В нем внешность героини представлена как целостное ментально-речевое образование, состоящее из частных и автономных элементов, отсутствие согласованности между которыми составляет основу юмора.

В сборниках юмористических текстов встречаются ментально-речевые произведения, соответствующие требованиям повествовательного жанра. Приведем один текст.

Было дело, взял Наполеон Москву. Засел в Кремле. И сидит. Ждет, когда ему ключи от квартиры, где деньги лежат, принесут. Ждал, ждал...

А тем временем незаконные бандформирования взяли и подожгли столицу.

Император дышал, дышал сладким дымом нашего отечества. Потом выругался французским матом, сказал: “Слава – дым!” и убежал в свои парижи [267].

В анекдоте выстраиваются последовательно осуществляемые действия и события. Это его сценарий. Одно действие вызывает другое, за которым следует третье: 1) взятие Наполеоном Москвы; 2) обоснование в Кремле; 3) Наполеон в ожидании ключей от квартиры; 4) взятие бандформированиями

Москвы; 5) поджог столицы; 6) сладкий дым чужой столицы; 7) французский мат; 8) возвращение в Париж.

Юмористический текст содержит в себе ряд действий, расположенных последовательно, одно за другим. Остроумие анекдота заключено в употреблении современного выражения «незаконные бандформирования» и отнесении его к событиям начала XIX века, в использовании слова *сладкий* в противоположном значении («сладкий» → «едкий, ядовитый, вредный») и в превратном истолковании своего поражения, связывая его не с доблестью русских воинов и мудростью главнокомандующего, а с действием «сладкого» дыма.

Анекдот имеет все признаки текста – тему, цель, композицию, структуру и т.д., явно выраженное начало (*было дело...*) и конец (*убежал в свои парижки*). Просторечно-уничижительное *в парижки* усиливает эффект юмора.

Встречаются анекдоты-рассуждения. Они тоже имеют фреймово-сценарные строения. Приведем анекдот под названием «Логика мужчины и женщины». Он довольно-таки развернутый, входит в состав анекдотов типа «Логика Штирлица», «Логика торговца», «Логика ученого-химика» и т.д., состоит из двух частей, которые едины по строению, сюжету и логике рассуждения. Анекдот можем отнести и к тестам повествования, элементы которых тоже присутствуют. Но наличие рассуждения (*Рассуждаю логически*), выделение предпосылок и формулировка умозаключения составляют основания анекдота.

Тождества и различия двух частей анекдота наглядно можем представить в виде таблицы.

Таблица №1

Логика мужчины и женщины	
Мужская логика	Женская логика
1. <i>Еду в автобусе.</i>	1. <i>Еду в автобусе.</i>
2. <i>Надо передать на билет.</i>	2. <i>Надо передать на билет.</i>
3. <i>Рядом стоит мужчина.</i>	3. <i>Рядом стоит девушка.</i>

4. Как к нему обратиться – на ты или на вы?	4. Как к ней обратиться – на ты или на вы?
5. Рассуждаю логически.	5. Рассуждаю логически.
6. Этот автобус – экспресс.	6. Этот автобус – экспресс.
7. Если мужчина не сошел на предыдущей остановке, значит, он едет в мой микрорайон.	7. Если девушка не сошла на предыдущей остановке, значит, она едет в мой микрорайон.
8. Едет с цветами , значит, к женщине .	8. Едет с бутылкой вина , значит, к мужчине .
9. Цветы красивые , значит, едет к красивой женщине .	9. Бутылка дорогая , значит, едет к красивому мужчине .
10. В нашем микрорайоне две красивые женщины: моя жена и моя любовница .	10. В нашем микрорайоне двое красивых мужчин: мой муж и мой любовник .
11. К моей любовнице он ехать не может, так как я сам еду к ней.	11. К моему любовнику она ехать не может, так как я сама к нему еду.
12. Значит, он едет к моей жене .	12. Значит, она едет к моему мужу .
13. У моей жены два любовника – Петя и Вася .	13. У моего мужа две любовницы – Юля и Катя .
14. Петя сейчас в командировке.	14. Катя сейчас в командировке.
15. Вася , передай на билет!	15. Юля , передай на билет!
16. Мужик (ошеломленно): – Откуда Вы меня знаете?!	16. Девушка (ошеломленно): – Откуда Вы меня знаете? [266]

Как видим, анекдот состоит из двух частей, которые абсолютно тождественны друг другу. Все слова, словосочетания и предложения параллельны и одинаковы по составу. Отличия в них заключены в противопоставлении только отдельных слов: *мужская* (логика) – *женская* (логика), *мужчина* – *женщина*, *он* – *она* (дважды), *к женщине* – *к мужчине* (дважды), *женщины* – *мужчины*, *муж* – *жена*, *любовница* – *любовник*, *к моей жене* – *к моему мужу*, *у моей жены* – *у моего мужа*, *Петя*, *Вася* – *Оля*, *Катя*,

Вася! – Оля!, мужик – девушка. И в то же время в них есть контрасты: *с цветами – с бутылкой вина, цветы красивые – бутылка дорогая*, которые составляют различия текстов в лексическом плане и построены тоже сходно.

Суть остроумия состоит в угадывании личности адресата, его имени и отношения к своей супруге/своему супругу.

Юмористический текст двухчастный. Каждая часть может быть использована автономно как самостоятельное фольклорное произведение. Иногда обе части приводятся одна за другой одним или двумя исполнителями. В тексте преобладают признаки сценария как разновидности концепта.

Анекдот обладает всеми свойствами текста, о которых говорилось выше. Две его параллельные части имеют стройную, логически выстроенную композицию, глубоко мотивированную прагматику, неожиданный для реципиента конец.

Итак, юмор по характеру может быть описательным, повествовательным и основанным на рассуждении.

3.3. Типы юмора по языку изложения

По языку изложения юмористические ментально-речевые произведения бывают разными. Они имеют разные или смешанные способы вербализации, классифицируются на разных основаниях и по разным критериям.

Часто разбивка текстов на типы осуществляется с учетом языка говорящего и языка слушающего. Говорящий рассказывает на одном языке, слушающий понимает его или его не понимает вообще. Участники общения владеют двумя разными языками или несколькими, свободно переходя с одного языка на другой. Нередко встречаются анекдоты, возникшие в результате взаимодействия языков. В их тексте имеют место слова и выражения двух или нескольких языков. Взаимодействие двух языков в сознании общающихся называется интерференцией. Смешение единиц разных языков речи часто проявляется в виде речевых ошибок, стилистических погрешностей, семантических сдвигов и т.д. Иногда речевые устные и письменные ошибки,

отклонения от норм орфоэпии и орфографии и т.д. называют отрицательной интерференцией.

Отметим, что наличие в тексте словосочетания *родной язык* не всегда означает, что в нем противопоставляются родной и неродной языки участников разговора. Например:

– *Какой твой **родной язык**?*

– *Не знаю.*

– *Ну на каком языке ты думаешь?*

– *Я вообще не думаю.*

Комический эффект возник в результате двойного отрицания: в первом случае отвечающий выражает незнание родного языка, во втором – неспособность мыслить. Второе отрицание вызывает смех, потому что усиливает первое отрицание. Данный юмор не относится к тем речевым произведениям, которые содержат противопоставление двух языков – родного и неродного. В тексте высмеивается тупость отвечающего и его интеллектуальная ограниченность. А может быть, в нем говорится о равнодушии собеседника к теме разговора, проявляющего безразличие к вопросу спрашиваемого. В любом случае второй ответ вызывает смех, и анекдот приводится в ситуациях общения, когда человек показывает свою интеллектуально-речевую слабость, пассивность и равнодушие.

Обратимся к узбекскому юмору под названием аския, которая распространена среди кыргызов ограниченно. Ее используют кыргызские населения Узбекистана и жители сопредельных территорий. Приводимая ниже аския основана на двусмысленности выделенной части:

Гайыпжан: «*Пахтада чарм чопон кийиб, у екдан бу екка чопиб юрибмиз **тери шимни** кўр деб*» – ойтипти // Гайыпжан: «*Пахтада чаар чапан кийип, ал жактан бул жакка чаар жүрөсүз **теришими** / **теришимди** // **тери шымды** көр деп*» – айтыптыр // Гайипджан сказал: «*Бегаете туда-сюда в полосатом халате, смотри, мол, как я собираю // смотри, мол, на мои кожаные брюки*». Здесь узбекские омофоны *теришимни* «как я собираю // смотри, на мой сбор» и

тери шимни «кожаные брюки» теряют каламбурные качества и остроумие в переводе на кыргызский язык и особенно на русский. В кыргызском переводе омонимия искажается, в русском языке совершенно исчезает. В узбекском тексте наличие словосочетания *чарм чопон кийиб* «надев полосатый халат/в полосатом халате» служит фоном для ассоциации с кожаными брюками, а наличие слова *пахтада* «на хлопке» – для ассоциации со сбором хлопка. Поэтому омофоны вызывают двусмысленное понимание информации и служат основанием аскии.

Кыргызские слушатели воспринимают ее тройко: 1) однозначно понимают те, которые владеют узбекским языком или живут в Узбекистане и на сопредельных территориях; 2) понимают информацию, содержание текста, но юмор не осознают; 3) не понимают смысла текста, осознают только имя персонажа и его действие. Адекватное восприятие юмора возможно только со стороны носителей узбекского языка.

Рассматриваемый текст обладает рядом ментально-речевых признаков. К ним относятся: 1) наличие темы, предмета и объекта; 2) оформленность текста на узбекском языке; 3) самодостаточность и отдельность содержания; 4) структурированность речевого произведения; 5) наличие прецедентного персонажа; 6) ситуативность текстового содержания; 7) определенность цели юмора – вызвать смех со стороны слушателя при осознанности различий омофонов; 8) взаимосвязанность частей текста: ассоциативная связь омофонов с одеждой и хлопкоуборочной компанией и т.д.

Следует отметить, что недопонимание смысла юмора нередко связывается с наличием иноязычных, инациональных, инокультурных или окказиональных слов, словосочетаний и фраз.

Приведем пример, где требуются пояснения значений ряда иноязычных современных терминов:

– *Вы знаете, что такое **файервол**?*

– *Нет.*

– *А вам известно понятие **криптографического хеш-алгоритма**?*

– Нет, впервые слышу.

– *А вы знакомы с работой динамических IP-адресов?*

– Да, что-то такое слышал...

– *Поздравляю, вы прошли собеседование и приняты на работу в Роскомнадзор!* [260].

Юмор основан на алогизме-беседе: участник беседы не знает ответа на первый вопрос, на второй и на третий, тем не менее он принимается на работу. В нем содержится осуждение кадровой политики чиновников, принимающих за что-то и почему-то непрофессиональные кадры.

В каждом вопросе содержится иноязычные термины и терминосочетания: 1) *файервол*; 2) *криптографические хеш-алгоритмы*; 3) *динамические IP-адреса*. Они не известны претенденту на вакантное место. Тем не менее он принимается на работу.

Юмор имеет ряд ментально-текстовых признаков: 1) тему – прием на работу; 2) форму диалога; 3) цель – собеседование на предмет определения достоинств молодого человека, поступающего на службу; 4) четкую структуру – три вопроса, три ответа и принятие решения; 5) единство адресанта и адресата – спрашивающего и отвечающего; 6) ситуативность, заключающаяся в необходимости приема нового специалиста на работу; 7) наличие вывода – принятие нелогичного решения путем разрешения противоречия между полным непрофессионализмом специалиста и его устройством на должность.

Наличие иноязычных и просторечных слов в русском юморе тоже делает его непонятным для носителей кыргызского языка. В трех подходящих ситуациях в беседе с кыргызами мы привели русскоязычный анекдот:

– *У тебя какая машина?*

– *Лада Приора.*

– *Да ну, фуфло какое!*

– *Ну, черт его знает, тебе из трамвая виднее.*

Текст небольшого объема. В нем есть непонятные для обычного читателя (например, для среднеобразованного кыргыза) наименования: *Лада Приора*

(марка автомобиля), *фуфло* (просторечное слово в значении «ерунда, пустяк, чушь») и *черт* (разговорное в значении «кто»). Лексикон текста свидетельствует об уровне культуры участников разговора. Юмор задевает стиль беседы тех, которые не имеют образования и в каждом удобном случае хотят выделить свое превосходство над собеседником и даже унижить его. Отвечающий называет транспортное средство собеседника словом *фуфло*, а второе лицо соответствующим образом реагирует, подчеркивая отсутствие у того собственного автомобиля и то, что он ездит на общественном транспорте.

Ментально-тестовыми свойствами данного юмора являются: 1) общность темы; 2) предмет разговора – автомобиль; 3) цель – показать уровень простых людей в разговоре о транспортных средствах; 4) наличие двух персонажей – владелец автомобиля и его собеседник; 5) форма изложения – диалог; б) структурированность, четырехкомпонентность: вопрос – ответ – пренебрежительная оценка – соответствующая реакция; 7) наличие морали – призыв к сдержанной, толерантной беседе; 8) завершенность разговора или фрагмента разговора и т.д.

Текст отражает современное состояние общения и включает в себя слова-интернационализмы. Непонимание и неполное понимание их смысла тоже является элементом интерференции, поскольку обнаруживается лакуна в сознании-языке реципиента, слушателя анекдота, проявляющаяся в отсутствии аналога того или иного слова в его речевом мышлении и служащая причиной недопонимания смысла текста.

Явное проявление взаимодействия двух лингвокультур – немецкой и кыргызской – мы обнаруживаем в следующем юмористическом тексте:

Служил один кыргыз в разведротте в годы Второй Мировой. Отправили его группу за "языком". Вот видит кыргыз, стоят два офицера гестапо. Калякают о чем-то, никого не трогают. Кыргыз затаился и выжидает. Тут как раз вовремя один из фрицев отошел куда-то. Может за куревом ушел. Кыргыз время даром терять не стал, подкрался сзади и оглушил гестаповца. Кляп ему в рот и потащил за воротник к лесу. Да только было дотащил, как

тут появился тот, второй вражеский офицер. Кыргыз, тащивший свой трофей, залег. Тот орет на всю округу "Конрад! Конрад!" И вот тогда наш кыргыз так изумленно посмотрел на пленника своего и спросил: "Эй, тууган, Коңурат болсоң, бул жакта эмне кылып жүрөсүң?!" (ээ, родич, если ты из кыргызского рода Коңурат, то что ты здесь делаешь?).

Суть юмора заключается в отождествлении кыргызом немецкого распространенного антропонима *Конрад* с кыргызским словом *коңурат*, именуящим один из родов правого крыла кыргызов. В тексте подчеркивается **простодушие, небдительность и патриархальность сознания** отдельных представителей этноса.

В качестве ментально-текстовых признаков шутки могут быть названы: 1) тема – трофей; 2) предмет, главный персонаж рассказа – кыргыз; 3) цель – продемонстрировать простодушие отдельных кыргызов; 4) наличие сюжетной линии; 5) субъекты – действующие лица: кыргыз-разведчик, два офицера гестапо; 6) взаимоотношение субъектов-персонажей; 7) диалогичность изложения, наличие говорящих и слушающих; 8) структурированность изложения: кыргыз во время ВОВ в роли разведчика – отправка его за «языком» – два немецких офицера – уход одного из них подальше от места события – пленник кыргыза – крик немецкого офицера: «Конрад! Конрад!» – удивление кыргыза и его вопрос о Конраде; 9) противоречие между целью и поведением персонажа, заданием и небдительностью разведчика; 10) условная завершенность рассказа (полное завершение предполагает дальнейшее развитие события) и т.д.

Диалингвальные анекдоты и шутки – не редкость. В нашей картотеке имеется свыше 30 подобных примеров. Приведем еще один текст, где в ткань русскоязычного анекдота вклинены элементы англоязычного речевого этикета и фразы.

Пара из России приезжает на курорт. Заходят в номер, располагаются. Вдруг муж слышит крики жены.

– *Тут мышь! Ааааа! Позвони на ресепшин, объясни ситуацию, ты хоть что-то по-английски знаешь, а я – ноль!*

Муж звонит на ресепшин:

– *Hello!*

– Алло!

– *Hello.*

– Алло.

– *Do you know "Tom and Jerry"?*

– Вы знаете «Том и Джерри»?

– *Yes.*

– Да.

– *Jerry is here.*

– Джерри здесь.

Как видим, в тексте мы встречаем английское слово *ресепшин*, которое известно участникам разговора и написано на кириллице. В нем имеется пять строк на латинице. Один из участников общения вместо того, чтобы сказать дежурному в гостинице «В номере мышь», не зная английского, напоминает название из мультипликационного фильма «Том и Джерри» и реакция дежурного на слова посетителя гостиницы вызывает смех. Юмор заключен в контаминации нарицательного и собственного названий животных, в постановке вместо нарицательного существительного имени персонажа мультипликационного фильма. Английское название мыши отсутствует в когнитивно-вербальном сознании носителя русского языка, образуя лакуну, и поэтому вместо него неуместно вставляется им имя персонажа мультипликационной сказки.

Данный текст среднего объема и обладает всеми свойствами когнитивно-речевого произведения: 1) тему; 2) предмет испуга; 3) адресанта и адресата; их взаимодействие и общение; 4) ситуацию и причину для разговора; мотивированность текстового содержания; 5) диалогическую форму; 6) билингвальное изложение в виде перехода с одного языка (родного) к другому; двухчастность языка рассказа: а) русский язык; б) английский язык; 7) завершенность текста, наличие подытоживающей фразы и т.д. В тексте комбинация средств двух языков является его главной особенностью.

В мини-тексте:

– *Do you speak English?* [Вы знаете по-английски?]

– *Дую-дую, но мало...* две строки: первая на английском, вторая на русском.

Юмор имеет простое ментальное строение и все главные особенности текста: тему – английский язык, цель – выяснить знание собеседником английского языка, диалогическую форму, дифференцируемые вопрошаемое и отвечающее лица, ситуацию и мотивацию разговора, законченность информации и другие. Юмор основан на контаминации английского местоимения 2 лица *you* [йу] и русского суффикса и окончания *-ю* [-й+у], где *-й* является частью основы, а *-у* – личным окончанием глагола 1 л. ед.ч. в значении «я». Семантическая дифференциация или даже противопоставление [йу] – [йу] одинаково звучащих двух языковых единиц из-за незнания языка служит основой для юмора:

Кроме того, созвучны и препозитивные этим [йу] слоги, с которых начинаются обе строки – вопрос и ответ.

Юмор имеет ряд ментально-текстовых признаков: 1) тему – разговор о знании английского языка; 2) прагматику, заключающегося в наличии адресанта, адресата и предмета; 3) цели участников разговора: а) выяснить знание собеседником этого языка, б) выразить свой уровень владения языком; 4) диалогическую форму; 5) единство предмета и участников общения в ролях говорящих, точнее – спрашиваемого и отвечающего; 6) двучастность и двуязычность диалога: первая строка (вопрос) – на английском, вторая (ответ) – на русском; 7) взаимосвязь частей диалога; 8) завершенность разговора в юмористическом ключе, в каламбурной форме и другие.

Интерференция названий произведенной продукции и языка ее производителей также относится к «языковым» юмористическим произведениям. Например:

Дукөндө:

– *Мага быштак бериңизчи!*

– *Кандайынан – голландскийби, итальянскийби, российскийби?*

– *Боло берет кандайы болсо да, мен быштак менен сүйлөшмөк белем.*

Данный анекдот возник на кыргызской почве и переводится на русский язык следующим образом:

В магазине:

– *Дайте мне сыра!*

– *Какого – голландского, итальянского, российского?*

– *Любой из них пойдет: я ведь не буду разговаривать с сыром.*

В кыргызском тексте употреблены русские относительные прилагательные, выражающие значения «произведенный в Голландии», «произведенный в Италии», «произведенный в России», которые приобретают и дополнительные смыслы «с этикеткой на голландском языке», «с этикеткой на итальянском языке», «с этикеткой на русском языке». Отвечающий как бы смешивает эти два значения и признает примат второго дополнительного значения над основным. В результате разговор получает смешную концовку. Различие двух значений и нелепое доминирование необычного значения над главным ставят отвечающего в неловкое положение в глазах того, кто воспринимает текст и его содержание.

Известно, что русские относительные прилагательные с суффиксом *-ск-* и окончаний *-ий* нередко встречается в кыргызскоязычном юморе с русскими «вкраплениями».

В качестве примера приведем популярную среди молодежи шуточную песню Азамата Исмаилова «*Келин келгенский / Невестка пришла*». Текст оставляет желать лучшего в содержательно-семантическом, логическом и художественно-поэтическом планах. Тем не менее, песня получила распространение в молодежной среде и более 5 лет не сходила с экрана некоторых каналов республиканского телевидения, часто передавалась по заявкам молодых телезрителей.

Кратко прокомментируем содержание текста этой шуточной песни с точки зрения темы нашей работы.

<p><i>Келин келди, ак жоолук салынып</i> <i>Өзүнчө эле ничешка, макияж</i> <i>жасанып</i> <i>Той деген сонун, баардыгы ништяк</i> <i>Эртеден кечке жыргашат эки жаш.</i> Кайырма <i>Келин келгенский, чайдан куйганский,</i> <i>Кайын-эне, кайын-ата жыргаганский.</i> <i>Келин келгенский, үйдө отурганский,</i> <i>Күйөөсүн аябай семиртип бакканский.</i> <i>Алыстан кычырап келет, кудалар</i> <i>тарап</i> <i>Бири-бирин алар сынап карап:</i> <i>«Эй, келин-келин, бизге чайдан бер...»</i> Кайырма <i>Келин келгенский, чайдан куйганский,</i> <i>Кайын-эне, кайын-ата жыргаганский.</i> <i>Келин келгенский, үйдө отурганский,</i> <i>Күйөөсүн аябай семиртип бакканский.</i></p>	<p><i>Пришла невестка в белом платке,</i> <i>Такая вся из себя в макияже,</i> <i>Свадьба – это весело, все прекрасно</i> <i>С утра до вечера веселятся</i> <i>молодые.</i> Припев <i>Невестка пришла, чай налила</i> <i>Свекровь со свекром этому рады.</i> <i>Невестка пришла, дома сидит</i> <i>И мужа очень откормила.</i> <i>Издалека приедут нарядные,</i> <i>Сваты смотрят друг на друга</i> <i>оценивающе:</i> <i>«Эй, невестка, наливай-ка чаю...»</i> Припев <i>Невестка пришла, чай налила</i> <i>Свекровь со свекром этому рады.</i> <i>Невестка пришла, дома сидит</i> <i>И мужа очень откормила.</i></p>
---	---

Как видим, текст обладает небольшой информационной и содержательной ценностью. В нем есть русские просторечные слова *ничешка*, *ништяк* и косметологический термин *макияж*. Припев состоит из четырех строк и используется повторно. Все строки припева заканчиваются русским двойным аффиксом *-ский* (суффикс+окончание), который присоединяется к глагольному аффиксу *-ган*, *-кан*, являющемуся признаком прошедшего времени. Рифма припева, следовательно, состоит из четырех строк с одинаковой завершающей частью:

...куйгáнский

...жыргага́нский

...отурга́нский

...бакка́нский

Эта часть припева имеет разную ритмику: первое и четвертое слова состоят из трех слогов, второе и третье – из четырех. Ударение падает на аффиксы глагола прошедшего времени. Кроме того, первая и третья строки начинаются с двуязычных предложений: *Келин келгенский* «Невестка пришла/явилась». Здесь отсутствует согласование. По требованию русской лингвокультуры предложение должно было иметь форму: *Келин келгенская*, поскольку слово *келин* «невеста» – существительное женского рода. А кыргыз вольно употребляет произведенное им самим слово-«прилагательное». Аффикс *-ский* с точки зрения логики языка совершенно излишен. Он присутствует для колорита и создания юмора и не имеет смысловой нагрузки. Производитель речи как бы представляет себя европеизированным, знающим русский язык и оригинальным в выражении действий невестки, нарочито нарушая нормы родного языка. Просторечные русские слова (*ничешка, ништяк*) тоже усиливает эффект шутки и свободного мыслеформления.

Необходимо отметить, что аффикс *-ский* часто встречается в шутках по поводу речи русскоязычных кыргызов, демобилизованных из армии (при СССР) советских граждан, мигрантов и т.д.

Стихотворение стало популярным не только наличием русского аффикса *-ский* и соответствующих повторов, намека на его употребительность в разговорном дискурсе, но и тем, что получило весьма оригинальное ритмичное оформление, которое было воодушевленно воспринято кыргызской молодежью и некоторыми носителями русского языка.

Стихотворное произведение является поэтическим текстом, обладающим рядом ментально-языковых признаков, которые и определяют его сущность. Текст в ткани песни и песня в ткани стихов – дихотомическое, взаимодополняющее свойство произведения. В отличие от предыдущих юмористических «оборотов», данный текст совмещает письменную форму с

устной, представляя собой гармоничное единство всех видов речи – письменной и устной, произносимой и аудируемой, записываемой и читаемой.

Стихотворение-песня имеет ряд когнитивно-текстовых признаков. К ним относятся: 1) наличие темы – прибытие невестки; 2) цель – воспевание изменений в семье в связи с появлением нового члена; 3) предмет – невестка; 4) заголовок – «Келин келгенский»; 5) стиль – разговорно-поэтический, подстиль – шуточный; 6) письменно-устное воплощение; 7) содержательность и информативность речевого произведения; 8) наличие адресанта; присутствие «духа» и видения автора и певца; желание адресанта привлечь внимание реципиентов и быть популярным; 9) наличие адресата; предназначенность стихотворения-песни; 10) учет потребностей и запросов слушателя и адресата, т.е. получателя информации; 11) стремление к совмещению интересов адресата и адресанта; единство устремлений отправителя и получателя информации; 12) наличие общего информативного, эмоционального (коннотативного) и актуального фона (контекста); 13) возможность оценки реципиентом, т.е. читателем и слушателем, содержательности, информативности, логичности, избыточности, эмотивности, поэтичности и других сторон речевого произведения; 14) конструктивно-композиционное единство частей текста; 15) структурированность и наличие припева и повторов; 16) взаимосвязь и полнота частей стихотворного текста; 17) соединение и интеграция компонентов; 18) целостность частей текста; 19) единство лексики, грамматики, поэтики, просодики (интонации, ритмики и т.д.) и структуры; 20) наличие парадигматико-синтагматического единства содержания; 21) автономность и самостоятельность произведения-песни; 22) наличие начала и конца, обрамляющих когнитивно-речевое произведение; 23) последовательность расположения частей по правилу «от начала – к концу», «от части – к целому»; 24) полнота содержания как совокупности признаков и знаков языка.

Признаки текста близки друг к другу, тем не менее, все они вместе образуют общий корпус свойств рассматриваемого речевого произведения. При определении свойств текста мы руководствовались положениями и выводами,

содержащимися в трудах известных теоретиков текстологии (Е. Косериу (1963), М. Хэллидей (1979), К. Гаузенблас (1988), И.Р. Гальперин (1981), В.И. Кодухов (2013), Л.М. Лосева (1980), С. Омуралиева (2002), С.Дж. Мусаев (2010), Т.С. Маразыков (2005), К.З. Зулпукаров (2005), С.К. Эшманова (2017), Г.А. Мадмарова (2014) и др.) [81, с. 669-671] См § 1.3, 2.1.

Иногда буквальный перевод отдельных слов с другого языка на родной может вызвать комический эффект.

*Парень приехал учиться в город из далекого села. Ему понравилась русская девушка, но как с ней объясниться он не знал. Пошел в библиотеку, взял словарь, перевел дословно несколько выражений: Мен сени **жакшы көрөм** (я тебя люблю), сенден **айланайын** (ласкательное выражение в значении «милая»), сен мага **тийсең, мен сени алам** (если пойдешь за меня, я возьму тебя в жены) и подходит с бумажкой к девушке, говорит ей: **Я тебя хорошо вижу! Чтобы я крутился вокруг тебя! Если ты меня потрогаешь, я тебя возьму!***

Здесь выделены слова: *жакшы көрөм* «люблю» (*жакшы* «хорошо, прекрасно»), *көр-* «видеть», *-ө* деепричастный аффикс настоящее-будущего времени, *-м* «я», т.е. аффикс 1 л. ед.ч., *айланайын* («моя любимая», букв. «чтобы я кружился»); в казах. яз. *айналайын*, где отмечается наличие перестановки звуков: *лан – нал*. В тюркских языках конечное *-ң / -н* содержит значение «ты, вы»: ср. башк. *бара -ң* «ты идешь» при *бара -м* «я иду» [247, с. 76-77], кырг. диал. *бары -ң* «идите вы» при *бар -сын* «пусть идет он/она» *бала -ң* «твой ребенок» при *бала -м* «мой ребенок».

Таким образом, этимология кыргызского ласкательного слова *айланайын* сама по себе свидетельствует о том, что оно является сложным по происхождению и совмещает в своей семантике конкретные значения своих составляющих. А буквальный перевод значения слова в виде «Чтобы я кружился (вокруг тебя)» не мотивирует его употребления. Перевод условной словоформы *тийсең* в виде «если ты потрогаешь» понятен только тем, которые обладают кыргызско-русским или русско-кыргызским двуязычием и

воспринимает его как шутку. А с точки зрения русского языкового мышления русская, завершающая часть юмора вызовет только смех: она оправдана с позиции кыргызского языка и алогична с позиции другого языка. Потому что сема «хорошо вижу» не тождественна семе «люблю»; сема «чтобы я крутился (вокруг тебя)» – семе «милая», сема «ты (меня) потрогаешь» – семе «пойдешь за меня, выйдешь за меня замуж». Кыргыз-участник общения идентифицирует нетождественные значения лексем двух языков, руководствуясь материалами лексикографического издания, отражающие данные только стандартного языка.

Основу юмора составляет несоответствие семантического объема лексем и фразеологизмов разговорной речи.

Данное ментально-речевое произведение характеризуется некоторыми свойствами текста. К ним относятся: 1) наличие темы – любовь; 2) предмет разговора – парень из деревни и русская городская девушка; 3) цель рассказа – продемонстрировать семантическое несоответствие слов русского и кыргызского языков; 4) стиль – разговорный; 5) письменно-устное воплощение; 6) информативность и содержательность речевого произведения; 7) наличие адресанта – парня из аила; 8) наличие адресата – девушки из города; 9) взаимоотношение адресанта и адресата как субъектов рассказа; 10) активность первого субъекта и пассивность второго субъекта; 11) стремление адресанта к совмещению своего интереса с интересом адресата; 12) наличие особого информативного, эмоционального и актуального контекста; 13) возможность оценки реципиентом содержания рассказа; 14) конструктивно-композиционное единство частей текста; 15) взаимосвязь и полнота частей микрорассказа; 16) целостность компонентов текста; 17) автосемантичность речевого произведения; 18) наличие начала и отсутствие завершающей части (рассказ заканчивается только переводом кыргызских фраз на русский язык) и др.

Эти свойства текста определяют его как организованную информационную структуру, имеющую в своем составе элементы комического. Юмористический

смысл текста понимается однозначно только носителями кыргызско-русского двуязычия. Монолингвам недоступен юмор данного речевого произведения.

3.4. Анекдот как особый ментально-языковой тип текста

Анекдот – особая разновидность текста. Он обладает некоторыми особенностями, отличающими его от всех прочих текстов, идеален в некотором смысле. Его идеальность состоит в легкой воспроизводимости и воспринимаемости, поэтому не требует больших усилий от воспроизводителя и реципиента, говорящего и слушающего для планирования и осуществления сообщения. Кроме того, он имеет свойство действенности, целенаправленности и ситуативной обусловленности, требуя произнесения в нужный момент и время.

Своеобразие текста анекдота заключается в жизненной мотивированности и прагматичности (что предполагает готовность говорящего произнести текст и слушающего понять его содержание), в уместности его произнесения в некоторой ситуации, в некотором пространстве и времени.

Анекдот, будучи коротким связным текстом, обладает свойством лексико-грамматической организованности, смысловой и композиционно-структурной целостности, которой содержит обманутое ожидание и служит для целей рассмешить слушающего. Он должен быть понятным для слушателя, соответствовать его мыслительно-речевым потребностям и запросам. Персонажи анекдота, его идеи и цели не должны вступать в противоречие с интересами аудитории, адресата. Язык анекдота тоже играет первостепенную роль при его рассказывании и восприятии.

Анекдот имеет особый метатекст. Он обычно вводится в речь с помощью фраз типа: 1) *Слышал анекдот о...? / ...жөнүндө анекдот уктуң беле?;* 2) *Кстати, знаете анекдот...? / ...анекдотту билесизби?;* 3) *Давай / давайте расскажу анекдот... / ...анекдот айтып берейин/берейинчи;* 4) *А вот еще анекдот на эту тему... / бул темада дагы бир анекдот бар...* и т.д. Такие фразы вводят анекдот в процесс общения, но не являются элементами текста.

Собственно текст анекдота обнаруживает два языковых слоя. В нем можно различать 1) «текст повествователя», «слова от автора»; 2) речь персонажей анекдота.

Первый слой характеризует состояние говорящего, его отношение к предмету сообщения и имеет целью воздействовать на слушателей.

Второй слой выполняет характерологическую функцию и отражает особенности речи персонажей (анекдоты о Сталине, Ельцине, Чапаеве, чукчах, узбеках, грузинах и т.д.).

Текст повествователя имеет ряд особенностей. В русских анекдотах исключительно используется настоящее время или (редко) прошедшее время совершенного вида с результативным значением: *А. Приходят ходоки к Ленину...; Летят в самолете Ельцин и Кучма...; Встречаются два компьютерщика...; Встречаются два еврея...; Уходит танкист на дембель...; Идут хохлы по дороге...; Приходит Дзержинский к Ленину...; Сидит негр в киевском метро...; Идет передача “Спокойной ночи, малыши”...; Встречаются два чукчи в лесу...; Идут рядом две демонстрации...; Идет Иван в лесу, видит: избушка на курьих ножках...; Сидит Штирлиц с компьютером, читает электронную почту...; Проходит очередная встреча президента с народом...; Б. Поймал хохол зайца...; Умер Слободан Милошевич...; Пришел Абрам к дантисту...; Поехал мужик в Париж на экскурсию...*

Такие «зачины» свойственны только анекдотам и не встречаются в текстах иных типов.

В кыргызских анекдотах встречаются «слова от автора»: *Эки еврей жолугуп калыптыр...; Токойдо эки чукча жолугуп калат экен/калыптыр/калат...; Путин менен Атамбаев бир самолетто учуп калыптыр...; Түрмөгө өзүбек менен кыргыз түшүп калыптыр/калат/калат экен... и т.д.*

В них преобладают формы прошедшего времени. Во всех случаях мы имеем дело с аналитическим сказуемым, состоящим из деепричастия с суффиксом *-n/-ын/-ин/-ун/-үн* со значением завершенности действия и форм

вспомогательного глагола *кал-* «остаться» в формах *-п-тыр/-тир,-тур, -түр//ып-тыр/-ип-тир/-уптур/-үптур* со значением неожиданного прошедшего времени или в форме настояще-будущего времени *калат/калышат* (ед./мн.ч.). Во втором случае значение прошедшего времени заключается в аффиксе деепричастия основного глагола.

Речь персонажей – главное в анекдоте. Персонажи бывают главными и второстепенными. Последних мы называем еще вспомогательными. Они никогда не фигурируют в анекдотах в качестве самостоятельных действующих лиц. В анекдоте все роли исполняются рассказчиком. Речь персонажа имитируется им. Разговор и взаимодействие персонажей составляют прагматику анекдота.

Персонажи занимают особое место в структуре анекдота, состоящей из начала и конца. Несоответствие начала и конца является сутью анекдота. Обманутое ожидание вызывает эффект комического.

Будучи особым жанром устной речи, текст анекдота имеет жесткую структуру: «определенным образом заданное, часто стереотипное начало, ограниченный набор персонажей, которые характеризуются определенными языковыми масками и клишированными деталями одежды, аксессуарами и пр., и, наконец, получаемый по определенным правилам и тем не менее неожиданный конец. Суть анекдота остается в подтексте, это то, что составляет соль анекдота. Внутри жесткой схемы анекдота – неисчерпаемое разнообразие текстов. Сами отступления от жесткой схемы текста анекдота тоже создают комический эффект» [244, с. 94].

Таким образом, анекдот обладает всеми свойствами текста. Некоторые из этих признаков являются характерными и типичными для анекдотов, другие – для текстов любого типа.

Мы выше, в связи с анализом текстовых свойств анекдота, выделено и охарактеризовано 27 признаков текста как когнитивно-речевого произведения. Но это максимальное число, которое характерно для отдельных видов анекдота. Обычно же анекдот может быть охарактеризован 7-9 типичными признаками.

Обязательными чертами анекдота являются наличие темы, идеи, цели, начала и конца (завершенность), структурированность, взаимосвязь частей и т.д.

3.5. Юмор в ткани произведений литературы и искусства

Юмор фиксируется и воспроизводится в устном народном творчестве в самых разных формах: сказках, прибаутках, частушках, пословицах и других афористических средствах. От поколения к поколению передаются смешные были и небылицы на деревенских сборищах, посиделках, в частных беседах и т.д. После изобретения письменности основным источником распространения информации, в том числе юмористического содержания, стала печатная литература: басни, пьесы, повести, романы. Другим способом хранения и передачи информации развлекательного характера являются театрализованные представления и кинофильмы, когда смешные роли и действия, изложенные в сценарии, исполняются актерами. Основным жанром в этом виде искусства служит *комедия*, имеющая несколько форм – водевиль, интермедия, оперетта, фарс и разделяющаяся по источнику сценария на комедию ситуаций и комедию нравов. Среди жанров художественного творчества, в которых содержится юмор, важное место занимают басни, кинокомедии, эстрадные представления (КВН, Comedy Club/Комеди клуб, Тамашоу и др.), юмористические журналы «Ералаш», «Гаалимтай», карикатуры (сатирические и смешные изображения жизненных ситуаций), мем (единица культурной информации) или эдвайсы (графические изображения в виде комиксов, плакатов, картинок) и т.д.

Юмор и сатира широко представлены в басенном творчестве древнегреческого мыслителя Эзопа (VI в. до н.э.). По его биографии в России создан фильм «Эзоп», главный персонаж которого в споре с другим аристократом проигрывает и должен выпить море. Эзоп остроумно замечает, что его хозяин не оказался бы в проигрыше, если бы поставил условие перекрыть все реки, впадающие в море.

В XIX веке французский баснописец Жан де Лафонтен в своих произведениях остроумно стал сопоставлять пороки людей и инстинкты

животных. Например, в басне «Мор зверей» дикие хищники исповедуются в грехах, чтобы принести в жертву наиболее виновного, каковым избирают осла за кражу пучка травы. В басне в аллегорическом виде высмеивается звериная сущность одних и глупость других. В произведении «Буриданов осел» персонаж мечется от одной кучи сена к другой и никак не может выбрать какую-то одну из них. Здесь в комедийной форме показана нерешительность людей к определенным действиям [50, с. 74].

Особой значимостью для юморологии обладает басенное творчество И.А. Крылова. Его произведения хорошо известны не только носителям русской лингвокультуры. Они переведены на многие языки мира, в том числе и на кыргызский. Басни Крылова в том или ином аспекте проникнуты чувством юмора и поэтому их хорошо знают читатели. Например, в басне «Стрекоза и муравей» не просто описывается праздность одной героини и трудолюбие другого персонажа, но и высмеиваются подобные пороки у людей. В басне «Ворона и лисица» подчеркивается мораль: «уж сколько раз твердили миру, что лесть вредна», однако она находит путь к тем, кто не может устоять перед соблазном незаслуженного восхваления. В стихотворении «Лебедь, рак и щука» очень наглядно изображен комизм несогласованности действий у совершенно разных по интересам героев. Известными словами «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок» можно подвести нравоучительный эпилог всему творчеству сочинителей басен.

Глубоко жизненно мотивированный юмор мы встречаем в комедиях «Недоросль» Д.И. Фонвизина, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, а также в произведениях Н.В. Гоголя «Ревизор», «Мертвые души», «Нос», «Шинель» и др., в произведениях зарубежных писателей – «Вождь краснокожих» О'Генри, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена и др.

Правда, термин *комедия*, слова *смех*, *смеяться* не всегда являются номинантами юмора. Иногда они употребляются для передачи длительного душевного смятения («Божественная комедия» Данте Алигьери) или трагедии потомка лорда Линнея Кленчарли, изуродованного компрачикосами для

уличных представлений («Человек, который смеется» Виктора Мари Гюго). Это говорит о том, что соответствующие слова употреблены в переносном значении.

Юмор имеет широкую сферу применения и встречается также в ткани кинокомедии. За всю историю кинопроизводства насчитывается целая «армия» выдающихся представителей комедийного жанра в разных странах и на различных континентах. Одним из наиболее известных представителей является Чарльз Спенсер (Чарли) Чаплин. Он активно использовал приемы буффонады (шутовство, паясничанье) и пантомимы (мимическое представление, обычно сопровождаемое музыкой). В первую очередь это относится к странам Европы – Англии, Италии, Советского Союза, Франции. Европейский зритель мало знаком с исполнителями комедийных ролей в кино из азиатских государств. Наиболее яркое исключение составляют признанный комик индийского кино Радж Капур и голливудский актер Джеки Чан в многочисленных кинокомедиях китайского производства [50, с. 88].

Целую серию классических фильмов в комедийном жанре создали режиссеры Эльдар Рязанов и Леонид Гайдай. Великими исполнителями комедийных ролей в советском искусстве были А. Райкин, А. Демьяненко, Г. Визин, Ю. Никулин, Л. Моргунов, И. Ильинский, Л. Гурченко, Ю. Белов, С. Филиппов и др.

К комедийному жанру киноискусства с воспитательным назначением относится сериал под общим названием «Ералаш», юмористический сборник фильмов, который учат детей светлому и доброму, ведь его главными героями являются дети разных возрастов – от малышек до старшеклассников.

3.6. О трансформации юмористического текста как когнитивно-речевого произведения

Концепт «Юмор» динамичен, видоизменяется, а его репрезентативы подвергаются трансформации в различных ситуациях. Трансформирование свойственно и самому распространенному жанру юмора – анекдоту.

Одна и та же история может рассказываться и в качестве анекдота, и в качестве шутки, и в качестве «истории из жизни». При этом текст модифицируется в соответствии с требованиями жанра.

Приведем пример того, как анекдот адаптируется к требованию «случая из жизни»:

1. *Знаете анекдот? Мать спрашивает сына: «Почему ты с утра выпиваешь стакан водки, а не пьешь кофе с булочкой?». Сын отвечает: «Мама, ну кто же натошак осилит кофе с булочкой?!».*

Заключительная часть является «солью» анекдота. При разных видоизменениях она так или иначе сохраняется и в силу неожиданности вывода для адресата и читателей вызывает смех.

Один мой товарищ из Ташкента рассказывал мне, что рядом с ним на окраине жила такая еврейская семья – в общем, ее Бабель должен был бы описывать. Отец – огромный, как ломовой извозчик, мужик, и три сына, таких же огромных. Они работали на мясной фабрике. Жили по очень жесткому расписанию: вставали в 4 утра, выпивали по стакану водки и шли на забой скота. Один из его сыновей женился, и маленькая жена, обожавшая своего мужа, из такой интеллигентной семьи, однажды спросила – даже не мужа, его она побоялась спросить, нравы были очень патриархальные – она спросила у своей свекрови: «Мама, а почему Боря с утра выпивает стакан водки, а не чашку кофе с булочкой?». Мать очень обрадовалась, ей это просто не приходило в голову, и сказала: «Борух, а чего ты, действительно, как я не знаю кто, с утра пьешь стакан водки, а не выпиваешь кофе с булочкой?!». Сын ей ответил: «Мама, ну кто же натошак осилит кофе с булочкой?!» [262].

Второй вариант более развернутый и обстоятельный, содержит много дополнительной информации, но имеет такой же конец, как в анекдоте. Перед нами два жанра юмора – анекдот и «история из жизни».

Приведем еще две версии одного анекдота, точнее – анекдот в двух вариантах. Тема анекдота – унитаз. Второй вариант обстоятелен. Персонажи имеют национальную принадлежность. Муж, жена и хозяйка унитаза в первом

варианте нарицательны, их имена не называются. Второй вариант конкретизирован и представлен собственными именами: Абрам (муж), Сара (жена) и Изя (хозяин унитаза).

<p><i>Муж, вернувшись домой из гостей, рассказывает, что в доме, в котором он был, унитаз из золота. Жена идет туда, чтобы посмотреть на такое чудо, а хозяева говорят:</i></p> <p><i>– Это жена того идиота, который нам нагадил в саксофон.</i></p>	<p><i>Абрам приходит домой поздно и говорит жене:</i></p> <p><i>– Сара, я не могу спать, я не могу есть, я не могу жить, я сегодня был у Изя... я не могу жить, у Изя золотой унитаз!</i></p> <p><i>И говорит так ей всю ночь. Наутро Сара не выдерживает и идет к Изе. Дверь открывает жена Изя. Сара говорит:</i></p> <p><i>– Простите, но мне мой муж сказал, что у вас таки совершенно золотой унитаз, он не может жить, я тоже не могу жить, наши дети не могут жить уже давно, жить в этой стране вообще невозможно, у вас есть золотой унитаз или что вы тут мне говорите, можно я на него таки погляжу?</i></p> <p><i>Жена Изя оборачивается и кричит вглубь квартиры:</i></p> <p><i>– Изя, иди скорее сюда, это пришла жена того идиота, который тебе вчера наделал в саксофон!</i></p> <p>[257].</p>
---	--

Оба варианта имеют общую тему, идею, строение, состав персонажей, общую прагматику, близкое начало и общий конец. Эффект от рассказов примерно одинаков.

Нередко обычные прецедентные выражения, употребляясь ситуативно и в переносном значении, приобретают юмористический смысл. В кыргызской лингвокультуре есть пословица: *Бирөөнүн катыны бирөөгө кыз көрүнөт* «Чужая жена кажется кому-то девушкой». В различных жизненных ситуациях, преобразуясь и меняя состав ключевых слов, она становится причиной для смеха: 1) *Бирөөнүн аты бирөөгө күлүк көрүнөт* «Чужой конь кажется

скакуном»; 2) *Бирөөнүн кабинети бирөөгө кең көрүнөт* «Чужой кабинет кажется широким»; 3) *Бирөөнүн акчасы бирөөгө көп көрүнөт* «Чужие деньги кажутся несчетными» и т.д.

Таким образом, при различных преобразованиях репрезентантов юмористического концепта, их тема, целеустановка, структура, композиция, ментально-языковое содержание в целом сохраняются.

3.7. Функции комического в общении

Представить жизнь человека без юмора невозможно. Шутки, анекдоты, каламбуры и другие составляют содержание юмора и сопровождают каждого человека с самого детства. В настоящее время большой популярностью среди зрителей пользуются комедийные спектакли, передачи, сериалы, фильмы и забавные ролики (вайны) в сети Интернет. Все это объясняется тем, что юмор играет особую роль как в жизни отдельного человека, так и в жизни общества в целом, и тем, что он является важной составляющей менталитета современных людей и выполняет в жизни общества много социально значимых функций.

Юмор есть многофункциональное когнитивно-речевое произведение. Кратко охарактеризуем его основные назначения в обществе.

Коммуникативная или контактоустанавливающая функция. Место юмора в коммуникации значительно. Юмор является эффективным средством для установления и поддержания контакта между членами общества, как между малознакомыми людьми, так и между отдельным человеком и группой людей. Рассуждая о коммуникативной функции, А.А. Сычев в одной из своих работ обращает внимание на то, что «наличие чувства юмора и умение смеяться вместе со всеми, тем более над своими ошибками – одно из важных условий вхождения в большинство социальных групп» [205, с. 97]. Поэтому именно из соображений установления контакта с публикой многие ораторы начинают свое выступление с шутки. Такой прием помогает не только привлечь внимание слушателей, но и расположить их к себе (то, что Ю.Г. Тамберг назвал в своей книге «аттракцией») [210, с. 38].

Функция идентификации. Юмор объединяет людей, способствует сплочению членов общества, осознанию лингвоэтноментальной тождественности или близости людей. Идентифицирующую функцию как одну из важнейших в юморе выделяют некоторые ученые (А.В. Дмитриев, М.В. Воробьева, А. Зиф и Дж. Майер и др.), А.В. Дмитриев, в частности, пишет, что «юмор служит важным средством осознания принадлежности к определенной группе» [66, с. 176] и в дальнейшем развивает эту мысль рассуждениями о том, что в пределах определенной группы шутки и остроты не только помогают сплотить ее, но и сами по себе уже являются признаком ее сплоченности.

Функция дифференциации. Юмор может не только объединять членов группы, но и отделять (дифференцировать) одну группу от другой, подчеркивая ее специфику. Очевидно, что студенческий юмор отличается от юмора военных или врачей, а юмор итальянцев от юмора эстонцев или немцев. По этому поводу А.А. Сычев справедливо замечает: «Специфический китайский или японский юмор не всегда будет понятен европейцу; компьютерный юмор не будет интересен крестьянину и т.д. Известно, что некоторые шутки принципиально непереводимы с одного социокультурного кода на другой, поскольку они предполагают «предпонимание», целостное осознание традиций, обычаев, ценностей той или иной общности. Более того, даже глубокие знания норм и тонкостей, вовлеченных в смысловую сферу смешного, не обязательно отразятся в смехе: необходима также эмоциональная вовлеченность в группу и интерес к предмету юмора» [206, с. 98].

Критикующая или санкционирующая функция. Критикующая функция юмора считается одной из центральных, начиная еще с античных времен. Уже тогда с помощью сатиры и комедии авторы обличали и критиковали общественные пороки. Эта традиция существует до сих пор, поскольку и сегодня, пожалуй, ни одна юмористическая передача не обходится без критики либо простых человеческих слабостей, либо высказываний или действий знаменитых людей или политиков, либо бездумных действий религиозных фанатов или ошибок правительств.

Регулирующая функция. Юмор порой помогает в некоторой степени «управлять» общением. Прибегнув к шутке, можно поменять тему разговора, его тон и даже продолжительность. При помощи юмора ораторам удается умело отвлечь внимание слушателей и уйти от ответа на щекотливый, провокационный или бестактный вопрос или на вопрос, на который в принципе не хочется отвечать. Кроме того, юмор довольно часто помогает предупредить межличностный конфликт или разрешить его.

Компенсаторная функция. Юмор играет в обществе особую роль, поскольку благодаря ему человек может отдохнуть от давления общественных норм, традиций и предписаний. «Шутка, едкая острота, насмешка и сатира могут быть важны для общественной психической гигиены как средство, способное разрядить недовольство, бессильный гнев, негодование и прочие подавляемые до поры эмоции. Комическое может служить утешением в личных неудачах и разочарованиях, а также быть своего рода компенсацией за унижение, страх и поражение общественной группы или нации в целом» [64, с. 162.]. Античные сатурналии и традиция карнавала, политические пародии – все это служит предохранительным клапаном, который используется господствующими классами для того, чтобы народные массы могли дать выход накопившемуся недовольству не при помощи революций, а посредством юмора.

Познавательная функция. Ораторы используют юмор для того, чтобы облачить свои взгляды в запоминающиеся фразы или короткие анекдоты, которые являются своеобразным разъяснением какой-либо проблемы или позиции самого оратора относительно этой проблемы. Такой прием эффективен, поскольку, во-первых, фокусирует внимание аудитории на важной для оратора информации и, во-вторых, есть вероятность, что публика запомнит то, что было высказано в юмористической форме (особенно если шутка или анекдот были рассказаны в тот момент, когда никто не ожидал). Шутка, анекдот, острота всегда «совершают какое-либо неожиданное открытие, обнажают противоречивость близких друг другу явлений, указывают на

сходство вещей далеких и, наконец, обнаруживают неожиданные качества в явлениях, казалось бы, хорошо знакомых. Они способны обратить наше внимание на нечто незамеченное, могут содержать в себе меткие наблюдения о жизни и людях, и неожиданно верную интерпретацию того или иного явления. <...> Не всегда, впрочем, они сообщают нечто новое и пополняют запас наших знаний; иногда в них содержится лапидарная, раскрывающая основные черты характеристики того явления, которое в принципе нам знакомо. Познавательная ценность в этом случае заключается не столько в новизне содержания, сколько в экспрессивности, экономности и коммуникативности формы, выражающей в конденсированном виде знание о предмете» [64, с. 152-153].

Терапевтически-развлекательная функция. Экспериментальным путем доказано, что юмор дает человеку возможность легче переживать неприятности, отвлекает от проблем и страхов, рассеивает дурное настроение, тоску и скуку, помогает улучшить общее самочувствие, поддерживает социальный оптимизм и веру в будущее.

В итоге получается, что комический признак и вызываемый им смех – это, так сказать, побочный продукт рутинной работы процедур мышления человека по формированию в его мозгу текущего представления окружающего мира, – представления, образованного концептуальными признаками и их совокупностями (концептами).

Юмор в силу своей многофункциональности и значимости в жизни общества заслуживает всестороннего осмысления и изучения.

3.8. Юмор и национально-культурные стереотипы в когнитивно-языковой картине мира

В данном разделе обсуждается вопрос о стереотипных основаниях и чертах концепта «Юмор». Каждый язык по-своему членит мир, имеет свой способ его концептуализации и категоризации. У каждого этноса есть свои собственные представления об окружающем мире, о представителях другой культуры, своя ментально-языковая картина мира. В обществе складываются

определенные стереотипы – как относительно самих себя, относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства [143, с.64].

В научный оборот понятие «стереотип» ввел американский психолог У. Липпман, в дальнейшем оно стало востребованным в современной лингвистике (Г. Тэжфел (1982), Ж. Колен (1988), И.С. Кон (1966), Ю.Д. Апресян (1995), Е. Бартминьский (1997), В.А. Рыжков (1988), Ю.А. Сорокин (1978), Ю.Е. Прохоров (2009), П.Н. Шихирев (1971), С.М. Толстая (1995), Т.Г. Стефаненко (1987), А.К. Байбурин (1985), Л.И. Дрофа (2009) и др.). Познание различных процессов, явлений, групп общества, людей в значительной мере осуществляется с помощью процессов категоризации объектов. В создаваемых категориях социальная реальность упрощается, схематизируется, поэтому человеку легче иметь дело с самой реальностью, с множеством процессов, индивидуальных различий, с подгруппами и т.п. [154, с. 193].

Стереотип осуществляет, с одной стороны, селекцию поступающей извне к субъекту информации, а с другой – структурирует внутренний опыт и подготавливает дальнейшее продвижение и обработку информации на более высокие уровни сознания с целью закрепления ее в памяти мышления.

По мнению У. Липпмана, человек, пытаясь постичь окружающий его мир во всей его противоречивости, создает «картину в своей голове» относительно тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал. Человек имеет ясное представление о большинстве вещей еще до того, как он с ними непосредственно столкнулся в жизни. Подобные представления-стереотипы формируются под влиянием культурного окружения данного индивидуума: «В большинстве случаев мы не сначала видим, а потом даем определение, мы сначала определяем для себя то или иное явление, а потом уже наблюдаем его. Во всей неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам

наша культура, и мы имеем очевидную тенденцию воспринимать эту информацию в форме стереотипов» [128, с. 7].

Стереотип был определен У. Липпманом как особая форма восприятия окружающего мира, оказывающая определенное влияние на данные наших чувств до того, как эти данные дойдут до нашего сознания [128, с. 107].

Ученый сделал попытку определить место и роль стереотипов в системе общественного мнения. Согласно Липпману, **стереотипы** – это упорядоченные, детерминированные культурой картинки мира в голове человека, которые, во-первых, экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и, во-вторых, защищают его ценности, позиции и права. Иными словами, стереотипы ориентируют человека в море социальной информации и помогают сохранить высокую самооценку [128, с. 107].

Идеи У. Липпмана были важными для понимания механизмов общения и поведения современных людей. Известно, что в настоящее время существуют различные определения термина «стереотип». По мнению отдельных ученых, стереотип – это образ воспринимаемых предметов, процессов и является результатом и идеальной формой отражения предметов, явлений и процессов окружающего мира в мышлении человека. Иногда стереотип определяется как «схематичный, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально-окрашенное и обладающее устойчивостью. Он выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» [117, с. 447]. При таком понимании стереотипа подчеркиваются его схематизм, стандартизованность, устойчивость, привычный характер.

Стереотипы являются элементами когнитивной деятельности и выступают как автоматизированные, неосознаваемые, необдумываемые модели когниции человека. Они функционируют в виде автоматизированных эталонов в уме человека и извлекаются из памяти в виде готовых клише [30, с. 177].

По мнению Л.И. Дрофы, понятия прецедентности и стереотипности взаимосвязаны и коррелируют с понятиями обычности, общественности,

коннотативности, этичности, воспроизводимости и устойчивости [69, с. 73]. См. также [26, с. 228]. Такое понимание стереотипа синтезирует главные особенности изучаемого феномена.

В силу своей полиаспектности стереотип изучается в разных отраслях научного знания. Он исследуется в работах лингвистов, этнографов, социологов, психологов, когнитологов, культурологов, политологов, историков. Представители различных дисциплин выдвигают на первый план разные стороны и аспекты данного понятия. С точки зрения социологии и психологии, стереотипы – это «те обобщенные и, как правило, нагруженные оценочными суждениями впечатления, которые члены одной социальной группы используют при характеристике членов другой группы» [176, с. 863]. В этом определении особо подчеркивается обобщенность, оценочность и социальная обусловленность стереотипа. Социальный аспект считается важным и для ряда лингвистических исследований, посвященных изучению стереотипов (Ю.А. Сорокин (1978), В.А. Рыжков (1983), А.К. Байбурин (1985) и др.).

Во всех определениях стереотипа особо выделяется один важный признак – большая степень его распространенности внутри культурной группы. При такой трактовке стереотипа с ним сближаются и другие понятия: 1) понятие установки (готовность, предрасположенность субъекта воспринимать объект определенным образом) и 2) понятие предубеждения (установка, препятствующая адекватному восприятию объекта) [110, с. 187]. Установка и предубеждение «могут проявляться в функции «предобраза», предшествующего образованию и освоению стереотипа» [183, с. 40]. При такой постановке вопроса в центре внимания оказываются стереотипы, относящиеся к определенным социальным группам, например, этническим (С.В. Гладких (2001), Н.В. Уфимцева (1995), И.Л. Бобринская (2003)), конфессиональным (Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков (1989), О.В. Белова (1997)), субкультурным (О.И. Бродович (1994), Т.А. Голикова (2001)) и т.д.

Е. Бартминский различает две разновидности стереотипа, это «стереотип в узком, социально-бытовом, смысле – как предубеждение, негативное суждение

о людях, и стереотип в широком смысле – субъективно обусловленное представление о предмете, содержащее одновременно описательные черты и коннотативный образ, являющиеся результатом интерпретации действительности в рамках общих познавательных моделей» [29, с. 16]. Согласно Е. Бартминскому, в сознании носителя языка существует сложная система стереотипов, многие из которых напрямую с общественной жизнью не связаны, например: стереотип солнца, стереотип воды: «для лингвиста стереотипизация охватывает всю картину мира, как образ вещи, так и образ человека» [29, с. 12]. Понятно, что далеко не все представления и понятия могут быть основой для формирования стереотипа, а только те из них, которые включают в себя социальный компонент и обладают признаками распространенности, общности, коннотативности, воспроизводимости, устойчивости и т.д., социально значимыми для носителя языка.

К основным свойствам стереотипов, как известно, относятся: 1) схематичность, 2) устойчивость к изменениям, 3) коннотативность, 4) приобретенный характер, 5) априорность, 6) регулярность, 7) распространенность, 8) общность, 9) воспроизводимость. Стереотипы в жизни людей выполняют когнитивную, социальную и аффективную функции, во многом обусловленные свойствами стереотипов.

Одной из разновидностей стереотипов являются этнические стереотипы, которые понимаются нами как устойчивые ментальные представления о своем/чужом этносе, составляющие **фрагмент языковой картины мира** и находящие свое выражение в языковых единицах. Этнические стереотипы строятся на логико-ментальных оппозициях, среди которых наиболее значимыми являются дихотомии: «мы – они», «наш – не наш», «свой – чужой», являющиеся основанием для деления стереотипов на авто- и гетеростереотипы.

Для исследования этнических стереотипов используются различные факты, и, прежде всего, идиомы, поговорки (пословицы, поговорки, притчи, побасенки, загадки, велеризмы и т.д.), тексты песен, материалы художественных произведений. **Среди них особое место отводится**

этническим анекдотам. В этнических анекдотах с позиции того или иного народа отражаются особенности других народов, а именно: черты характера, интеллекта, быта, образа жизни, поведения, обычая, веры, уровня культуры и другие стереотипы.

В современных исследованиях по теории анекдота на первый план выдвигается лингвоэтнокультурный аспект этого фольклорного произведения. В них находит отражение оппозиция «человек в национальной культуре – национальная культура человека». Например, Е.Н. Абдразакова указывает, что «анекдот – это современный фольклорный жанр, имеющий свою специфическую структуру, представляющий стереотип, отражающий этнические и социальные особенности народа; цель анекдота – рассмешить слушающего». Она не без основания считает, что по своей смысловой наполненности анекдот, прежде всего, представляет преувеличенный стереотип, отражающий собирательное мнение нации по какому-либо вопросу. Преувеличение проявляется в выделении только самых ярких черт персонажей и ситуаций, описываемых в анекдоте, все остальные черты становятся несущественными и опускаются [1, с. 11]. Например: *Муж обращается к жене: «Ты впервые сегодня так мало говорила по телефону» – «Потому что там была не моя знакомая, а дама, которая ошиблась номером. Вот я и говорила всего двенадцать минут»* [109, с. 9].

В данном анекдоте отражена привычная повседневная ситуация из жизни: женщина разговаривает по телефону. Этот юмор вызывает смех, потому что отражает стереотипное мнение о том, что все женщины любят разговаривать подолгу по телефону. В нем есть элемент гиперболизации: женщина потратила на разговор с незнакомой женщиной 12 минут. А сколько времени ушло бы на разговор с подругой? Однако следует отметить, что «стереотип, лежащий в основе анекдота может и не признаваться за пределами данного жанра как реально действующий («все женщины долго разговаривают по телефону», «все жены изменяют мужьям», «все преподаватели мечтают завалить студента на экзамене»), но в пространстве данного жанра порождают целые серии

анекдотов, объектом обсуждения в каждом из которых являются самые разные социобытовые ситуации» [245, с. 191].

Юмористические истории отражают самые разные жизненные ситуации и содержат различные стереотипы: гендерные, возрастные, поведенческие, религиозные, служебные, семейные, этнические и т.д. Стереотипы, свойственные представителям той или иной национальности, находят свое отражение в жанре этнического юмора, который тематически и содержательно отличается от семейных, возрастных и прочих его типов.

Этнический юмор встречается в фольклоре самых разных народов. «Из-за несовпадения культурных стереотипов специфические черты поведения народов-соседей часто воспринимаются как смешные, не соответствующие собственной, «правильной» норме поведения» [225, с. 86]. В работах Е.Я. Шмелевой и А.Д. Шмелева (2002), С.Г. Тер-Минасовой (2000), В.А. Масловой (2001), И.А. Тульпе (2002), В.А. Буряковской (2000) и других ученых изучаются некоторые аспекты проблемы функционирования этнических анекдотов, обыгрывание в них стереотипов национального характера.

Например, В.А. Маслова пишет, что «на учете стереотипных представлений основано большинство анекдотов о национальном характере, причем объектами оценки в анекдотах могут стать не только черты характера, но и традиции, обычаи (например, ходить в гости), модели повседневного поведения, особенности анатомии» [143, с. 58].

С.Г. Тер-Минасова также отмечает распространенность так называемых международных анекдотов, подчеркивающих особенности склада ума, образа жизни, специфики поведения и т.д. представителей разных национальностей. Такие анекдоты, по мнению ученого, строятся на шаблонном сюжете: представители разных этносов, попав в одну и ту же жизненную ситуацию, реагируют на нее по-разному, в соответствии с теми чертами их национального характера, которые приписывают им на родине анекдота [215, с. 139]. В анекдотах настоящему греку приписывается оборотность, предприимчивость,

турку – физическая сила, поляку – близость к алкогольным напиткам, англичанину – своекорыстие и эгоизм, немцу – дисциплинированность, организованность, трудолюбие и агрессивность. Двойственно отношение человека к американцу: с одной стороны, уважает его энергию и упорство, завидует деловой хватке и богатству, но, с другой стороны, посмеивается над безнадежно провинциальной инфантильностью. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, «в русских французы ценят то, чего не хватает иной раз им самим – размах и широту, сердечность и щедрость, выдержку и стойкость» [215, с. 139].

В качестве примера приведем следующий анекдот о русском и еврее: *У русского спрашивают: «Что вы будете делать, если вам дадут яблоко? – «Съем». – «А два яблока?» – «Одно съем, а вторым с женой поделюсь». – «А ящик?» – «Детям раздам». У еврея спрашивают: «Что вы будете делать с яблоком?» – «Продам». – «А с двумя?» – «Продам». – «А с ящиком?» – «Продам»* [15, с. 39].

В данном анекдоте представители двух этносов оказываются в одинаковой ситуации и отвечают на одни и те же вопросы. В ответах появляются стереотипные черты русского и еврея: первый простодушен, а второй предприимчив и готов получить выгоду.

В этнических анекдотах персонажами речевого произведения выступают представители определенных наций со своими этнокультурными стереотипами, которые не совпадают с ценностями, нормами поведения, привычными формулами мышления других наций.

Иногда ученые термин «нация» понимают неоднозначно, неточно. Например, И.А. Тульпе, говоря о национальных анекдотах, пишет: «В национальных анекдотах – еврейских, кавказских, эстонских – персонажи действуют как бы в своей привычной обстановке, но по сценарию, «создаваемому» за пределами представляемой традиции» [223, с. 133]. В данном утверждении допущен явный алогизм: вместо гипонима использован гипероним, вместо этнонима – географическое название. Кавказской национальности как таковой не существует. О ней можно говорить в анекдотах,

а не в сочинении об анекдотах. Кавказ – это не этноним. Слово имеет географическое содержание и выступает номинантом региона – территории между Черным, Азовским и Каспийским морями, между Россией, Турцией и Ираном. Этнический состав сложный, включает в себя свыше 50 народов, говорящих на языках 3 больших лингвистических семей – иберо-кавказских, индоевропейской и алтайской. При этом спорным является даже вопрос об лингвоэтногенетическом единстве народов, образующих иберо-кавказскую семью языков. Более мотивированным считается положение об ареальном характере иберо-кавказских языков, состоящих из четырех отдельных групп родственных языков – картвельских, абхазо-адыгских, чечено-ингушских и дагестанских. Последний термин является тоже географическим, а не этническим.

Что касается термина «кавказская нация», то он может объединять народы региона только в географическом смысле. Конечно, анекдоты об армянах и грузинах более популярны, чем анекдоты о других народах данного региона.

Традиция рассказывания этнических анекдотов имеет длительную историю, но активно формируется и получает новый импульс развития в середине и в конце XX в. Это объясняется рядом факторов языкового, коммуникативного и экстралингвистического характера: 1) формированием и развитием когнитивно-речевых свойств и структурообразующих признаков анекдота; 2) оформлением самого анекдота как текста и речевого произведения; 3) широким распространением анекдота в дискурсе; 4) приобретением анекдотом большого круга функций в коммуникации; 5) расширением сфер и средств распространения анекдота; 6) развитием межэтнических, межкультурных, межгосударственных и межконтинентальных контактов; 7) возрождением этнического самосознания ряда народов и наций в новых социально-исторических условиях; 8) осознанием ими своей идентичности и отличия от других этносов и т.д.

Юмористические тексты – одно из специфичных средств дискурса. Они предполагают особые условия генерирования, особого производителя речи и

соответствующего реципиента. Для производства и понимания человеком юмора он должен обладать не только лингвистической компетенцией, благодаря которой он генерирует и воспринимает речевую информацию, но и юмористической компетенцией, благодаря которой он может породить и понять смешное. О юмористической компетенции участников коммуникации пишут Е.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев: «...Юмористическая компетенция включает в себя не только лингвистическую составляющую, но и некоторый набор фоновых знаний, который может включать общеизвестную информацию, информацию, известную части носителей языка, и информацию, известную только немногим людям, принадлежащим к одной семье или к одной компании» [244]. Конечно, такое понимание юмористической компетенции односторонне. Здесь отмечается только два общих условия, которые включает в себя юмористическая компетентность: 1) лингвистические составляющие; 2) фоновые знания (общеизвестная и частоизвестная информация). Юмористическая компетенция, по-видимому, состоит, кроме двух названных данными авторами сторон, из множества других знаний (не только фоновых), умений и навыков субъектов общения и ряда неязыковых факторов.

В содержании этнического юмора четко выделяются два компонента: а) актуальная информация о культуре, истории, быте, образе жизни, национальном характере народа и б) представления об одной нации в сознании другой. Как пишет О.Е. Фролова, «в русскоязычных этнических анекдотах представлены те этноконфессиональные и этнокультурные черты, которые уже заложены в «информационном багаже» русскоязычной аудитории и опущены те особенности, которые не знакомы или мало знакомы. Для создания комического эффекта на этнической почве необходимо соблюдение одного условия: уровень сложности «этнической» информации должен быть таков, чтобы для слушателя не возникало проблем в понимании» [228]. Таким образом, для адекватного понимания этнического юмора необходимо, чтобы в сознании слушателей был определенный фонд информации об этноконфессиональных, этнокультурных и ментально-языковых особенностях

той нации, представители которой являются персонажами юмористического рассказа.

Эффект от рассказывания юмора других народов возможен только в тех случаях, когда у аудитории есть предварительные фоновые знания. Рассказывая французские анекдоты об англичанах, юморист обязательно снабжает анекдот предварительной информацией о том, что английская кухня не вызывает восторга у французов и других европейцев (современная английская кухня в значительной мере отличается от традиционной и становится более интернациональной). Рассказывая европейские анекдоты о швейцарцах, обычно дают пояснения по поводу того, что они славятся своей дисциплинированностью и хорошими организаторскими способностями, что идея надежности закреплена в концепте «швейцарский банк». По мнению британцев и американцев, шведские полицейские излишне щепетильны и либеральны, а американская полиция отличается в анекдотах недостаточной компетенцией, которая компенсируется проявлением грубой силы, что также требует пояснения. В качестве примера приведем анекдот, обыгрывающий стереотипы представления двух этносов – русского и кыргыза. Анекдот покажется смешным и будет понятен только той аудитории, которая знакома не только с культурой и бытом русского и кыргызского народов, но также и с условиями их географического проживания, формирующими образ родины в сознании народа. Так, для русского человека в анекдоте символом родины выступает дерево, а для кыргыза – горы:

<i>Эч ким жашабаган аралга орус менен кыргыз түшүп калыптыр. Орустун жалгыз кубанычы – аралдагы дарак. Аны күнүгө суктанып кароочу, себеби дарак ага мекенин эсине салчу. Бир күнү эрте менен дарактын кыйылып жерде жатканын көрүп, ал кыргыздан:</i>	<i>Оказались как-то на острове русский и кыргыз. Единственная радость для русского – дерево на острове. Он любовался им каждый день, так как оно напоминало ему Родину. Однажды утром он проснулся и увидел, что дерево срублено, и говорит кыргызу: «Зачем ты срубил</i>
--	--

«Эмнеге даракты кыйып салдың?» – десе, кыргыз: «Дарак тоолорду тосуп атпайбы! » – дейт имиш.	«дереву?» А кыргыз ему отвечает: «Оно мешало смотреть мне на горы!» [88, с. 22].
---	---

Итак, большое значение в этническом юморе играют фоновые знания. Приведенный рассказ предполагает владение информацией о географии и рельефе мест обитания русских и кыргызов, является также иллюстрацией межнациональных отношений двух этносов, которые сложились в результате их длительного совместного проживания в одном государстве и которые сохранили взаимопонимание между ними и толерантность друг к другу. Об особенностях взаимоотношения двух этносов В. Ли пишет, что «русский духовный мир и мир тюрков постоянно находились в состоянии диалога, взаимообмена культурными ценностями, а не вражды, противоборства» [188, с. 8].

Известно, что смех и юмор играют определенную роль в сплочении национальных групп. Так, известный исследователь проблемы смеха в культуре А. Зиждервельд пишет, что в юморе четко обозначаются отличительные и объединительные признаки различных социальных групп – сословных, профессиональных, религиозных, кастовых, национальных и других, выражается противодействие влиянию унифицирующих тенденций. Юмор выполняет функции очерчивания границ этих социальных групп и слов, разграничения пределов между ними, а также взаимодействия интеграции внутри них. Как отмечает ученый, юмор участвует в сплочении представителей группы, в усилении их единства и осознания идентичности, благодаря чему устанавливается эмоциональная солидарность с другими, принятие их норм и ценностей, усваиваются поведенческие модели, специфичные для группы [77, с. 49].

Позитивная роль юмора в жизни общества проявляется и в том, что юмористические ментально-речевые произведения, будучи устойчивыми архетипическими структурами или вновь и спонтанно неосознаваемыми, по общим правилам, образованиями, направлены на порождение положительных

эмоциональных переживаний, связанных с чувством комического в пределах оппозиции «мы – они», «свое – чужое». Эта оппозиция наиболее последовательно передается в этническом юморе.

Этнические анекдоты имеют три разновидности: 1) анекдоты о представителе и представителях одной этнической группы; 2) анекдоты о представителях двух часто контактирующих этносов (по месту проживания, службе, вере и т.д.); 3) анекдоты о представителях разных этносов и этнических групп, которые вообще не контактируют или редко вступают в общение.

Приведем и прокомментируем два примера:

1) *Кыргыз из поселка Жаны-Арык поехал в Москву. Выходит в аэропорту и ищет туалет. Подходит к прохожему и спрашивает: «Как найти туалет?» – «Туалет прямо и за углом». Кыргыз подходит к туалету, смотрит: на двери написаны буквы «М» и «Ж» и думает: «М» – это для москвичей, «Ж» – для жаны-арыкцев». Заходит он в туалет, вдруг вскакивает женщина. Он хлопает ее по плечу и говорит: «Сиди, дочка, сиди, я тоже с Жаны-Арыка!»* [109, с. 42]. В анекдоте подчеркивается простодушие кыргыза из села, лингвоэтническая безграмотность (незнание самых распространенных аббревиатур), высмеивается бескультурье сельчан.

2) *Мужчины хвалятся друг перед другом женами. Американец: «Моя жена изящна, как тростинка!» Француз: «Моя тонкая, как былинка!» Русский покачал головой: «Что это за жены? Их в постели граблями искать надо»* [109, с. 56]. В анекдоте представлено различное понимание представителями трех этносов главного достоинства женщины, жены. Американец и француз сравнивают изящество и тонкость своих жен с растениями. Русский же выделяет не тонкость и изящество как отличительные черты их жен, а растения, с которыми они сравнивают, и представляет жену не как предмет для любования, а как партнершу в любви и совместной жизни. Известно, что сильное потомство порождается только от сильной женщины.

Кыргыз в кыргызских анекдотах выступает не только как простак, простодушный и бесхитростный человек, но и приобретает черты эгоизма,

нежелание другим добра. Ср. *В котле ада оказались два узбека и два кыргыза. Узбеки, поддерживая друг друга, вылезли оттуда. Кыргызы хотели выйти независимо друг от друга, самостоятельно. У них не получилось. Тогда по опыту узбеков один на спине поднял другого, тот вышел и ушел, оставив в котле своего спасителя.*

Анекдот приводится при призыве представителей разных этносов к согласию, к взаимоподдержке и дружбе.

Рассказчик и персонаж анекдота нередко выступают в качестве представителей разной этнокультуры. В таких случаях часто возникают лакуны и «пустые клетки» в этнических анекдотах. Такие лакуны имеют разновидности:

1. Лакуны являются традиционными, общепризнанными и, в той или иной степени, отражающими стереотипное восприятие национальных норм поведения другого народа (например, «немцы пунктуальны», «евреи предприимчивы», «кыргызы гостеприимны»): *Жена проводит время с любовником, и тут открывается дверь и входит муж. Ситуация банальна, но таковы условия игры. Американка: «Джон, я думаю, ты не мешаешь мне делать мой маленький бизнес?». Французенка не теряет присутствия духа и толкает в бок любовника: «О, Пьер, подвинься, втроем нам будет веселее!». Еврейка только на секунду теряет самообладание, потом изумленно спрашивает: «Как, Исаак, это ты? Тогда кто лежит со мной рядом?». Немка смотрит на часы и укоризненно говорит: «Ганс, ты пришел на целых три минуты раньше!» [29, с. 141].*

В данном юморе имеют место лакуны, отражающие стереотипы восприятия американского, французского, еврейского и немецкого национальных характеров. В одной и той же ситуации проявляются стереотипные черты поведения разных народов – предприимчивость американцев, более свободные брачные узы французов, притворство евреев, пунктуальность немцев, представленные с точки зрения представителей других этносов. Лакуны даны в тексте анекдота эксплицитно, в очень явной форме

путем прямой подачи этностереотипов в словах рассказчика, например, *французенка не теряет присутствие духа, еврейка на секунду теряет самообладание, немка смотрит на часы*. Данные этностереотипные черты персонажей конкретизируются в словах самих персонажей. В анекдоте для смешной демонстрации национальных черт характера подбирается ситуация – времяпровождение жены с любовником и мотивирование своего поведения перед мужем.

2. Интеркультурные лакуны, передающие различия стереотипов у разных народов в тождественных ситуациях. Например, аккуратность одного народа может быть понята другим народом как проявление расчетливости, а расчетливость может быть оценена как жадность. Анекдоты, содержащие такие лакуны, нуждаются в соответствующей интерпретации и предполагают знания истории и культуры этноса. Приведем пример: *Подружились кыргыз с узбеком. Пригласили друг друга в гости. Сначала к кочевнику-кыргызу приехал узбек. Наелся до отвала мяса, напился кумыса. Теперь кыргыз едет в гости к декханину-узбеку. Тот думает: «Чем бы таким угостить своего друга кочевника, чтобы он удивился?» и выставляет на дастархан вазу с изюмом. Для кочевника такое блюдо очень даже непривычно. Кыргыз, недолго думая, стал по привычке отправлять изюм в рот горстями. Точно так же, как на джайлоо едят мясо. Узбек забеспокоился, дорогой изюм стал таять прямо на глазах. «Это изюм, мой дорогой. Его едят по изюминке одной», – сказал узбек, немного подтрунивая над своим другом-кочевником. Кыргыз опешил, но тут же нашелся с ответом: «А к кыргызу как завалится гость, так в рот отправляет мяса целую горсть». И полностью съел весь изюм!* [13, с. 90].

В данном анекдоте совмещены невербальные и вербальные знаки коммуникации. Межъязыковая и межнациональная лакуна проявляется в резко контрастируемых действиях кыргыза и узбека в одной и той же ситуации – в случае приглашения друзей друг друга по очереди в гости. Аппетит и способы приема пищи у кыргыза, которого вовсе не понимает узбек, объясняются

этностереотипными причинами. Во-первых, кочевник не знает правил приема пищи, принятых у оседлого населения. Во-вторых, у кыргызов развито особое чувство гостеприимства и приняты более свободные нормы поведения за столом. В-третьих, в анекдоте интеркультурная лакуна передается с помощью реплики, содержащей лингвистически отмеченное сравнение *точно так же, как*: **«Точно так же, как в степи едят мясо»**. В данном случае интеркультурная лакуна вызывает недопонимание со стороны узбека, которое раскрывается в диалоге и эксплицируется в рифмованной реплике узбека: **«Это изюм, мой дорогой: его едят по изюминке одной»**. В свою очередь недоумение кыргыза также выразилось в рифмованной реплике, уже непосредственно указывающей на гостеприимство: **«А к кыргызу как завалится гость, так в рот отправляет мяса целую горсть»**. В-четвертых, в переводе не отражено созвучие кыргызских слов. В оригинале реплика кыргыза звучит по-другому: **«Муну жүзүм дейт, бир алганда жүзүн жейт»** «Его называют **жүзүм** «виноград» и сразу берут в рот **жүзүн** «по сто»». Тут есть созвучие: по-кыргызски **жүзүн** «сто», **жүзүм** «виноград». Узбекская часть распространенного варианта текста содержит трехкратный каламбур: *Буни узим дейди, йузини эмас, биттадан узип йейди* «Его называют узим «виноград», не *йузини* «сто, по сто», а *узип* «срывая, отрывая, снимая (по одному)» едят». Русский и узбекский корни со значением «есть, кушать» имеют идентичный звуковой облик: *йе-*.

3. **Саморефлексивные лакуны, которые отражают привычные представления этноса о своем национальном характере.** При такой самопрезентации этноса тоже отражается суть национальных стереотипов, но они определяются с позиции одного этноса. Приведем пример, где передается представление русской культурной идентичности о своей жизни и эксплицируется подобная саморефлексивная лакуна с помощью реплики, принадлежащей русскому, на что указывает этноним русский: *Американец спрашивает у Бога: «Господи, когда американский астронавт долетит до Марса?»*. *Бог ответил: «Лет через двести, не раньше»*. *Американец*

отвернулся, заплакал и сказал: «Я до этого времени не доживу». **Кубинец** взывает к Богу: «Господи, когда на Кубе будет построен коммунизм?». Бог ответил: «Лет через двести, не раньше». **Кубинец** заплакал и сказал: «Я до этого времени не доживу». **Русский** обращается к Богу: «Господи, когда на Руси станут лучше жить?» Бог отвернулся, заплакал и сказал: «Я до этого времени не доживу!»[109, с. 59]. В тексте в смешной форме передается мысль о том, что у жителей разных стран разные ценности, разные ориентиры на будущее. Смех вызывается неожиданным опровержением контрастов «Бог вечен – Бог не вечен», «Россияне живут хорошо – Россияне живут плохо», «Проект на 200 лет (полет на Марс, строительство коммунизма) – лучшая жизнь, которая не наступит».

Итак, характеристика некоторых этнических юмористических рассказов на русском языке позволяет заключить, что для осознания юмора в них и адекватного их понимания необходимо иметь определенные фоновые знания, содержащие сведения о типичных для того или иного этноса чертах менталитета и ментальности, специфики культуры (питания, традиций и обычаев), языка, условий времени и места проживания и т.д. Именно контрасты и несоответствия этнокультурных стереотипов составляют содержание национальных, интернациональных и саморефлективных лакун в когнитивно-языковых картинах мира разных народов.

3.9. Об основных свойствах и разновидностях концепта “Юмор”

Исходя из данных исследований истории и теории юмора, мы пришли к выводу о необходимости разграничения ряда его типов и разновидностей.

1. Тексты, передающие **притворство** говорящего или персонажа: а) ложное отождествление; б) ложное противопоставление; в) ложное усиление; г) ложное принижение; д) псевдоглубокомыслие.

2. Тексты, содержащие **абсурд** и **алогизм**: а) преувеличение и гиперболизация; б) преуменьшение; в) смягчение или эвфемизация;

- г) соединение двух логических несовместимых высказываний;
д) паралогический вывод.

3. Тексты, содержащие **смешение стилей** или **совмещение «планов»**:

- а) перенос или смешение терминологии; б) смешение стилей речи;
в) несоответствие стиля и содержания; г) несоответствие речевого стиля и внеязыковых факторов – обстановки, времени, места, ситуации и т.д.

4. Тексты, допускающие **двойное восприятие** или **истолкование**:

- а) каламбур; б) двусмысленность;

5. **Ирония, сарказм.**

6. **Намек**, или точно наведенная цепь ассоциаций.

7. **Сравнение** предметов и явлений: а) «чистое» обратное сравнение;

- б) буквализация метафоры; в) сравнение по случайному или второстепенному признаку; г) отождествление разнородных предметов и явлений и подача их в «едином списке».

8. **Парадокс.** В основе каждой шутки лежит парадокс. Мы можем либо увидеть что-то незакономерное, что нас рассмешит, либо сами смоделировать подобную ситуацию, придумать её. Например, *Если идет снег, значит скоро будут класть асфальт, положили асфальт, значит скоро будет ремонт труб* [272]. Благодаря этому парадоксу, мы видим абсурдную ситуацию. А абсурд, по мнению исследователей юмора, – именно то, что должна порождать шутка или их комбинация.

9. **Насмешка** над собой, самоуничижение. Например, *Сижу на диете. Сбросила 2 кг. Перестала соображать... видимо, это был мозг!*

10. **Постановка многоточия** при письменном изложении юмора, пауза в устной речи. Для демонстрации роли паузы или многоточия в юмористическом дискурсе приведем и прокомментируем один пример. Поэт Т. Самудинов в своей эпиграмме, посвященной писателям Качкынбаю Осмоналиеву и Ташмату Арыкову, подчеркивает их физическое, возрастное и поведенческое сходство, выделяя в качестве их отличия увлечение второго спиртным:

Бир карасам – Качыкем,

Бир карасам – Ташыкем.

Абдысалам адашар

Айырмалары аз экен.

Бирок кайран Ташыкем

Бир аз, бир аз ... мас экен.

Многоточие в последней строке является главным носителем юмора-келеке, передает осторожность автора, его уважение к персонажу, нежелание сразу назвать слова *мас* «пьяный» и разделяет позитивную и негативную части стихотворения. Именно оно противопоставляет части шестистишия друг другу и вызывает смех у читателя неожиданной контрастностью и несовместимостью начала и конца стиха.

Мы выше перечислили основные типы и разновидности юмора, базирующиеся на его природных особенностях, перечислили те способы его создания, которые «работают» автономно в тексте микроюмора и действуют комплексно, в разных комбинациях в ткани крупных комедийных произведений литературы и искусства. Прежде чем подробно описать типы и разновидности юмора по характеру способов и приемов его создания, определим его основные, необходимые и существенные свойства.

Какими же общими свойствами обладает юмор? Чем же он отличается от неюмористического когнитивно-речевого произведения?

Изучение литературы по юморологии позволило нам выделить следующие его **сущностные свойства**.

1. Врожденность юмора и природный характер его генерирования и восприятия в сознании и речи людей, в «уме», поведении и коммуникации приматов и отдельных высших животных.

2. Примитивность и относительная несложность вызываемых им эмоций.

3. Способность доставлять реципиентам – читателям и слушателям – удовольствие и позитивное настроение, которые проявляются у людей в виде улыбки, смеха и хохота.

4. Наличие в любом юморе некоторой нелогичности, «светящегося противоречия» и нераскрытой загадочности.

5. Возможность, позволяющая производителю и/или реципиенту юмора почувствовать свое превосходство над кем-то другим и интеллектуальный триумф от нахождения противоречия и загадки в юморе.

6. Способность быть социальным и интеллектуальным оружием участников общения, возвышающим или унижающим их, защищающим или обижающим слабых и сдерживающим или активизирующим агрессию сильных.

7. Свойство вызывать релаксацию, удовлетворение, интеллектуальное оживление, приподнятое настроение духа у аудитории.

Эти признаки концепта «Юмор» являются самыми общими и существенными, образуют его понятийное содержание и позволяют определить его как особое ментально-языковое фреймово-сценарное микропроизведение. Исходя из этого, **юмором можно называть любое когнитивно-текстовое образование**, содержащее в себе легкий алогизм, противоречие или загадку, соответствующее природной особенности человека вызывать простую недлительную позитивную эмоцию в сознании и поведении участников общения, доставляя удовольствие от сознания своего превосходства над другими, проявляющееся в виде улыбки, смеха и хохота, и поэтому служащее важным средством получения психологической разрядки и положительной межличностной коммуникации.

Особенностью юмора является и то, что слушатель часто бывает предупрежденным по поводу шутки или прецедентного высказывания. Он доступен каждому нормальному человеку – женщине и мужчине, ребенку и пожилому, нищему и олигарху.

Многие шутки содержат легкое противоречие, интеллектуальную «загадку», которую требуется разрешить. Решение «загадки» вызывает смех. Смех является свидетельством того, что слушатель испытывает удовольствие от успешно проделанной работы – от разрешения загадки.

3.10. Результаты собственных исследований

В процессе изучения теории юмора, анализа различных юмористических и остроумных микротекстов нами установлено следующее: 1) разработан и внедрен в практику полипарадигмальный подход к исследованию юмора, состоящий в координированном использовании идей, принципов и методов различных направлений в языкознании; 2) в работе учтены и внедрены достижения и удобные для применения результаты исследований ученых по лингвоконцептологии, лингвокогнитологии, лингвокультурологии, лингвопрагматики, лингвопаремиологии и других смежных дисциплин в рамках теории лингвистического антропоцентризма; 3) установлена корреляция понятий «комическое», «шутка», «ирония», «анекдот», «намек» и т.д. в рамках концепта «Юмор» (см. рисунок 1); 4) определены общие закономерности создания юмора и юмористических ситуаций; 5) предложено наиболее общее и универсальное определение юмора как речевого произведения; б) проанализированы текстовые свойства юмора на основе двунаправленного подхода «юмор в тексте – текст в юморе»; 7) выделено и охарактеризовано максимальное число (27) признаков юмористического текста, которые реально используются в различных комбинациях и в различном составе; 8) составлена большая картотека высказываний деятелей культуры и науки о юморе, а также юмористических микротекстов (2903 единицы), полезная для начинающих исследователей, а именно: авторов курсовых, дипломных (квалификационных), магистерских и других работ; 9) предложена новая, более обоснованная классификация видов и типов юмора; 10) показана зависимость понимания, запоминания, использования, оценки и распространения юмора от ряда экстралингвистических факторов – возраста, пола, образования, профессии, культуры, национальной принадлежности, веры, времени и места проживания и т.д. участников речевого общения; 11) проанализирован опыт юмористов и сатириков по переводу и трансформированию анекдотов, остроумных миниатюр, парадоксальных суждений и т.д. с одного языка на другой;

12) выявлены и описаны основные приемы, способы и пути создания юмора как когнитивно-речевого произведения; 13) впервые в теории юмора широко привлечены факты на кыргызском языке; 14) впервые в юморологии привлечен и проанализирован фактический материал на кыргызском языке; 15) разработана теоретическая модель юмора, удобная для использования в учебном процессе.

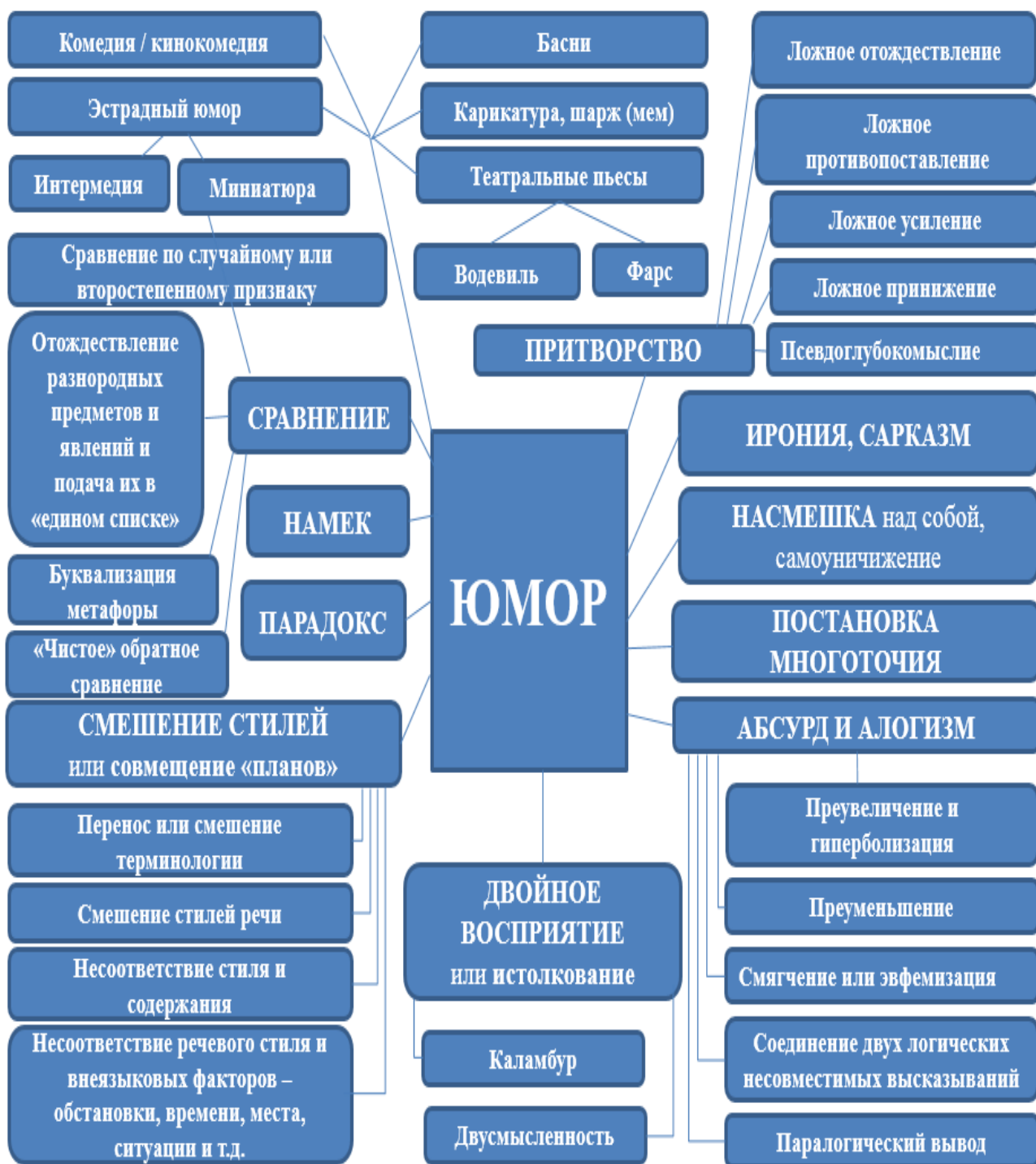

Рисунок 1. Классификация юмора

Выводы по III главе

Материалы данной главы позволяют сформулировать некоторые общие положения.

1. Юмор является многоплановым когнитивно-речевым произведением. Он встречается и как отдельный, автономный текст, и как фрагмент более крупного произведения. Юмор чаще всего оформляется в виде анекдота, шутки, «случаев из жизни» и т.д.

2. Анекдот обладает всеми признаками текста. Мини-анекдоты характеризуются меньшим числом признаков, а для определения текстовой сущности объемных юмористических произведений используются многочисленные параметры оценки.

3. К параметрам оценки юмористических текстов относятся: тема (о чем?), идея (как?), цель (зачем? для чего?), признак по «вертикали» изложения (сниженно-разговорный, нейтральный и высокий стили), признак по сфере применения, письменное или устное оформление, пространственная определенность, временные пределы, информативность, прагматичность, наличие адресанта и адресата в ролях говорящего, слушающего или неучастника, наличие оценки, содержательность и подчиненность частей текста общей цели, структурированность и взаимосвязанность элементов, целостность и полнота строения, контрастность и различия персонажей и субъектов текста, последовательность расположения элементов, лексико-грамматическая согласованность структуры юмора, парадигматико-синтагматическое (системно-структурное) единство составляющих, динамичность самодвижения произведения «от начала – к концу», наличие четко выраженного начала и конца; самостоятельность, автономность и самодостаточность анекдота, комплексность средств выражения информации, наличие явной или неявной морали и т.д. Эти свойства текста в совокупности составляют его ментально-вербальное содержание.

4. Признаки юмора проявляются в дискурсе неодинаково. В развернутых текстах они встречаются в комплексе, организуя их целостное единство. Некоторые из этих признаков настолько близки друг к другу и дополняют друг друга, что затрудняемся провести четкую грань между ними. Все вместе образуют комплекс признаков текста. Для характеристики мини-текстов используется небольшое (6-7) число признаков.

5. Описание юмористических произведений во всех аспектах – сложная задача, требующая коллективных усилий. Мы ограничились объемом работы только в пределах предмета и целеустановки исследования. Поэтому отдельные вопросы освещены нами бегло и поверхностно.

6. В работе подробное освещение получило единство юмора и национально-культурных стереотипов, продемонстрированы причины и механизмы межъязыковой интерференции при порождении и восприятии юмористического текста, описаны некоторые разновидности национально-культурных лакун в юмористическом тексте.

7. В процессе исследования получены некоторые научные результаты (§3.10), которые могут быть полезны для теории и практики языкознания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное в работе позволяет сделать некоторые общие выводы, сформулировать отдельные важные для теории и практики языкознания положения и в общем виде представить основные результаты проведенного исследования.

1. Юмор – многогранное и полиаспектное социально-значимое когнитивно-языковое явление. Исследование юмора предполагает полипарадигмальный подход, поскольку он может быть предметом изучения многих наук – логики, гносеологии, фольклористики, литературоведения, лингвистики, риторики, культурологии, психологии, когнитологии и др.

2. В силу своей многоплановости и полипарадигмальности юмор, естественно, с наибольшей степенью полноты может быть проанализирован в лингвистическом аспекте только с учетом идей, принципов и методологической базы таких отраслей лингвистического антропоцентризма, как лингвокогнитология, лингвоконцептология, лингвокультурология, менталингвистика, лингвопрагматика и т.д., а также логического языкознания, лингвистики текста, лингвопсихологии, лингвопаремиологии и других смежных дисциплин. Следовательно, в работе учтены и внедрены достижения и результаты исследований, осуществленных в рамках теории антрополингвистики.

3. Представление о юморе существует в сознании каждого человека, этноса и всего человечества. Он является элементом сознания, неотъемлемым признаком остроумия и высокого интеллекта человека. Его генерируют особо одаренные личности-юмористы, собирают, распространяют и презентуют любители юмора и сами юмористы. В процессе работы нами рассмотрена корреляция понятий «комическое», «шутка», «ирония», «анекдот», «намек» и т.д. в рамках концепта «Юмор» (§1.6); определены общие закономерности и правила создания юмора и юмористических ситуаций (§2.4); проанализирован опыт юмористов и сатириков по переводу и трансформированию анекдотов,

остроумных миниатюр, парадоксальных суждений и т.д. с одного языка на другой (§ 3.6).

4. Концепт «Юмор» – один из важных элементов сознания, общения и когнитивно-языковой картины мира современного человека. Он обладает свойствами глобальности, автономности, многомерности, полиаспектности, структурированности, содержательной неоднородности, экстенциональности, зависимости от культурных установок и разнообразия типов текстовых репрезентаций. На этой основе нами осуществлена новая, более обоснованная классификация видов и типов юмора (§ 3.1, 3.2, 3.3, 3.9); выявлены и описаны основные приемы, способы и пути создания юмора как когнитивно-речевого произведения (§ 2.4). С нашей точки зрения когнитивно-языковое содержание исследуемого концепта заслуживает дальнейшего углубленного изучения.

5. Изучение юмора имеет длительную историю. Первыми теоретиками были античные ученые: Демокрит, Аристотель, Платон, Цицерон, Квинтилиан, Лукиан. В Европе юмор был предметом исследования многих философов и психологов (Т. Гоббс, Ш. Монтескье, И. Кант, А. Шопенгауэр, З. Фрейд, А. Бергсон и др.). Теорией юмора занимались и русские ученые (М.М. Бахтин, Н.А. Дмитриева, А.С. Архипова, Д.П. Николаев, В.П. Москвин, В.З. Санников и др.). В Кыргызстане юмор и сатира в общем виде представлены только в трудах Х. Бапаева и К. Мамбеталиева. На основе изучения литературы нами составлена большая картотека высказываний деятелей культуры и науки о юморе и юмористических произведениях (2903 единицы), а также смешных фраз, каламбуров, анекдотов, комических сценок и т.д., которая может быть полезна для начинающих исследователей, а именно: авторов курсовых, квалификационных, магистерских и других работ.

6. Юмор многофункционален. Среди его функций мы особо выделяем и описываем контактоустанавливающую, познавательную, терапевтически-развлекательную, компенсаторскую, критикующую, санкционирующую, регулирующую, дифференцирующую, идентифицирующую функции, что тоже вносит новое в теорию юмора, поскольку в языковедческой литературе по

данному вопросу не представлен такой комплекс общих, существенных и типичных признаков.

7. Любой юмор – когнитивно-текстовое образование. Юмор обладает всеми свойствами текста как семиотической системы. Нами установлено свыше 27 признаков текста, которые в различных комбинациях и составах определяют сущность юмора как ментально-речевого произведения. В работе произведена типология юмористических текстов 1) по количеству фраз; 2) по составу субъектов-участников; 3) по характеру адресата и адресанта; 4) по отношению участников и неучастников; 5) по наличию-отсутствию темы и предмета и т.д. Определению общих и частных признаков юмора способствовал разработанный и внедренный нами двунаправленный подход «текст в юморе – юмор в тексте».

8. Любое юмористическое речевое произведение носит когнитивно-языковой характер. В нем ментальные и вербальные свойства слиты воедино и содержатся одновременно. Их невозможно отделить друг от друга. В работе определены и описаны только основные когнитивно-языковые приемы и способы создания юмора.

9. В отличие от других типов текста, юмор носит врожденный характер, дан в генетической программе человека (а также приматов и отдельных высших животных), действует в их уме, в механизмах речегенерирования, речевосприятия и поведения, вызывает у людей примитивные и относительно несложные эмоции, доставляет им удовольствие, интеллектуальное оживление и позитивное настроение (проявляемое в виде улыбки, смеха и хохота), содержит некоторый алогизм, «светящееся противоречие» и нераскрытую загадочность, позволяет говорящему и слушающему почувствовать свое превосходство над кем-то другим и интеллектуальный триумф от нахождения противоречия, парадокса или двусмысленности в юморе, служит социально-интеллектуальным оружием участников общения, возвышающим или унижающим их, защищающим или обижающим слабых, сдерживающим или активизирующим агрессию сильных. В исследовании показана зависимость

понимания, запоминания, использования, оценки и распространения юмора от ряда экстралингвистических факторов – возраста, пола, образования, профессии, культуры, национальной принадлежности, веры, времени и места проживания и т.д. участников речевого общения.

Впервые в теории юмора широко привлечены факты на кыргызском языке.

Таким образом, нами **получены важные для теории и практики юморологии результаты:**

1) определены понятийные и фреймово-сценарные свойства концепта «Юмор» суммарно отражающие его когнитивно-дискурсивную сущность; продемонстрирована специфика объективизации концепта «Юмор» в тексте;

2) показана зависимость понимания, использования и оценки юмора не только от лингвистических, но и многочисленных экстралингвистических факторов; выявлены особенности его прагматики;

3) осуществлена наиболее обоснованная классификация юмора, включающая в себя все его жанры и поджанры, типы и подтипы;

4) обосновано положение о варьированности и трансформируемости юмористических текстов в зависимости от ситуаций, индивидуально-личностного своеобразия говорящего и/или слушающего, от переводчика и специфики языка, на который они переводятся; впервые в юморологии привлечен и проанализирован фактический материал на кыргызском языке;

5) установлены основные способы преобразования юмора.

Юмор – неотъемлемый элемент человеческого духа, интеллекта, настроения, поведения и общения. Он полезен при усвоении тонкостей родного языка и специфики второго языка. Поэтому считаем, что результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе в средних и высших учебных заведениях республики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абдразакова, Е.Н.** Сопоставительный когнитивный и лингвокультурологический анализ русских, болгарских и английских анекдотов [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Абдразакова. – Тюмень, 2007. – 28 с.
2. **Абдулатов, А.А.** Паремияларды когнитивдик-педагогикалык максатта сыпаттоонун айрым проблемалары [Текст] / А.А. Абдулатов. – Ош: Б-сыз, 2006. – 149 б.
3. **Абрамов, Н.А.** Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Текст] / Н.А. Абрамов. – М.: Русские словари, 1999. – 433 с.
4. **Абрамян, Л.А.** Смех как побочный продукт и движущая сила праздника [Текст] / Л.А. Абрамян // Смех: истоки и функции. – СПб., 2002. – С. 62-75.
5. **Абыканова, Г.А.** История термина «концепт» [Текст] / Г.А. Абыканова // Вестник Бишкекск. гум. ун-та им. Х. Карасаева. – 2009. – №2 (15). – С. 144-146.
6. **Аверинцев, С.С.** Бахтин и русское отношение к смеху [Текст] / С.С. Аверинцев // От мифа к литературе. – М., 1993. – С. 341-345.
7. **Адмони, В.Г.** Генрик Ибсен. Очерк творчества [Текст] / В.Г. Адмони. 2-е изд., перераб. и доп. – Ленинград: Худож. лит., 1989. – 272 с.
8. **Айылчиева, Д.Т.** Различная трактовка учеными понятия «картина мира» [Текст] / Д.Т. Айылчиева // Сб. науч. трудов [фак-та рус. филол. Ошск. гос. ун-та]. – Вып.2. – Ош, 2010. – С. 93-98.
9. **Александрова, Е.М.** Перевод анекдота: проблема адекватности и эквивалентности [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / Е.М. Александрова. – М., 2006. – 178 с.
10. **Алефиренко, Н.Ф.** Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры [Текст] / Н.Ф. Алефиренко – М.: Academia, 2002. – 394 с.

11. **Амиралиев, С.М.** Интерпретация понятий «менталитет» и «ментальность» [Текст] / С.М. Амиралиев, Л.И. Дрофа // Вестник Ошск. гос. ун-та (Сб. работ, посвящен. юбилею проф. К. Матикеева). – 2012. – С.24-27.
12. **Амиралиев, С.М.** Концепт как термин современной лингвистики [Текст] / С.М. Амиралиев, Калмурзаева, А.А. // Сб. науч. тр. [фак-та рус. филол. Ошск. гос. ун-та]. – 2011. – Вып. 3. – С. 50-55.
13. Анекдоты и тосты [Текст]. – Воронеж: Изд-во: Воронежская областная типография, 1994. – 830 с.
14. Анекдоты со всего света [Текст]. – Таганрог: «Информатор», 1992. – 63 с.
15. Антология мирового анекдота. Всем стоять! Всем сидеть! [Текст]. – Киев – Москва: «Довира» – «Собеседник», 1995. – 365 с.
16. **Апресян, Ю.Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37-67.
17. **Апсаматова, Э.Д.** Менталитет кыргызского народа: учебное пособие. [Текст] / А.А. Айтбаев, Э.Д. Апсаматова. – Бишкек, 2013. – 124 с.
18. **Арутюнова, Н.Д.** Язык и мир человека. [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
19. **Архипова, А.С.** Ролевые структуры детских анекдотов [Текст] / А.С. Архипова // Мифология и повседневность: Тендерный подход в антропологических дисциплинах: Материалы научной конференции 19-21 февраля 2001 г. – СПб., 2001. – С. 298-338.
20. **Асеинова, С.Э.** Менталитет кыргызов в условиях глобализации [Текст] / С.Э. Асеинова // Вестник Кырг. нац. ун-та им. Ю. Баласагына. – 2014. – С. 62-65.
21. **Аскольдов С.А.** Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Академия, 1997. – С. 267-279.

22. **Бабушкин, А.П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж: изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
23. **Байбурин, А.К.** Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционных культур [Текст] / А.К. Байбурин // Советская этнография. – 1985. – №2. – С. 36-46.
24. **Банников, К.Л.** Смех и юмор в экстремальных группах (на примере некоторых аспектов доминантных отношений в современной Российской Армии) [Текст] / К.Л. Банников // Смех: истоки и функции. – СПб: Наука, 2002. – С. 174-186.
25. **Бапаев, Х.Б.** Кыргыз сатирасынын айрым маселелери: Адабий сын макалалар [Текст] / Х.Б. Бапаев – Ф.: Кыргызстан, 1981. – 132 б.
26. **Баранов, А.Н.** Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Москва: Знак, 2008. – 656 с.
27. **Баранов, А.Н.** Иллокутивное вынуждение в структуре диалога [Текст] / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84-99.
28. **Барский, Л.А.** Это просто смешно! или Зеркало кривого королевства / Анекдоты: системный анализ, синтез, классификация [Текст] / Л.А. Барский.– М., Изд-во: Х.Г.С., 1992. – 304 с.
29. **Бартмицкий, Е.** Этноцентризм стереотипа: Польские и немецкие студенты о своих соседях [Текст] / Е. Бартмицкий // Славяноведение. – М., 1997. – № 1. – С. 12-24.
30. **Бартмицкий, Е.** Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике [Текст] / Е. Бартмицкий.– М.: Индрик, 2005. – 528 с.
31. **Бахтин, М.М.** Проблема речевых жанров [Текст] / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С.250-296.
32. **Бергсон, А.** Творческая эволюция. Материя и память [Текст] / А. Бергсон. – Мн.: Харвест, 1999. – 1408 с.

33. **Бижева, З.Х.** Антропоцентризм культуры – антропоцентризм языка [Текст] / З.Х. Бижева // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. – Казань, 2004. – С. 207-208.
34. **Болдырев, Н.Н.** Когнитивная семантика [Текст] / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. универ-та, 2000. – 123 с.
35. **Болдырев, Н.Н.** Концепт и значение слова [Текст] / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание: под ред. И.А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С.25-36.
36. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 688
37. **Борев, Ю.Б.** Эстетика: монография [Текст] / Ю.Б. Борев. – М.: Политиздат, 1988. – 496 с.
38. **Бутешова, А.Р.** Использование ассоциативного эксперимента при изучении языкового сознания русских и кыргызов (на примере слова «жизнь») [Текст] / А.Р. Бутешова // Жизнь и язык в динамике. – Б., 2011. – С.124-128.
39. **Вайсгербер, Й.Л.** Родной язык и формирование духа [Текст] / Й.Л. Вайсгербер. – М.: Едиториал УРСС, 1993. – 232 с.
40. **Вартанян, В.Л.** Фрагменты психолингвистической теории юмора [Текст]. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Л. Вартанян. – М., 1994. – 20 с.
41. **Вежбицкая, А.** Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики [Текст] / А.Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Яз. славян. культуры, 2001. – 272 с.
42. **Ветров, А.А.** Семиотика и ее основные проблемы [Текст] / А.А. Ветров. – М.: Политиздат, 1968. –264 с.
43. **Витгенштейн, Л.** Философские работы [Текст] / Л. Витгенштейн. Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
44. **Воркачев, С.Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. №1. – С. 64-72.

45. **Воркачев, С.Г.** Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / С.Г. Воркачев. – М.:Гнозис, 2004. – 192 с.
46. **Вулис, А.З.** В лаборатории смеха [Текст] / А.З. Вулис. – М.: Художественная литература, 1966. – 150 с.
47. **Гальперин, И.Р.** Очерки по стилистике английского языка [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 462 с.
48. **Гальперин, И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
49. **Гаузенблас, К.** Культура языковой коммуникации [Текст] / К. Гаузенблас// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. – М., 1988. – С. 296-306.
50. **Георгиевский, А.Б.** Нога Бога. Юмор – эликсир жизни [Текст] / А.Б. Георгиевский. – «Издательские решения», 2019. – 367 с.
51. **Герц, Г.** Три картины мира [Текст] / Г. Герц // Новые идеи в философии. Сб. 11: Теория познания и точные науки. – СПб., 1914. – С. 65-123.
52. **Глинка, К.** Теория юмора / К. Глинка // Стихи, пародии, эпиграммы / Игорь Южанин [Электронный ресурс: URL: http://culturolog.ru/component/option,com_adsmanager/page,show_ad/adid,76/catid,1/Itemid,17/] – М., 2008. – 206 с.
53. **Голобородько, А.Ю.** Когнитивная обусловленность порождения и языкового выражения комического смысла анекдота как единицы диалогического дискурса [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Ю. Голобородько. – Таганрог, 2002. – 26 с.
54. **Гридина, Т.А.** Языковая игра: Стереотип и творчество [Текст] / Т.А. Гридина // Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.
55. **Гришаева, Л.И.** Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума [Текст] / Л.И. Гришаева // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск: изд-во ОмГУ, 1998. – С. 107-118.

56. **Гуськова, А.П.** Популярный словарь русского языка [Текст]: Толково-энцикл. / А.П. Гуськова, Б.В. Сотин. – М.: Рус. яз. – медиа, 2003. – 869 с.
57. **Дарбанов, Б.Е.** Концептуальная, языковая и национальная картина мира при речевосприятии [Текст] / Б.Е. Дарбанов // Социально-гуманитарные науки. – 2011. – № 8. – С. 172-177.
58. **Дарбанов, Б.Е.** Проблемы теории речевосприятия (на материале лингвоэтнокультурного пространства Кыргызстана) [Текст]: Автореф. дис.... д-ра филол. наук / Б.Е. Дарбанов. – Бишкек, 2013. – 44 с.
59. **Дарбанов, Б.Е.** Типичные трудности, возникающие при восприятии русскоязычной речи в кыргызской аудитории [Текст] / Б.Е. Дарбанов // Известия ВУЗов. – 2009. – № 8. – С. 160-163.
60. **Демьянков, В.З.** Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 17-34.
61. **Дербишева, З.К.** Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры [Текст] / З.К. Дербишева.– Бишкек: [б. и.], 2012. – 176 с.
62. **Дербишева, З.К.** Этноязыковое своеобразие концепта «движение» в русском, английском и кыргызском языках [Текст] / З.К. Дербишева // Рус.яз. за рубежом. – 2009. – №4. – С. 81-86.
63. **Дербишева, З.К.** Язык и этнос [Текст] / З.К. Дербишева. – М.: Флинта, 2017. – 256 с.
64. **Дземидок Б.** О комическом [Текст] / Дземидок Богдан. – М.: Прогресс, 1974. – 224 с.
65. **Дмитриев, А.В.** Смех. Социофилософский анализ [Текст] / А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. – М.: Альфа-М, 2005. – 591 с.
66. **Дмитриев, А.В.** Социология политического юмора [Текст] / А.В. Дмитриев. - М.: РОССПЭН, 1998. – 332 с.
67. **Дмитриев, А.В.** Социология юмора: Очерки [Текст] / А.В. Дмитриев. – М.: ОФСПП РАН, 1996. – 214 с.

68. **Дмитриева, Н.А.** Эвристическая роль юмора [Текст] / А.В. Дмитриев. – Театр, 1977. – №1. – С. 118.
69. **Дрофа, Л.И.** Ключевые понятия когнитивной лингвистики [Текст] / Л.И. Дрофа. – Ош, 2009. – 97 с.
70. **Дусматов, Х.** Аския матни лингвистикаси [Текст]: монография / Х. Дусматов. – Ташкент: Фан, 2015. – 224 с.
71. **Егорова, М.А.** Юмор как причина неуспешного диалогического общения [Текст] / М.А. Егорова // Символ науки. – Уфа: Изд-во «ОМЕГА САЙНС». – С. 147-149.
72. **Ельмслев, Л.** Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев // Зарубежная лингвистика в 3 т. – М.: Прогресс, 1999. – Т.1. – 131-256 с.
73. **Жданова, Л.А.** «Культурное слово» милосердие [Текст] / Л.А. Жданова, О.Г. Ревзина // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., Наука, 1991. – С.56-61.
74. **Жусупова, А.А.** Типы картин мира [Текст] / А.А. Жусупова // Высшая школа Казахстана. – Алматы, 2012. – №4. – С. 118-121.
75. **Залевская, А.А.** Психологический подход к проблеме концепта [Текст] / А.А. Залевская // Методические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж. 2001. – С. 36-44.
76. **Зализняк, А.** Юмор и остроумие в европейской культурной перспективе // Логический анализ языка: языковые механизмы комизма [Текст] / А. Зализняк // Российская акад. наук, Ин-т языкознания, отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2007. – С.550-559.
77. **Зиждервельд, А.С.** Социология юмора [Текст] / А.С. Зиждервельд // Смех: истоки и функции. – СПб.: Наука, 1983.– С. 49.
78. **Зограф, И.Т.** Официальный вэньянь [Текст] / И.Т. Зограф. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 344 с.
79. **Золотарева, С.А.** Ирония как деструкция знака // Русский язык и активные процессы в современной речи [Текст] / С.А. Золотарева // Материалы

Всероссийской научно-практической конференции. – Москва-Ставрополь, 2003. – С. 355-358.

80. **Зотов, С.В.** Ментальность Российской цивилизации [Текст] / С.В. Зотов. – М., 1998. – С. 73.

81. **Зулпукаров, К.З.** Введение в китайско-кыргызское сравнительное языкознание [Текст] / К.З. Зулпукаров. – Бишкек: Бийиктик, 2016. – 768 с.

82. **Зулпукаров, К.З.** О билингвальной когнитивно-дискурсивной модели морфемики и словообразования (К выходу в свет новой книги проф. Тагаева М.Дж.) [Текст] / К.З. Зулпукаров // Рус. яз. и лит. в школах Кыргызстана. – 2005. – №1. – С. 58-63.

83. **Зулпукаров, К.З.** Отражение этнического менталитета в теологических концептах [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.А. Калмурзаева, С.С. Сейитбекова // Сб. науч. трудов фак-та рус. фил. Ошск. гос. ун-та. Вып.2. – Ош, 2010. – С. 7-18.

84. **Зулпукаров, К.З.** Падежная грамматика: теория и прагматика [Текст] / К.З. Зулпукаров. – СПб.; Ош: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена: Ош. гос. ун-т, 1994. – 317 с.

85. **Зулпукаров, К.З.** Слово как средоточие лингвоэтнокультурных концептов [Текст] / К.З. Зулпукаров // Вестник Кырг. нац. ун-та им. Ю. Баласагына. – 2014. – С. 246-254.

86. **Ибрагимов, С.И.** Лингвокультурология – тилдик маданият таануу [Текст] / С.И. Ибрагимов. – Б., 2004. – 201 б.

87. **Иванов, В.М.** Явление эквивокации в дискурсе анекдота в современном немецком языке [Текст]: дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / В.М. Иванов. –Иркутск, 1999. – 135 с.

88. **Иметов, Б.** «Тамаша: тамашалар, аңгемелер, мыскылдар, анекдоттор, шакабалар, афоризмдер» [Текст] / Б. Иметов. – Ош, 2004. – 180 б.

89. **Кадырбекова, П.К.** Лингвокультурологические и лингвокогнитивные аспекты межкультурной коммуникации [Текст] / П.К. Кадырбекова – Б.: КНУ, 2012. – 419 с.

90. **Калмурзаева, А.А.** Концепт «Бог-Кудай» в провербиально-религиозной картине мира [Текст] / А.А. Калмурзаева, С.С. Сейитбекова, К.З. Зулпукаров // Сб. науч. труд. фак-та рус. филол. Ошск. гос. ун-та. Вып. 2. – Ош, 2010. – С. 19-30.
91. **Камбаралиева, У.Дж.** Основы сопоставительного изучения лексики русского и кыргызского языков [Текст] / У.Дж. Камбаралиева – Бишкек: Эркин Тоо, 2004. – 212 с.
92. **Камбаралиева, У.Дж.** Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира [Текст] / У.Дж. Камбаралиева – Бишкек: [б.и.], 2013. – 490 с.
93. **Камбаралиева, У.Ж.** Когнитивдик тил илими [Текст] / У.Ж. Камбаралиева – Бишкек, 2019. – 324 б.
94. **Караева, З.К.** Грамматические и прагматические трудности перевода [Текст]: Учебное пособие / З.К. Караева. – Бишкек, 1997. – 43 с.
95. **Караева, З.К.** Перевод и семиотика [Текст] / З.К. Караева. – Бишкек, 2000. – 365 с.
96. **Карасев, Л.В.** Парадокс о смехе [Текст] / Л.В. Карасев // Вопросы философии. – 1989. – № 5. – С.47-65.
97. **Карасев, Л.В.** Философия смеха [Текст] / Л.В. Карасев. - М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1996. – 224 с.
98. **Карасик, В.И.** Этнокультурные типы институционального дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. - Волгоград, Архангельск, 1996. - С. 37-64.
99. **Карасик, В.И.** Анекдот как предмет лингвистического изучения [Текст] / В.И. Карасик // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 144-153.
100. **Карасик, В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
101. **Караулов, Ю.Н.** Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности [Текст] / Ю.Н. Караулов // Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева

Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. – М., 1994. – С. 190-218.

102. **Карпов, Л.П.** Междометия русского языка и их синтаксические функции [Текст] / Л.П. Карпов // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1971. – 25 с.

103. **Кильдибекова, Т.А.** Основные направления когнитивного описания языка [Текст] / Т.А. Кильдибекова // Теория поля в современном языкознании. – Часть 5. – Уфа, 1999. – С. 11-15.

104. **Кодухов, В.И.** Общее языкознание [Текст] / В.И. Кодухов. Изд. 6-е. – М.: ИРСС, 2013. – 302 с.

105. **Козинцев, А.Г.** Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этюды о щекотке) [Текст] / А.Г. Козинцев // Смех: истоки и функции. – СПб: Наука, 2002. – С. 5-43.

106. **Колен, Ж.** Стереотипы в общественном сознании (Социально-философские аспекты) [Текст] / Ж. Колен. – М.: ИНИОН АН СССР, 1988. – С. 32.

107. **Колесов, В.В.** О логике логоса в сфере ментальности [Текст] / В.В. Колесов // Мир русского слова. – 2000. – №2. – С. 52-59.

108. **Колесов, В.В.** Русская ментальность в языке и тексте [Текст] / В.В. Колесов. – СПб: Петербургское востоковедение, 2006. – 624 с.

109. Коллекция анекдотов [Текст]. – Минск: Беларусь кшгазбор, 1997. – 223 с.

110. **Кон, И.С.** Психология предрассудка (О социально–психологических корнях этнических предубеждений) [Текст] / И.С. Кон // Новый мир. – М., 1966. – № 9. – С. 187-205.

111. **Кондратьева, О.Н.** Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов душа, сердце, ум) [Текст]: Автореферат диссертации ... канд. филол. наук [Текст] / О.Н. Кондратьева. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.

112. **Косериу, Э.** Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) [Текст] / Э. Косериу // Новое в лингвистике / под ред. В.А. Звегинцева. – М. : Изд-во иностр. лит., 1963. – Вып. 3. – С. 142-343.
113. **Кошарная, С.А.** Миф и язык [Текст] / С.А. Кошарная. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2002. – 287 с.
114. **Кравченко, А.В.** О традициях языкознания и когнитивном подходе [Текст] / А.В. Кравченко // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – М., 2009. – С. 51-60.
115. **Красных, В.В.** Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология [Текст] / В.В. Красных. Курс лекций. – М., ИТДГК Гнозис, 2002. – 284 с.
116. **Красовский, Н.А.** Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография [Текст] / Н.А. Красовский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
117. Краткий политический словарь [Текст] / [В.П. Абаренков, А.Г. Аверкин и др.]. – М.: Политиздат, 1987. – 509 с.
118. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. – М.: Филол. фак. МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996. – 245 с.
119. **Кубрякова, Е.С.** Начальные этапы становления когнитивизма: Лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 34-47.
120. **Кубрякова, Е.С.** Языковое сознание и языковая картина мира (к постановке проблемы) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Филология и культура. – Часть 1. – Тамбов, 1999. – С. 6-13.
121. **Куприева, И.А.** Лингвокультурологические аспекты языковой репрезентации ментальных культур [Текст] / И.А. Куприева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4(11). – С. 105-108.
122. **Курганов, Е.** Похвальное слово анекдоту [Текст] / Е. Курганов. – СПб.: Изд. журнала «Звезда», 2001. – 288 с.

123. Кыргыз тилинин сөздүгү [Текст] / А. Акматалиевдин жалпы редакциясы астында. – Бишкек: Avrasyapress, 2010. – 1460 б.
124. **Лазариди, М.И.** Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект [Текст] / М.И. Лазариди. – Бишкек, 2011. – 356 с.
125. **Лакофф, Дж.** Лингвистические гештальты [Текст] / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350-368.
126. Лингвопоэтика менен лингвопаремиологиянын орчундуу маселелери [Текст] / К. З. Зулпукаров, С. Б. Эргешова, А. А. Абдулатов [и др.]. – Бишкек: [б-сыз], 2018. – 828 с.
127. Лингвистический антропоцентризм: проблемы, поиски и решения [Текст] / [К.З. Зулпукаров, Е.Н. Мурадымова, Р.К. Ормокеева и др.]. – Бишкек, 2019. – 743 с.
128. **Липпман, У.** Общественное мнение [Текст] / пер. с англ. Т.В. Баргунова / под ред. К.В. Петренко / Липпман У. – М.: Институт фонда “Общественное мнение”, 2004. – 384 с.
129. Литература [Текст]: справочные материалы: книга для учащихся / С.В. Тураев, Л.И. Тимофеев, К.Д. Вишневский и др. – М.: Просвещение, 1989. – 335 с.
130. **Лихачев, Д.С.** Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Русская словесность: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.
131. **Лихачев, Д.С.** Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Известия РАН, Серия литературы и языка. Т. 52. – М, 1993. - №1 – С. 3-9.
132. **Лосева, Л.М.** Как строится текст [Текст]: Пособие для учителей / Л. М. Лосева; Под ред. Г.Я. Солганика. – М.: Просвещение, 1980. – 96 с.
133. **Лук, А.Н.** Юмор, остроумие, творчество [Текст] / А.Н. Лук. – М.: «Искусство», 1977. – 183 с.

134. **Лук, А.Н.** О чувстве юмора и остроумии [Текст] / А.Н. Лук. – М.: Искусство, 1968. – 191 с.
135. **Ляпин, С.Х.** Концептология: К становлению подхода [Текст] / С.Х. Ляпин // Концепты. Вып. 1. – Архангельск, 1997. – С. 11-35.
136. **Мадмарова, Г.А.** Проявление национального менталитета через призму языка [Текст] / Г.А. Мадмарова // Вестник Ошск. гос. ун-та. – Ош, 2014. – №3. – С. 119-124.
137. **Мадмарова, Г.А.** Межкультурные концепты в тексте художественного произведения [Текст] / Г.А. Мадмарова // Монография. – Б., 2017. – 392 с.
138. **Мамбеталиев, К.** Сатира и юмор в кыргызской литературе [Текст] / К. Мамбеталиев. – Б.: Алтын принт, 2011. – 276 с.
139. **Манликова, М.Х.** Этнокультуроведческая лексикография: научные основы, сопоставления и развития [Текст] / М.Х. Манликова. – Б.: [б.и.], 2006. – 516 с.
140. **Маразыков, Т.С.** Текст таануу жана анын айрым маселелери [Текст] / Т.С. Маразыков. – Б., 2005. 1-китеп. – 174 б.
141. **Марченко, Е.И.** Сопоставительный анализ ключевых концептов кыргызской и русской лингвокультур (на основе семантико-когнитивного анализа паремиологических выражений) [Текст] / Е.И. Марченко // Вестник Ошск. гос. ун-та. – 2013. – №2. – С.55-58.
142. **Маслова, В.А.** Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / В.А. Маслова. – 3-е изд., исправ. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 269 с.
143. **Маслова, В.А.** Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова.: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
144. **Маслова, В.А.** Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – Изд. 4-е. – М.: Академия, 2010. – 204 с.
145. **Мельникова, А.А.** Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности [Текст] / А.А. Мельникова. – СПб.: Издательство Речь, 2003. – 320 с.

146. **Мельниченко, М.** Советский анекдот (Указатель сюжетов) [Текст] / М.Мельниченко. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 1104 с.
147. **Минский, М.И.** Остроумие и логика когнитивного бессознательного [Текст] / М.И. Минский // Когнитивные аспекты языка. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М., 1988. – С. 281-309.
148. **Минчин, Б.М.** Деякі питання теорії комічного [Текст] / Б.М. Минчин. – Киев: Изд-во АН УССР, 1959. – 240 с.
149. **Монолбаев, Т.Ш.** Калем саптагы шишкебек. Сатира жана юмор: Саясий тамсилдер-памфлеттер, достук азилдер, тамашалар, жанытмалар, арноолор, такмазалар [Текст] / Монолбаев. – Ош, 2012. – 152 б.
150. **Моррис, Ч.** Основания теории знаков [Текст] / Ч. Моррис // Семиотика. – М., 1983. – С. 38-89.
151. **Мостицкий, И.** Универсальный дополнительный практический толковый словарь [Текст] / И. Мостицкий. – М.: Азбуковник, 2002. – 237 с.
152. **Мукамбаев, Ж.** Эл ичи – өнөр кенчи [Текст] / Ж. Мукамбаев. – Ф.: Кыргызстан, 1982. – 239 б.
153. **Мусаев, С.Ж.** Кыргыз тил илиминин маселелери – Вопросы кыргызского языкознания [Текст] / С.Ж. Мусаев. – Бишкек, 2010. – 756 б.
154. **Налчаджян, А.А.** Этнопсихология [Текст] / А.А. Налчаджян. – СПб.: Питер, 2004. – 381 с.
155. **Низамиев, А.Г.** Учкул-кычкыл сөздөр [Текст] / А.Г. Низамиев. – Ош, 2015. – 32 б.
156. **Никитина, С.Е.** Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре [Текст] / С.Е. Никитина // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 34-41.
157. **Николаев, Д.** Смех – оружие сатиры [Текст] / Д. Николаев. – М.: Искусство, 1962. – 223 с.
158. **Оданова, С.А.** Изучение проблемы языковой личности в антропоцентрических исследованиях [Текст] / С.А. Оданова // Язык, культура,

этнос: к 65-летнему юбилею проф. З.К. Дербишевой. – Бишкек – Санкт-Петербург, 2017. – С. 346-353.

159. **Ожегов, С.И.** Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: «А ТЕМП», 1984. – 896 с.

160. **Ормокеева, Р.К.** Понятия «эмоциональный концепт» и «эмоциоонцептосфера» [Текст] / Р.К. Ормокеева // Известия вузов Кыргызстана. – 2016. – № 2. – С. 216-219.

161. **Өмүралиева, С.** Текст: семантика, структура [Текст] / С. Өмүралиева. – Бишкек: Б-сыз. 2002. – 233 б.

162. **Павиленис, Р.И.** Проблемы смысла: Современный логико-философский анализ языка [Текст] / Р.И. Павиленис. – М.: Наука, 1983. – 286 с.

163. **Панина, М.А.** Комическое и языковые средства его выражения [Текст] / М.А. Панина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 22 с.

164. **Петренко, М.С.** Современный анекдот в текстовом, жанровом и дискурсивном аспектах [Текст] / М.С. Петренко // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2004. – 24 с.

165. **Петров, М.А.** Особенности перевода трансформированных фразеологических единиц [Текст] / М.А. Петров // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2016, №05 (19-2). – С. 65-70.

166. **Пименова, М.В.** Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе [Текст] / М.В. Пименова // Ментальность и язык: Коллективная монография / Под ред. М.В. Пименовой. Серия «Концептуальные исследования». – Кемерово, 2006. Вып. 7. – С. 16-61.

167. **Пищальникова, В.А.** История и теория психолингвистики [Текст] / В.А. Пищальникова. Ч.2. Этнопсихолингвистика. – М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2007. – 228 с.

168. **Пищальникова, В.А.** Общее языкознание [Текст] / В.А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – 240 с.

169. **Поддубная, Н.Н.** Приемы и средства создания комического эффекта в шванке российских немцев [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Поддубная. – Барнаул, 2012. – 173 с.
170. **Попова, З.Д.** Концептосфера и картина мира [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык и национальное сознание. – Вып.3. Воронеж, 2002. – С. 4-8.
171. **Попова, З.Д.** Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314, [6] с.
172. **Попова, З.Д.** Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 192 с.
173. **Попова, З.Д.** Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.
174. **Пропп, В.Я.** Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре [Текст] / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1999. – 285 с.
175. **Прохоров, Ю.Е.** В поисках концепта [Текст] / Ю.Е. Прохоров – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.
176. Психологическая энциклопедия [Текст] / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха; Пер. с англ. А.А. Алексеева. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 1094 с.
177. **Рахилина, Е.В.** Когнитивная лингвистика: История, персоналии, идеи, результаты [Текст] / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. – Вып. 36. – М., 1998. – С. 278-321.
178. **Рудакова, А.В.** Когнитология и когнитивная лингвистика [Текст] / А.В. Рудакова – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.
179. **Руднев, В.П.** Прагматика анекдота [Текст] / В.П. Руднев // Даугава, 1990. – № 6. – С. 99-102.
180. Русский язык: энциклопедия [Текст] / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997. – 721 с.
181. Русско-кыргызский словарь: в 4-х томах [Текст] / Отв. ред. З.К. Дербешева. том I. А-И. – Бишкек: Avrasyapress, 2012. – 752 с.; том II. К-О. –

Бишкек: Avrasyapress, 2012. – 734 с.; том III. П-Р. – Бишкек: Avrasyapress, 2012. – 648 с.; том IV. С-Я. – Бишкек: Avrasya press, 2012. – 692 с.

182. **Рыжков, В.А.** Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности [Текст] / В.А. Рыжков // Языковое сознание: стереотипы и творчество. – М., 1988. – С. 15-23.

183. **Рыжова, С.В.** Установки этнического самосознания русских [Текст] / С.В. Рыжова // Конфликтная этничность и этнические конфликты. – М.: Аспект Пресс, 1994 – С. 117-118.

184. **Рюмина, М.Т.** Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность [Текст] / М.Т. Рюмина. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 320 с.

185. **Сабиралиева, З.М.** Междометия как основа грамматического анекдота [Текст] / З.М. Сабиралиева // Вестник Ошск. гос. ун-та. Выпуск I, №4. – Ош, 2012. – С. 132-135.

186. **Сабиралиева, З.М.** Роль местоимений в создании юмора [Текст] / З.М. Сабиралиева // Вестник Кырг. нац. ун-та им. Ж. Баласагына. – 2014. – Спец. выпуск. – С. 81-86.

187. **Сабиралиева, З.М.** Характеристика концепта «Юмор» в русской лингвокультуре [Текст] / З.М. Сабиралиева. Сб. науч. трудов [фак-та рус. филол. Ошск. гос. ун-та]. – Вып.2. – Ош, 2010. – С. 48-51.

188. **Сабитова, З.К.** Лингвокультурология [Текст]: Учебник / З.К. Сабитова. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 528 с.

189. **Салихова, Н.К.** Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема иронии (на материале английской и американской художественной литературы XVIII–XIX вв.) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.К. Салихова. – М., 1976. – 24 с.

190. **Самудинов, Т.** Эпиграммалар, пародиялар [Текст] / Т. Самудинов. – Б.: «Учкун», 2008. – 216 б.

191. **Санников, В.З.** Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней [Текст] / В.З. Санников. – М.: Аграф, 2003. – 560 с.

192. **Комлев, Н.Г.** Словарь иностранных слов [Текст]. / Н.Г. Комлев. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – 1308 с.
193. Словарь синонимов ASIS. В.Н. Тришин. 2013. [Электронный ресурс. URL:<http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-209-17.htm#zag-27620> 2]
194. Словарь синонимов русского языка [Текст]: В двух томах. Том I. – М.: Наука, 1970. – 680 с.; Том II. – М.: Наука, 1971. – 856 с.
195. **Слышкин, Г.Г.** Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г.Г. Слышкин. – Воронеж, 2004. – 35 с.
196. **Сорокин, Ю.А.** Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий [Текст] / Ю.А. Сорокин // Общение: Теоретические и прагматические проблемы. – М., 1978. – С. 133-138.
197. **Сталин, И.В.** Сочинения в 13 томах [Текст] / И.В. Сталин. Т.13: Июль 1930 – январь 1934 гг. – М.: Политиздат, 1951. – 423 с.
198. **Степанов, Ю.С.** Французская стилистика [Текст] / Ю.С. Степанов – М.: Высшая школа, 1965. – 355 с.
199. **Степанов, Ю.С.** Концепты. Тонкая пленка цивилизации [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
200. **Стернин, И.А.** Основные направления и перспективы развития когнитивных исследований в Кыргызстане [Текст] / И.А. Стернин, М.Дж. Тагаев, У.Дж. Камбаралиева // Кыргызский и русский языки: Горизонты взаимодействия. – Бишкек, 2015. – С.30-42.
201. **Стернин, И.А.** Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе реализаций. Когнитивный аспект [Текст] / И.А. Стернин. – Вып.2. – Тамбов, 1999. – С.69-75.
202. **Стефаненко, Т.Г.** Социальные стереотипы и межэтнические отношения [Текст] / Т.Г. Стефаненко // Общение и оптимизация совместной деятельности. – М.: МГУ, 1987. – С. 242-250.
203. **Сурина, В.Н.** Понятие концепта и концептосферы [Текст] / В.Н. Сурина // Молодой ученый. – 2010. – №5. Т.2. – С. 43-46.

204. **Сыдыков, А.Н.** Этнолингвистическая специфика лексики кыргызского и русского языков [Текст]: Дис... д-ра филол. наук / А.Н. Сыдыкова. – Б., 2013. – 299 с.
205. **Сычев, А.А.** Природа смеха или Философия комического [Текст] / А.А. Сычев. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 176 с.
206. **Тагаев, М.Дж.** Полипарадигмальное описание морфемики и словообразования [Текст] / М.Дж. Тагаев. – Бишкек: КРСУ, 2004. – 282 с.
207. **Тагаев, М.Дж.** Когнитивные подходы к лингвистическому описанию русского словообразования в учебных целях [Текст] / М.Дж. Тагаев // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. – Том 2. – Бийск, 2004. – С.113-121.
208. **Тагаев, М.Дж.** Концепт как единица межъязыкового сопоставления и вхождения в инокультурное деривационное пространство [Текст] / М.Дж. Тагаев // Актуальные проблемы современного словообразования: материалы междунар. науч. конф. – Кемерово, 2008. Вып. 2. – С. 221-225.
209. **Тагаев, М.Дж.** Морфемно-словообразовательная концептосфера как дискурсивно–семантическое поле смыслопорождения [Текст] / М.Дж. Тагаев // Весник Віцебскага дзяржа нага універстэта імя П.М. Машэрава / Навуковы часопіс. – 2004. – № 4(34). – С. 64-69.
210. **Тамберг, Ю.Г.** Как развить чувство юмора [Текст] / Ю.Г. Тамберг. – М.: Флинта, 2005. – 272 с.
211. **Телия, В.Н.** Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173-203.
212. **Темиркулова, Ы.А.** Концепт в сопоставительных исследованиях русского и кыргызского языков [Текст] / Ы.А. Темиркулова, Э.К. Муратова, С. Атагельди кызы // Вестник Ошск. гос. ун-та. Индия и Кыргызстан: взаимодействие цивилизаций. Часть I. – Ош, 2008. – С. 159-161.
213. **Тентимишова, А.К.** Картина мира и языковая картина мира [Текст] / А.К. Тентимишова // Научные исследования: от теории к практике: сборник

материалов VIII Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2016. – № 2-2 (8). – С. 48-53.

214. **Тентимишова, А.К.** Концепт и концептосфера в исследованиях ученых лингвистов / А.К. Тентимишова // Научно-методический журнал «Концепт». – 2016. – № 17. – С. 226-230.

215. **Тер-Минасова, С.Г.** Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова – М.: Слово, 2000. – 262 с.

216. **Титова, Л.И.** Кыргызско-русский ассоциативный словарь [Текст] / Л.И. Титова. – Ф.: Мектеп, 1975. – 96 с.

217. **Токарев, Г.В.** Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере «трудовая деятельность») [Текст] / Г.В.Токарев. – Тула: Изд-во ТулГПУ, 2000. – 92 с.

218. Толковый словарь русского языка [Текст] / Под ред. Д.Н.Ушакова. Т. 1: А – Кюрины. – М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»: ОГИЗ, 1935. – 1562 стб.; том 4: С – Ящурный. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – 1502 стб.

219. **Толстая, С.М.** Стереотип в этнолингвистике [Текст] / С.М. Толстая // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы конференции. – М., 1995. – С. 124-127.

220. **Толстой, Н.И.** Язык и народная культура: Очерки по славянской филологии и этнолингвистике [Текст] / Н.И. Толстой. – М.: Наука, 1995. – 310 с.

221. **Төлөкова, Э.Т.** Тил бирдиктерин когнитивдүү лингвистиканын чегинде анализдөө [Текст] / Э.Т.Төлөкова // И.Арабаев атындагы КМУнун жарчысы. – 2011. – № 3-2. –128-131-бб.

222. **Тулеева, Ч.С.** К вопросу языкового выражения эмоций отражение национального менталитета (на материале междометий) [Текст] / Ч.С. Тулеева // Язык, культура, этнос: к 65-летнему юбилею проф. З.К. Дербишевой. – Бишкек – Санкт-Петербург, 2017. – С. 304-311.

223. **Тульпе, И.А.** Анекдот как антидот для отравленных жизнью. Анекдот как феномен культуры [Текст] / И.А. Тульпе // Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С.131-139.

224. **Феоктистова, Е.Е.** Некоторые проблемы перевода этнических анекдотов [Текст] / Е.Е. Феоктистова // Вестник Нижегородск. государ. лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2009. – № 5. – С. 85-89.

225. **Ушкалова, М.В.** К вопросу о классификации каламбура [Электронный ресурс] / М.В. Ушкалова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 3 (27), Курск, 2013. – Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/pdf/031-014.pdf> (0,37 п.л.).

226. **Фрейд, З.** Остроумие и его отношение к бессознательному [Текст] / З. Фрейд; пер. с нем. и коммент. Я. Коган. – СПб.: Алетейя, 1998. – 309 с.

227. **Фрейд, З.** Психология бессознательного [Текст] / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1989. – 400 с.

228. **Фролов, В.В.** О советской комедии [Текст] / В.В. Фролов. – М: "Искусство", 1954. – 337 с.

229. **Фролова, О.Е.** Евреи в сознании современного русского обывателя / О. Е. Фролова // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга. М, 2003. С. 226-247.

230. **Хроленко, А.Т.** Основы лингвокультурологии [Текст]: Учеб. пособие / А.Т. Хроленко; ред. В.Д. Бондалетов. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 181 с.

231. **Хэллидей, М.А.К.** Место «функциональной перспективы предложения» в системе лингвистического описания [Текст] / М.А.К. Хэллидей // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1979. – Вып. 9. – С. 138-149.

232. **Цицерон, М.Т.** Три трактата об ораторском искусстве [Текст] / М.Т. Цицерон; под ред. М.Л. Гаспарова. – М.: Ладомир, 1994. – 475 с.

233. **Чернейко, Л.О.** Лингвофилософский анализ абстрактного имени [Текст] / Л.О. Чернейко. – М.: Московский университет, 1997. – 320 с.
234. **Шаманова, М.В.** Национальная специфика отражения концепта «общение» в лексико-фразеологической системе языка [Текст] / М.В. Шаманова // Язык и сознание. – Вып. 2. – Воронеж, 1999. – С. 52-54.
235. **Шамне, Н.Л.** Актуальные проблемы межкультурной коммуникации [Текст] / Н.Л. Шамне. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – 206 с.
236. **Шанский, Н.М.** Краткий этимологический словарь русского языка [Текст] / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.
237. **Шахарман, А.П.** Изучения понятия «дискурс» [Текст] / А.П. Шахарман // Школа мысли. Альманах гуманитарного знания. – Новосибирск, 2010. – № 9. – С. 78-81.
238. **Шаховский, В.И.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале английского языка) [Текст]: Автореф. дис.... д-ра филол. наук / В.И. Шаховский. – М., 1988. – 40 с.
239. **Шейман, Л.А.** Ассоциативный словарь этнолексики в системе учебного приобщения в русской литературе [Текст] / Л.А. Шейман // Рус.яз. и лит. в кирг. шк. – 1990. – №3. – С. 1-5.
240. **Шейман, Л.А.** К проблеме межэтнокультурной интерференции [Текст] / Л.А. Шейман // Психолингвистика и межкультурное взаимодействие. – М., 1991. – С.330-331.
241. **Шейман, Л.А.** О «национальных картинах мира» и об их значении для курса русской литературы в нерусских школах [Текст] / Л.А. Шейман // Вопросы преподавания русского языка и литературы в кыргызской школе. – Вып. 6. – Ф.: Мектеп, 1976. – С. 37-103.
242. **Шейман, Л.А.** Этнокультуроведение: Педагогическое сопряжение языков и культур [Текст] / Л.А. Шейман: в 2-х частях. – Часть I. – Бишкек, 2013. – 305 с.; Часть II. – Бишкек, 2013. – 306 с.

243. **Шихирев, П.Н.** Исследование стереотипа в американской социологической науке [Текст] / П.Н. Шихирев // Вопросы философии. – 1971. – №5. – С. 168-175.

244. **Шмелева, Е.Я.** Русский анекдот. Текст и речевой жанр [Текст] / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.

245. **Шмелева, Е.Я.** Семейный миропорядок сквозь призму русского анекдота [Текст] / Е.Я. Шмелева // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: «Индрик» 2003. – С. 191-201.

246. **Шопенгауэр, А.** О четвероюм корне... Мир как воля и представление. Критика кантовской философии: в 2-х т. [Текст] / А.О. Шопенгауэр. – М.: Наука, 1993. Т. 1. – 672 с.

247. **Щербак, А.М.** Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол) [Текст] / А.М. Щербак. – Ленинград «Наука», 1981. – 184 с.

248. **Эйгес, И.** Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / И. Эйгес; под редакцией Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. – М., 1925. [Электронный ресурс] URL: [<http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-b112.htm>].

249. **Эльсберг, Я.Е.** Вопросы теории сатиры [Текст] / Я.Е. Эльсберг – М.: Сов. писатель, 1957. – 427с.

250. **Эргешева, С.Б.** Паремияларда антонимдик концепттер аркылуу тилдик дүйнө сүрөтүнүн жана менталдык пропозициянын берилиши [Текст]: автореф. дис.... канд. филол. наук / С.Б. Эргешева. – Б., 2010. – 19 с.

251. **Эшманова, С.К.** Тексттеги кайталоо конфигурациясы [Текст]: филол. ил-н канд. ... автореф. / С.К. Эшманова. – Бишкек, 2017. – 26 с.

252. **Юдахин, К.К.** Кыргызско-русский словарь [Текст] / К.К. Юдахин. В двух книгах. Около 40 000 слов. Ф.: КСЭ, 1985. Кн. 1. А – К. 504 с. Кн. 2. Л – Я. Ф.: КСЭ, 1985. – 480 с.

253. **Koestler, A.** The Act of Creation [Text] / A. Koestler. London, 1964. – 751 p.

267. Наполеон. <https://www.anekdotovmir.ru/anekdotypro/anekdotypropolina/anekdoty-pro-napoleona/smeshnye-anekdoty-pro-napoleona/>
268. Однажды Маяковского спросили https://vk.com/wall-92876084_333996
269. Рай. <https://inosmi.ru/social/20160918/237843431.html>
270. Сочинение на тему: «Мамина внешность».
<https://www.inpearls.ru/938463>
271. Три часа ночи. <https://tabor.ru/feed/424481>
272. Парадокс. https://vk.com/wall-179925326_316527
273. https://www.facebook.com/permalink.php/?story_fbid=611490072255017&id=123298591074170&locale=az_AZ&rdr